

HAL
open science

Стенограмма конференции ”Политико-конституционный кризис осени 1993 г.: источники, интерпретации и перспективы изучения”, Москва, 17-18 октября 2013 г.

Carole Sigman

► **To cite this version:**

Carole Sigman. Стенограмма конференции ”Политико-конституционный кризис осени 1993 г.: источники, интерпретации и перспективы изучения”, Москва, 17-18 октября 2013 г.. La crise politique et constitutionnelle de l’automne 1993 en Russie : sources, interprétations et perspectives d’étude, Oct 2013, Moscou, Russia. 2014. <hal-02002857>

HAL Id: hal-02002857

<https://hal.science/hal-02002857>

Submitted on 19 Feb 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

С Т Е Н О Г Р А М М А

конференции на тему:

**«ПОЛИТИКО-КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС ОСЕНИ 1993 г.: ИСТОЧНИКИ,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»**

Публикуется с небольшими сокращениями.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1993 год как объект научного исследования

Москва, 17 октября 2013 г.

Пленарное заседание № 1

Интерпретации и перспективы изучения кризиса 1993 г.

Г.А. Сатаров, Р.Г. Пихоя, С.В. Журавлев

ЖУРАВЛЕВ С.В.

Журавлев Сергей Владимирович, заместитель директора Института Российской истории РАН (ИРИ РАН) по научной работе. В своем выступлении подчеркивает необходимость выработки концепции учебника истории, которая бы преодолела поляризацию общества относительно событий октября 1993 года.

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги!

Я бы хотел, открывая сегодняшнюю нашу конференцию, приветствовать, во-первых, всех участников событий 1993 г., и молодое поколение, которое, наверное, еще и не появилось на свет в те времена, о которых мы будем говорить сегодня. И, конечно, мне бы хотелось поблагодарить соорганизаторов этой конференции.

На мой взгляд, сегодня произошло знаковое событие. Мы, наконец, начинаем уходить от политики и пытаемся проанализировать, спустя 20 лет, уже в научном ключе те события, которые происходили в октябре 1993 г. и, подчеркну, результатом которых явилось принятие Конституции. Чем дальше мы уходим от событий октября и декабря 1993 г., тем больше понимаем, что эти два события – октябрьский кризис и декабрь 1993 г. – необходимо рассматривать в связке потому, что без октября не было бы и Конституции, по которой мы сейчас живем, со всеми ее плюсами и минусами.

Несколько слов о соорганизаторах этой конференции и о том, почему вообще родилась эта идея и как мы в Институте российской истории Академии наук рассматриваем значение этой конференции в общем общественно-политическом и историографическом ключе.

Прежде всего, хочется сказать большое спасибо Франко-российскому центру, который был одним из главных организаторов. На самом деле, сейчас первым выступающим должен здесь стоять представитель именно Франко-российского центра, но просто

французские коллеги, по скромности, доверили академическому учреждению, которое я представляю, право открыть данную конференцию.

Во-вторых, мне бы хотелось поблагодарить руководство Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Эту Академию представляет здесь Рудольф Германович Пихоя, декан исторического факультета и один из главных моторов этой конференции, которую трудно было бы организовать без его пробивной способности, без его добрых связей, благодаря которым мы имеем сегодня столь представительный состав участников. Я благодарю всех, кто откликнулся на призыв, и пришел сегодня в этот зал.

Кроме того, у нас есть и люди, которым мы очень благодарны за то, что они нас поддержали. Это и Государственный архив Российской Федерации, Сергей Владимирович Мироненко будет сегодня и завтра присутствовать, это и издательский дом «Коммерсантъ», и общество «Мемориал», которое тоже очень активно принимало участие в обсуждении программы конференции и делегировало несколько своих представителей на эту конференцию.

Кроме этого, хотелось бы выразить благодарность Государственной исторической библиотеке РФ, которая уже многие годы собирает материалы по истории кризиса октября 1993 г. и тоже с большим энтузиазмом откликнулась на идею этой нашей конференции.

Хотелось бы также поблагодарить Главное архивное управление города Москвы, которое также имеет в своей коллекции материалы по истории октябрьского кризиса.

И таким образом, я, кажется, перечислил всех основных соорганизаторов этой конференции. И теперь несколько слов хотелось бы сказать о том, почему вообще возникла эта идея и в каком контексте мы рассматриваем наше сегодняшнее заседание конференции.

Во-первых, вы, наверное, обратили внимание, что 20 лет – это такая итоговая дата, очень важная дата, когда мы имеем уже все основания рассматривать события двадцатилетней давности не как текущую политику, а как, в известной степени, историю. И меняется отношение к этим событиям, уходит в прошлое во многом эмоциональный накал. В большей степени мы начинаем осознавать события двадцатилетней давности в контексте современности потому, что понимаем лучше, в какой мере и как именно те события повлияли на дальнейшее развитие России, на современность. Оценки, естественно, меняются. Одна оценка, эмоциональная и во многом сиюминутная, была в 1993-1994 гг. Понятно, что сейчас по-другому, а, может быть, и существенно по-другому мы оцениваем то, что произошло в начале 90-х гг.

Следующий момент, на который мне бы хотелось обратить внимание. Наш Институт российской истории активно занимается сейчас написанием концепции для будущего школьного учебника, по поручению Президента Российской Федерации. И должен вам сказать, что в связи с этой работой вопрос о трактовке событий 1993 г. вызывает не меньшие дискуссии и в среде профессионалов, и в обществе, чем революция 1917 г., чем индустриализация, Великая Отечественная война. Потому что разные слои общества, в том числе люди, которые участвовали в 1993 г., непосредственные участники тех событий, по моим наблюдениям, крайне заинтересованы в том, чтобы молодое поколение в учебнике получило взвешенную и объективную трактовку тех событий, которые были в 1993 г. Чтобы мы, наконец, ушли от во многом сохраняющейся поляризации общества, которая ведет свою традицию, конечно, еще и с начала века XX, когда мы оказались разделены в условиях Гражданской войны на красных и белых, большевиков и антибольшевиков, на сторонников коммунизма и антикоммунистов, уже впоследствии.

Мне кажется, что мы должны, если думать о научном подходе, всё-таки уходить от политизированности оценок и попытаться посмотреть на них именно с объективной научной точки зрения. И именно поэтому мы обратили внимание на то, что главным базисом научной оценки могут быть источники. Именно поэтому во главу угла нашей конференции мы поставили источниковедческий аспект, какие источники есть на сегодняшний день по событиям октября 1993 г., какие информационные лакуны присутствуют, что мы знаем, что мы плохо знаем, а что вообще не знаем.

И с учетом того, что всё-таки прошло еще только 20 лет, у нас есть возможность выслушать и зафиксировать сведения от активных участников событий. Устная история обладает достаточно совершенными методиками. Сведения устной истории позволяют во многом восполнить фактическую сторону событий 1993 г. Особенно важно и то, что появляется возможность сравнить материалы устной истории, которые вышли из разных лагерей.

И здесь, мне кажется, очень важно представить не только сторону парламента и сторону Президента, но и общественное мнение в регионах и руководителей регионов, т.е. той самой третьей силы, о которой мы сейчас всё больше говорим и всё больше понимаем, что именно позиция регионов в условиях политического кризиса 1993 г. во многом спасла страну от гражданской войны, потому что страна – это не только Москва, страна – это регионы. И то, что ситуация кризиса не была настолько острой в регионах, это во многом заслуга региональных лидеров и общественности регионов. Поэтому я бы обратил внимание еще на этот аспект проблемы.

Далее. У нас в заголовке конференции написано, что мы будем говорить о политико-конституционном кризисе, но, на самом деле, мы должны все четко понимать, что это был не только политико-конституционный кризис, это был комплексный кризис. Этот кризис разворачивался на фоне глубочайшего экономического кризиса и на фоне тех самых реформ, которые были начаты в начале 1992 г., с благой целью, но привели, по моему мнению, к катастрофическим результатам для населения. И, конечно, понимая глубину политических проблем в октябре 1993 г., мы должны понимать одновременно, что всё это было на фоне экономического кризиса. И недооценивать экономический фактор невозможно.

Дальше это был кризис власти, вне всякого сомнения. Можно говорить о двоевластии и находить определенные параллели с ситуацией 1917 г., можно говорить об октябре 1993 г. как кануне гражданской войны, но наличие кризиса центральной власти, на мой взгляд, очевидно.

Далее. Это, безусловно, была ситуация глубочайшего культурного и общественного кризиса, социального кризиса потому, что общество было крайне поляризовано, общество ожидало одного в результате реформ, получило другое, общество было шокировано экономическими реформами. Поэтому без социальных сторон этого кризиса общую адекватную оценку получить мы не сможем.

Я бы хотел еще обратить ваше внимание и на кризис морали. Во многом та ситуация моральная, этическая, которую мы получили в середине 90-х годов, в конце 90-х годов и, к сожалению, сейчас тоже это продолжается, она ведет свое начало в тех самых событиях октября 1993 г.

Что значит, в качестве примера этого морального кризиса, ситуация, когда президентская сторона начинает переманивать на свою сторону, предоставляя определенные материальные преимущества, часть депутатов Верховного Совета, которые в условиях кризиса находились в Белом доме, ведя дело к расколу, когда значительная категория депутатов купилась на эти, скажем так, материальные выгоды и оставила Белый дом?

Если парламентариев можно было подкупать в 1993 г., то почему же Ходорковскому нельзя было перекупать депутатов Государственной думы в начале XXI в.? И самое главное, что всё это происходило на глазах народа, который видел, во что превращается большая политика, во что превращается парламентаризм. И именно тогда в обществе начинают использоваться слова «демократия», «парламентаризм» с негативной коннотацией. Здесь мы должны понимать и это тоже.

Такой комплексный взгляд на события 1993 г. – это то самое главное, о чем мы должны говорить и что мы должны понимать, не ударяться в какую-то одну сторону, а иметь взгляд комплексный на это чрезвычайно важное в нашей истории событие.

Вот на этом я бы хотел остановиться сегодня и пожелать нашей конференции успешной работы, спасибо. (Аплодисменты).

СИГМАН К.

Сигман Кароль, исследователь Центра франко-российских исследований в Москве. Главная мысль выступления: кризис 1993-го года имел собственную динамику, которая не сводится к предыстории и не сводится к обстоятельствам, породившим его.

Спасибо большое.

Дамы и господа, дорогие коллеги!

Сегодня я выступаю от имени французской исследовательской группы, которая организовала эту конференцию, от Амандин Регамэ, которая играла в этом проекте весьма важную роль, от Алексея Береловича, который внес в проект свое тонкое знание российской политической жизни, и от меня лично.

Немного о Центре франко-российских исследований в Москве. Он существует уже больше 10 лет, и его цель – содействовать исследованиям России и развивать сотрудничество в области социальных и гуманитарных наук между Россией и Францией. Когда мы с Амандин Регамэ инициировали идею этой конференции, мы естественным образом обратились к Сергею Владимировичу Журавлеву и к Рудольфу Германовичу Пихое, и мы радуемся результатам этого сотрудничества с Институтом российской истории РАН и Российской академией народного хозяйства и государственной службы. Я хочу дополнительно поблагодарить Рудольфа Германовича и Анну Валерьевну Корнееву за энергию и эффективность, которые они проявили для решения материальных вопросов в организации этой конференции.

Сегодняшняя конференция проходит под названием «Политико-конституционный кризис осени 1993 г.: источники, интерпретации и перспективы изучения», это первый из двух этапов изучения кризиса октября 1993 г. Второй этап состоится в Париже в ноябре под названием «Забытый октябрь? Россия в 1993 году».

Октябрьские события 1993 г. являются одним из решающих моментов, развилкой в политической жизни постсоветской России, и это всё еще жгучий вопрос, который вызывает пристрастные отношения исследователей. Оригинальность этой конференции в том, что она изучает сами эти события, что именно произошло и каким образом.

Кризис 1993 г., конечно, имеет предысторию, в которой кристаллизировались два лагеря. Но эти лагеря оказались далеко не однородными. Более тщательный анализ показывает, что во время кризиса через каждый из этих лагерей проходило немало напряжения,

расколов, разногласий, колебаний и устанавливались весьма кратковременные коалиции. Некоторые действующие лица, которые находились как внутри этих лагерей, так и вовне них, не смогли или не хотели присоединиться ни к какой стороне. Такая беспартийная позиция объясняется не обязательно желанием воздержаться от участия в событиях.

Идея, которую мы хотим подчеркнуть, и это то, что ожидается от освещения этой конференции, состоит в том, что октябрьский кризис имеет свою собственную динамику, которая не сводится к предыстории и не сводится к обстоятельствам, родившим его. Эта собственная динамика прослеживается в четырех областях. Во-первых, все составляющие элементы этого кризиса менялись постоянно в ходе событий и в ходе мобилизации разных сил. Как нам представляется, всё менялось – и мотивации, и цели протагонистов, то, за что они боролись, формы, средства и сам смысл их борьбы. За несколько дней борьба за определение Конституции оборачивалась борьбой за власть, а потом и борьбой за политическое выживание противоборствующих сторон и тех политических институтов, которые они стремились представлять.

Можно проследить собственную динамику кризиса и в том, что ситуация стала резко и крайне неопределенной для всех действующих лиц. Неизвестно, что происходит, обычные каналы коммуникации плохо или вообще больше не работают, разные центры власти не в состоянии проверить информацию, которую они получают. Доминирует недоверие к СМИ, о которых многие участники считали, что они передают фрагментарную и пристрастную информацию. Никто с уверенностью не знает, на кого можно рассчитывать, кто настоящий союзник. Такая неопределенность сильно влияла на восприятие, ожидания и расчеты всех действующих лиц, и способствовала заблуждениям, попыткам блефа и распространению слухов.

Можно проследить собственную динамику кризиса и в том, что он распространяется на многих площадках, физических, социальных и институциональных. Известно, что события имели место в Белом доме, в Кремле, в Останкино, в Моссовете, но уверены ли мы, что кризис не затрагивал другие социальные пространства, о которых речь идет в меньшей степени? Например, в государственных органах власти, федеральных и местных, в Вооруженных Силах, в милиции, в спецподразделениях, в судебных инстанциях, в редакциях СМИ и т.д. Возможно, кризис распространялся в местах, которые не обозначались в предыстории. Это распространение приняло еще и другую форму, кризис не ограничивался борьбой элит, он был кульминационным моментом мобилизации самых разнообразных социальных сил. Люди снизу приняли участие в митингах, в организации помощи раненым и т.д.

И, наконец, кризис имел собственную динамику потому, что то, что делали действующие лица, именно в эти дни, оказалось решающим. Как складывались взаимоотношения между главными противниками, какие были предприняты маневры, какие были нанесены удары и как на них реагировала противоположная сторона? Например, как было принято решение о роспуске Съезда народных депутатов и какие варианты ответа рассматривались в Белом доме? Какова была роль уличных акций в эскалации конфликта? Какую роль играли в этой динамике попытки посредничества, от чьей инициативы, в какой форме и с какими последствиями они появлялись? Известна инициатива Православной Церкви, но были ли другие, не столь публичные попытки посредничества? Как произошел переход к открытому насилию и как он стал возможен? Как и когда было принято решение об обстреле Белого дома?

Список вопросов можно еще продолжить, но мы надеемся, что наша конференция поможет ответить на эти вопросы хотя бы частично. Благодарю за внимание! (Аплодисменты).

ПИХОЯ Р.Г.

Пихоя Рудольф Германович, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. В 1993 г. руководитель Государственной архивной службы России — Главный государственный архивист России.

Уважаемые коллеги!

Несколько слов. Я благодарен самой идее, нашим коллегам из Франко-российского центра, которые решили объявить эту тему. Я напомним, что 5 лет тому назад здесь проходила интересная конференция, посвященная 15-летию принятия Конституции, очень интересная, очень полезная. И сейчас эта проблематика расширяется. Вообще, у нас сегодня замечательный день, 17 октября, для русской истории это важное событие не только тем, что это день рождения моей внучки, но еще и тем, что в этот день был принят знаменитый Манифест 17 октября, с которого начинаются трудные пути представительной власти в России. И любопытное обстоятельство - Конституция воспринимается обществом в дальнейшем всегда как датирующий признак, это важный этап развития государственности. Конституция – это всегда датирующий признак.

Но есть еще второе свойство Конституции, зачастую Конституция означает разрыв правового пространства, окончание одного правового пространства и начало следующего правового пространства, начиная от знаменитой Декларации прав человека и гражданина, и далее по тексту можно приводить огромное количество примеров.

Второе обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание, я процитирую слова Сергея Есенина:

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстояньи.

Когда кипит морская гладь,

Корабль в плачевном состояньи.

На расстоянии видно, что корабль российского государства должен был попасть в плачевное состояние уже потому, что у него был неисправен компас - советская Конституция. Стрелка компаса была неподвижно зафиксирована и указывала на всевластие Советов. Маневрировать было невозможно. Всевластие Советов неизбежностью вело корабль государства российского в бурю политико-конституционного кризиса.

Ваш покорный слуга ввел понятие «политико-конституционный кризис» в историографию в статье, которая вышла во 2002 г. в журнале «Отечественная история» и, похоже, что термин этот более-менее приживается. Хотя я абсолютно согласен с моими коллегами, что кризис 1993 г., имеющий важнейшей составной частью политико-конституционный кризис, далеко не укладывается только в это обстоятельство.

Я надеюсь, что наша конференция станет шагом в решении этой проблемы. Есть проблемы, которые не решаются никогда, в истории это не редкость, существует много проблем, которые будут существовать как проблемы всегда, и всегда будут порождать

споры, но вопрос просто в качестве их обсуждения, в качестве их изучения, в том, что на языке историков называется адекватностью источниковой базы.

Я хочу пожелать успехов нашей конференции. (Аплодисменты).

И первое слово я предоставляю профессору Георгию Александровичу Сатарову: «Конституционно-политический кризис: анализ, подходы, интерпретации». Напоминаю, Георгий Александрович Сатаров, кроме всего прочего, еще и был советником Президента по политическим вопросам, не в это время, немножко позже.

САТАРОВ Г.А.

Сатаров Георгий Александрович, российский политический и общественный деятель, аналитик, публицист, политолог, социолог, профессор РАНХиГС. Президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ» («Информатика для демократии»). События 1993 года встретил членом общественного Президентского совета. С 1994 года член Объединенной комиссии по координации законодательной деятельности, помощник президента Ельцина Б.Н. Говорит о том, что драма российской государственности, которую мы переживаем сегодня в виде разрушения государственных институтов, могла произойти только на фоне равнодушного и усталого общества, а это равнодушие и усталость - результат событий 1993 г.

Добрый день!

На самом деле, вы почувствовали, какое ответственное название у этого доклада, я не уверен, что могу соответствовать. Но я уверен вот в чем. Научные конференции, которые начинаются рано утром, в 10, а то и в 9, имеют одну очень славную традицию, на первых докладах можно спокойно поспать. Боюсь, что я не смогу соответствовать и этому тоже потому, что, во-первых,

тема уж больно серьезная и острая, во-вторых, я не люблю скучно говорить и скучно писать, тогда какой смысл вообще говорить и писать, если делать это скучно. Поэтому я не уверен, что мне удастся вас усыпить, но мы сейчас это проверим на практике.

Итак, прежде чем перейти к тому, что я хотел сказать, я, конечно, хочу отнестись к тому, что уже было сказано, в том числе и уважаемым коллегой Журавлевым, который допустил некую недоговоренность. Я хотел бы расставить точки над *i*, помните эту логическую цепочку, которую коллега выстроил: Кремль, который покупал депутатов в Белом доме, поэтому Ходорковский потом покупал депутатов, выстраивая свои гнусные схемы и, сами понимаете, какой ценой пришлось это всё порушить. Цена, на самом деле, известна, цена называется «полное разрушение государственных институтов в России», которая произошла за нулевые годы, этой ценой удалось побороть Ходорковского.

Поэтому я думаю, что лучше эту тему не трогать, если, действительно, исторически к этому подходить, то, допустим, наши английские коллеги-историки могли бы рассказать здесь, как они мне рассказывали в Англии, что в конце XIX века можно было купить место в парламенте практически в любом графстве. И тут, конечно, сразу возникает вопрос, а какой же октябрь у них привел к этому жуткому безобразию? Или американские коллеги могли бы рассказать про фантастически интересные приключения коррупции в Соединенных Штатах, например, гигантский кризис 60-ых годов XIX века, это всё было связано со строительством железных дорог и т.д.

Вы знаете, наверное, как возник Стэндфордский университет? Это один из результатов фантастической коррупции губернатора Стэндфорда, который учредил фирму из двух человек, губернатора Стэндфорда и приятеля, они почему-то выиграли тендер на строительство железной дороги, хотя ни фирма, ни губернатор к этому не имели никакого отношения, и где-то 50 млн. долларов, это большие деньги были, были потрачены на строительство железной дороги, а еще 70 млн. были украдены, на часть этих денег был создан Стэндфордский университет. А вот после этого разразился фантастический коррупционный федеральный кризис, когда в топку этого кризиса бросались фигуры, вплоть до вице-президентов, я уж не говорю о каких-то там конгрессменах, причем обеих партий. Какой октябрь привел к этой фантастической коррупции, я тоже не знаю, в том числе покупке не только конгрессменов, но и президентов.

Поэтому всё это гораздо сложнее, если мы подходим к этому исторически, сравнительно и прочее. Но я возвращаюсь к нашей теме и хотел бы еще сказать одну вещь, для меня совершенно очевидную, к которой я больше возвращаться не буду. Ведь 1993 г. в нашей новейшей истории был не единственной точкой кризиса, этому предшествовал еще 1991 г., август, и там было много общего географически и сюжетно, был один и тот же Белый дом, были точно так же люди, которые стояли вокруг Белого дома. И это обстоятельство допускает очень простое сравнение, которое расставляет точки над многими i, просто надо сравнить. Сохранились кадры, различное число различных съемок, это люди вокруг Белого дома в 1991 г. и в 1993 г., и это лидеры, которые обращались к этим людям в 1991 г. и в 1993 г. Просто если взять, вот так посмотреть и сравнить, то многое становится ясным. И не случайно один из политических лидеров начала 90-ых Григорий Алексеевич Явлинский в первых числах октября обращался к Президенту Ельцину: «Раздавите фашистскую гадину». И он далеко не единственный из тех, кто потом критиковал Ельцина, обращался к нему с этим призывом.

Но я бы счел свою миссию не выполненной, если бы я обратился к историческим изысканиям в жанре «Кто виноват?». Я прожил достаточно длительную и бурную жизнь для того, чтобы понять, что, когда речь заходит о довольно серьезных потрясениях, будь то гражданская война, а там были, действительно, зачатки гражданской войны, будь то какое-то серьезное военное столкновение или просто война, если мы попытаемся от момента, когда это возникает, разматывать назад цепочку событий и смотреть, кто что сказал, кто что сделал, то практически в каждой точке мы можем найти весьма обоснованную вину той, иной, или третьей, или четвертой, если были таковые, стороны.

Ровно то же самое легко и здесь сделать. И, собственно, 20 лет этим занимались, и для меня было чрезвычайно важно и поучительно, что в неких разговорах с моими старыми знакомцами, коллегами, с которыми я приятельствовал с 90-ых годов, в том числе и теми, которые в 1993 г. относительно меня стояли по другую сторону баррикад, мы начали находить общий язык, на базе понимания этого обстоятельства. На самом деле, глядя отсюда на 20 лет назад, в 1993 г., мы-то ясно понимаем, что проиграли обе стороны, и та, которая защищала Белый дом в 1993 г., и та, которая покупала депутатов или огораживала его и отключала там все средства жизнеобеспечения, а потом включала и т.д.

Гораздо интереснее другое, а, собственно, почему это произошло Не в смысле потому, что кто-то что-то сказал, или кто-то что-то не сделал, а что в этом историческом процессе сделало это практически неизбежным.

Не потому, что это произошло, ведь в жизни далеко не обязательно происходит то, что имеет максимальную вероятность, это тривиально, а потому, что, когда мы это разматываем, когда мы рассматриваем альтернативы, когда мы рассматриваем такое поведение, такие действия сторон, и когда мы думаем, а могли ли они действовать по-другому, и когда, в том числе, и относительно тех, кто был с тобой по одну сторону баррикад, и когда ты думаешь, э, всё-таки, наверное, не могли, ты каждый раз убеждаешься, что это всё было почти неизбежно. Я не могу говорить – абсолютно неизбежно, потому что всё-таки это вероятностные процессы, ничего абсолютно детерминированного нет здесь, но, тем не менее, это было почти неизбежно. Это первое.

А второе, к чему же это всё-таки привело и как это повлияло на дальнейший ход нашей новейшей истории. Я на этом попробую остановиться.

Итак. Ведь в то же самое время, когда происходили все эти события, в переходном состоянии, в состоянии транзита находилась не только Россия, или как перед этим находился не только Советский Союз. Наши братья по социалистическому лагерю переживали похожие проблемы, но была существенная разница. Всё-таки то обстоятельство, что мы жили 70 лет при Советской власти, а это три поколения, куда ни кинь, это повлияло фантастически. Для сравнения, мы в «ИНДЕМЕ»¹ занимались разного рода трансформационными процессами в России и в других соседних странах, анализировали, сравнивали и т.д., и у них была некая единая сверхидея, которая объединяла общество и политическую элиту, жить так, как до Советов. Так звучала эта идея в Польше, в Чехии, в Болгарии, в большом числе других стран, - жить так, как до Советов. Причем это доходило до вещей анекдотических, допустим, теперь всё, с Советами покончено у нас, нам нужна, например, новая судебная власть. Какая власть нам нужна? А вот та, которая у нас была до того, как пришли Советы, мы будем возвращаться к этой модели. И они восстанавливали эти модели, потом уже, после того, как они восстановили, спустя 5, 6, 7 лет, они начинали задумываться о других горизонтах, надо входить в ЕС и т.д., надо эти модели совершенствовать и приводить в соответствие с современностью. Но главная сверхидея была – вернуться туда.

Но как вы понимаете, по прошествии 70 лет и трех поколений идея вернуться «туда» не могла объединять российское общество. Что такое «туда» - практически, кроме историков, которые до сих пор считают, что историческая традиция у нас прервалась в 1917 г., об этом никто и не задумывался. И эта фантастически искореженная психология, о чем я еще буду говорить, фантастически искореженное сознание привели к тому, что мы имели и расколотое общество, и расколотую политическую элиту, трудно было себе представить, что она может быть объединена вокруг некой идеи. Причем расколов было много, это не просто раскол – идти вперед или вернуться назад, это всё понятно, это и по поводу идти вперед тоже не было никакого единого понимания. Это первое обстоятельство.

Второе. Действие этих 70-ти лет Советской власти сказалось, прежде всего, на фантастически конфронтационной политической культуре. Даже, пожалуй, самый компромиссный из политиков 90-ых годов Борис Николаевич Ельцин, и я готов доказать, почему он был самым компромиссным политиком в то время, даже его это охватывало, и

¹ Фонд прикладных политических исследований «Информатика для демократии».

очень часто он не мог преодолеть себя даже для решения чрезвычайно важных для него задач. Я сейчас скажу не очень важную вещь, просто проиллюстрирую это.

Когда я работал у Бориса Николаевича уже в качестве помощника, я отвечал за его взаимодействие с парламентом, в частности, была такая форма взаимодействия, как его регулярные встречи с лидерами фракций, приходит лидер фракции, еще 2-3 человека, и они обсуждают какие-то проблемы, ставят перед ним, он перед ними и т.д. Он не мог преодолеть себя для того, чтобы встретиться с коммунистами и жириновцами, он встречался с кем угодно, даже с аграриями, хотя аграрии были самые страшные и зверские лоббисты, но ни с коммунистами, ни с жириновцами он ни разу в этом формате не встретился. Он встречался с ними на самых общих тусовках, когда приходили представители всех фракций, тут никуда не денешься, но лично не мог себя преодолеть, чтобы встретиться. Это малосущественно, но были вещи гораздо более существенные, в том числе и связанные с этим кризисом осени 1993 г.

Кто не с нами, тот против нас – это наследие советской политической культуры. Понимание того, что политика не обязательно является игрой с нулевой суммой, это наследие советской политической культуры и, конечно, это сказалось дальше, сказывалось всё время, точнее, и, конечно, это сказалось осенью 1993 г., в том числе 3 октября, я имею в виду не события эти трагические, а я имею в виду переговоры в Свято-Даниловском монастыре. Кстати, очень рекомендую почитать, это всё есть в Интернете,² абсолютно доступно, чрезвычайно поучительное чтение.

Упомянувшиеся уже коллегой Журавлевым аномические эффекты переходного периода, я имею в виду это обычное понятие «аномия», которое ввел Дюркгейм, которое развивал Мертон и т.д., переходный период – это когда рушится одна система норм, а еще не начала работать другая система норм. Это чрезвычайно тяжелое время, человек – животное социальное, никуда от этого не денешься, а тут социальность разрушается. Человек – не просто животное социальное, но человек в отсутствии социальности – животное чрезвычайно опасное, это одна из самых мерзких мутаций на филогенетическом дереве, как считают антропологи. И если бы не наша социальность, мы бы просто как вид не выжили. А переходный период – это всегда трагедия социальности, и это был как раз этот период, и это тоже сказалось на всём, что происходило тогда, и на взаимоотношениях внутри политики и внутри политиков, и на горизонтах того, что неформально обозначается – границы дозволенного и т.д.

Четвертое. Это опять относится, конечно, к наследию советского периода, но это другая сторона нашего сознания, прежде всего, сознания элиты, это такое советское позитивистское отношение к праву, то, что закон является источником права. Меня всегда поражала эта странная конструкция, потому что она внутренне противоречива. Ведь если закон является источником права, а источником закона являются конкретные законодатели, то как так получается, что учрежденное ими право ими же тут же меняется, например? Я до сих пор не могу в этом разобраться, наверное, придется мне с ними на эту тему беседовать, может быть, они мне помогут это понять, как это внутри уживается. Ведь тогда принятие поправок к законам – это акт самобичевания, понимаете? Ведь одно дело, когда закон – это не очень точное отражение жизни и мы эту жизнь рефлекслируем, пытаемся понять и выразить это в законе, это одно, тогда понятие поправки понятно, жизнь меняется, и мы не очень точны в нашем понимании жизни. Но когда, наоборот, мы жизнь творим своими законами, что такое позитивистский подход – я принимаю закон, и дальше жизнь течет по этому закону. Но коль скоро это так, почему ты потом принимаешь другой закон, или принимаешь поправку к этому закону? Я до сих пор не могу это понять.

² http://1993.sovnarkom.ru/KNIGI/Voronin_YuM/Voronin_YuM_3-05.htm

Но это приводило к совершенно потрясающим вещам. Например, это всё тоже сохранилось, все эти данные, можно посчитать частоту принятия поправок к Конституции, вернее, период между двумя поправками. Принимается за одно заседание примерно порядка 40 поправок, и средний интервал между принятием двух поправок – где-то в районе полутора минут. И это всё происходило в 1992 г., начале 1993 г. и т.д. Но это только с Конституцией, я про Конституцию говорю, но примерно то же самое происходило и в других сферах права. Кстати, это не проблема Верховного Совета РСФСР и т.д., это началось всё гораздо раньше. Лозунг «Мы можем решить любую проблему» был сформулирован на Первом Съезде народных депутатов СССР. Причем в это вкладывался буквальный смысл, но то, что наши конституционные полномочия предусматривают возможность принять любую норму, любого характера, а такое представление было, что когда мы принимаем эту норму, мы и решаем проблему, сразу, как мы проголосовали, тут же проблема и решена, и жизнь потекла по-новому.

И последнее очень важное обстоятельство, которое тоже, конечно, влияло на происходящее, это то, что это был период гигантского передела советского наследия. Я напому, что 70 лет Советской власти – 70 лет контроля над собственностью, не было понятия собственности, а было понятие контроля над собственностью. Понятно, что в эти три года – 1991, 1992, 1993 гг. приватизация еще не приобрела такой размах, когда можно было говорить о контроле над собственностью через владение собственностью. А вот борьба за контроль над собственностью, конечно, шла фантастических размеров. Был только один момент, когда это ослабло, это конец 1991 года, это пик кризиса, фантастический совершенно, когда Борису Николаевичу с большим трудом удалось найти людей, которые готовы были возглавить исполнительную власть потому, что многие знаковые люди, к которым обращался Президент, отказывались от поста премьера. И именно тогда и именно поэтому, после того, как многие отказались, и возникла кандидатура Гайдара. Понятно, что Ельцин взял на себя пост, тем более, что в конце 1991 года на Съезде народных депутатов ему были даны исключительные кризисные полномочия по принятию экономических решений.

Потом эта страшная вещь, под условным названием «реформы», конечно, это не были реформы, это был адреналин в сердце такого финансово-экономического трупа, а не реформы. Но когда организм вздрогнул и начал подавать признаки жизни, тогда обнаружилось, что проблема возникла снова контроля над собственностью, и тут уже было важно, кто должен стоять у руля. И этот конфликт был очень существенным.

Как вы видели по программе, здесь еще много будут говорить о том, что тогда происходило, будут выступать свидетели событий гораздо более авторитетные, чем я. Я хотел бы в заключение поговорить о последствиях.

Если говорить о самом ближайшем и действующем на нас до сих пор последствии, то это, конечно, Конституция Российской Федерации. Если взять две ее редакции, редакция августа и редакция ноября, то это, конечно, были отличающиеся Конституции, и в нее Ельцин вносил поправки. Я имею в виду Конституция августа – это одобренная, рекомендованная Конституционным совещанием. И та Конституция, которая выносилась Ельциным потом на референдум, конечно, отличались, и отличия были далеко не в благоприятную сторону, с точки зрения общих конституционно-правовых соображений, был серьезно нарушен баланс властей и, конечно, это было следствием травмы этих событий осени 1993 г.

События осени 1993 г. – это колоссальное ослабление федеральной власти, это были события, на которых авторитет региональных властей подпрыгнул чрезвычайно существенно. И это сказалось на Конституции тоже. Например, по Конституции Америка

весьма федеративное государство, как мы догадываемся. Так вот, американская Конституция содержит институт федерального вмешательства в кризисных ситуациях в дела штатов. В определенных ситуациях Президент, например, может ввести Национальную гвардию. В Конституции Российской Федерации, даже в редакции октября-ноября 1993 года этого не было, и это тоже дефект, но в другую сторону, но тоже дефект, связанный с этой травмой, произведенной событиями 1993 г.

Второе. Это то, что здесь уже упоминалось справедливо, колоссальное разочарование общества в демократии, в парламентаризме. Люди смотрели на экранах телевизоров то, что показывало CNN и не только CNN, и они спрашивали себя: и это вы называете демократией? И то, что потом должно было произойти неизбежно, традиционный постреволюционный синдром, усталость от революции, бегство от политики и т.д., в России это всё было, как в любой стране, переживающей постреволюционный период, но всё это было усугублено чрезвычайно серьезно. И та драма российской государственности, которую мы переживаем сейчас, я имею в виду в первую очередь разрушение государственных институтов, это тоже могло произойти, во-первых, только на фоне равнодушного и усталого общества, а это равнодушие и эта усталость, в том числе, это и результат 1993 г.

И когда сейчас, помните, я с этого начинал, что проиграли мои коллеги и по ту, и по другую сторону баррикад. Но, увы, печально, даже не это самое трагичное, трагично другое, то, что многие эти эффекты 1993 г. и многие причины, приведшие к этим событиям, они сохранились, они проявляются сейчас, в том числе та же конфронтационная политическая культура, тот же подход к праву, та же борьба за собственность вне правовых рамок. Прошло 20 лет, а поменялось немного, может быть, за исключением одного, что внушает мне определенный оптимизм.

Всё-таки есть неизбежные биологические процессы, с которыми мы боремся не в состоянии. Приходит новое поколение, и то, что я наблюдаю, меня радует потому, что в них этого советского наследия гораздо меньше. И вот на этой оптимистической ноте я хотел бы закончить. Спасибо. (Аплодисменты).

СТРУКОВА Е.Н.

Струкова Елена Николаевна, заведующая Фондом нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ). Тема доклада: «1993-й год: проблемные узлы историографии».

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я, пользуясь случаем, передаю приветствие от директора нашей библиотеки Михаила Дмитриевича Афанасьева, который, к сожалению, не смог прийти на конференцию, и немножко развею завесу таинственности, что такое Фонд нетрадиционной печати, чтобы не было недомолвок. Просто наш отдел так называется с 1989 года, когда мы начали собирать те материалы, которые не поступают в библиотеку по официальным каналам комплектования. Именно с этим и связано мое присутствие здесь и, в общем, мой интерес к собиранию источников по тематике 1993 г.

И теперь перейдем к докладу, поскольку это библиотека, я остановлюсь на неких проблемах историографических, которые нам удалось отследить, в первую очередь, при подготовке выставки, которая сейчас проходит в обществе «Мемориал», о чем будут еще

мои коллеги рассказывать. А я готовила книжную часть экспозиции и в результате этого у меня появились некоторые соображения, которыми я хотела бы с вами поделиться.

Во-первых, история октябрьских событий 1993 г., естественно, это один из самых трагических сюжетов современной истории и, вместе с тем, один из самых востребованных. Если так можно сказать, применительно к драматическим событиям, действительно, один из самых счастливых сюжетов. Поскольку классическое единство места, времени и действия, когда были сконцентрированы многочисленные события и людские судьбы, сразу показало современникам, что на их глазах происходит некое, совершенно знаменательное, исключительно важное событие, и первое, что нужно сделать, это собрать и сохранить свидетельства и документальные материалы, посвященные этим дням.

Поэтому фактически появляется сразу несколько групп исследователей и журналистов – участников событий, которые приступили к общественным расследованиям и анализу фактов.

Для историков такой отправной точкой можно считать круглый стол российских и зарубежных исследователей «Октябрьские события 1993 г. в России в контексте времени», проходивший в ИРИ РАН 10 декабря 1993 г. Его материалы составили сборник «Новый Октябрь в оценке историков». Открывая заседание, Андрей Николаевич Сахаров заметил: «Октябрьские события – это не просто схватка у Белого дома двух противоборствующих сторон, это событие, которое является феноменом историческим и проблемой исторической».

Одним из самых заметных выступлений стал доклад Юрия Александровича Полякова, в котором он обозначил основные темы, по которым, по его мнению, будут развиваться дальнейшие исследования. В частности, говоря об источниках, он отметил, что в настоящее время, на декабрь 1993 г., ему известно 10 периодических изданий и 20 независимых исследовательских групп, которые занимаются сбором информации о событиях 1993 г., и далее он наметил, какая, по его мнению, тематика будет затронута в исследованиях.

Первую группу он определил, как события, которые лежат на поверхности, их можно оценивать и трактовать по-разному, но сами факты неопровержимы. Например, к таким относится Указ 1400, он существует и всё, документы Верховного Совета, документы Конституционного Суда.

Вторая группа – это события, по сути которых существуют разные версии, к ним докладчик отнес штурм Останкино.

Третья группа – это события, о которых нам известно в общих чертах, в данном случае говорилось о штурме Белого дома.

Четвертая группа – выявление численности погибших и раненых.

И пятая группа – реакция на Указ 1400 в регионах.

И как показало дальнейшее развитие событий, представленная схема оказалась достаточно жизнеспособной, и с некоторыми изменениями она существует, как ни странно, и в настоящее время. Хотя, я еще раз отмечу дату доклада, это 10 декабря 1993 г. Так, среди первых общественных групп, которые занимались расследованием событий октября 1993 г., на мой взгляд, более близкими к научному анализу и обобщению данных были две.

Первая – это «Люди октября 1993 г.», под руководством историка и общественного деятеля Михаила Гэфтера, которая реализовывалась совместно с обществом «Мемориал».

В заявлении о намерениях, опубликованном в 1994 году, в журнале «Век XX и мир» цель программы была сформулирована следующим образом: «Из отдельных фрагментов, ситуаций, намерений, поступков, переживаний воссоздать социально-историческую панораму московской трагедии, сосредоточившись преимущественно на ее ментальном срезе». Среди задач, которые были поставлены перед участниками программы, была разработка методологии для исследования предполагаемого масштаба; поиски научно-организационной стратегии междисциплинарной работы, ориентированной на контакт с участником событий; и совершенствование исследовательского инструментария на стадии первичного сбора материала, систематизации и обработки источников. Из важного, что удалось сделать участникам, это собрать большой объем свидетельств и оригинальных источников. Об этом еще будут подробно рассказывать мои коллеги. Однако масштабный замысел не был реализован, в первую очередь в связи со смертью Михаила Яковлевича Гефтера в феврале 1995 года. И кроме собранных документов, конечно же, на мой взгляд, имеет важное значение методология, разработка методологических основ сбора информации, которая может быть применена не только к событиям октября 1993 г., но и в других масштабных исследованиях.

Вторую группу исследователей составили экономисты, придерживающиеся марксистских взглядов – Александр Бугалин и Андрей Колганов. Авторы пытались занять абстрактную позицию, они указывали, что фактически националисты-государственники ведут страну к тому же тоталитарному результату, что и ельцинисты, только движутся они к этой точке с разных мест, спиной друг к другу. При всей тенденциозности исследования несомненным достоинством является два факта – их книга «Кровавый октябрь в Москве» стала первым опубликованным исследованием, посвященным трагическим событиям и, второе, был введен в оборот достаточно широкий круг источников и свидетельств. Основная цель исследования – попытка реконструкции событий, которые имели место в Москве, основываясь на достаточно скудном и противоречивом материале. Фактически речь в книге идет о событиях, по существу которых существуют разные версии. Книга «Кровавый октябрь в Москве» стала одним из первых исследований в ряду многочисленного жанра расследования событий, хотя, в принципе, первым таким расследованием стоит считать книгу Александра Тарасова «Провокация»³, которая вышла еще в 1993 г.

Избежать субъективного подхода к оценке событий, сделанной по горячим следам, когда исследователя не отделяет хронологическая дистанция, невозможно. Но также несправедливо ждать, когда пройдет время и можно будет говорить о событиях с определенной долей вероятности и отстраненности. И я бы хотела в заключение, как первый этап, остановиться на двух работах. Это статья «Четвертая октябрьская политическая система и ее социально-исторический кризис» Павла Волобуева и работа Александра Зевелева и Юрия Павлова «Расколота власть», оба исследования были опубликованы в 1995 году.

В первом рассматриваются события октября 1993 г. в контексте истории России, автор выступает с резкой критикой ликвидации Советов, пишет о том, что сложившаяся в результате система не стоила таких жертв и приведет к еще большему кризису в стране. Статья фактически обозначила подход в изучении темы истории октября 1993 г. как истории ликвидации Советской власти.

И, наконец, последним исследованием этого периода анализа по горячим следам ситуации стала монография Александра Зевелева и Юрия Павлова «Расколота власть», изданная в издательстве РОССПЭН в 1995 году. Первая часть исследования – это хроника,

³ http://scepsis.net/library/print/id_2571.html

восстанавливающая события этих 14-ти дней, вторая – авторская позиция. Сразу отметим, что существование жанра хроники в сюжете об октябре 1993 г. не было новым явлением. Первая хроника была подготовлена Агентством «Постфактум» в 1993 г., но примечательно то, что в книге Зевелева и Павлова хроника выступает как часть исторического исследования, и вывод, который делают авторы, можно ли назвать противостояние в Москве гражданской войной, авторы отвечают, что мы полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Подводя итоги первого периода исследования октября 1993 г., можно сказать, что при наличии субъективности, которая неизбежна при подготовке исследования участниками событий на уровне первого этапа, была обозначена проблема и заложены методологические принципы исследования темы. Октябрь 1993 г. неумолимо становился достоянием истории и важной вехой, настолько важной, что без упоминания в монографиях общего характера и учебных пособиях невозможно было обойтись. Постепенно прекратили деятельность общественные центры по расследованию событий. Фактически в конце 90-ых – начале 2000-ных единственные сборники, которые выходили, это комиссий Государственной Думы под редакцией депутата Татьяны Астраханкиной. Но именно в этот период выходит огромное количество источников мемуарного характера, воспоминания Александра Руцкого, Руслана Хасбулатова, Юрия Воронина, депутатов Ионы Андропова, Андрея Кривошапкина, Анатолия Грешневинова, Владимира Исакова и многих других.

Прочно занимает экологическую нишу отсутствующих исторических исследований жанр расследований, литературно-художественной, в лучшем случае историко-публицистической прозы, где догадки автора, не подкрепленные документальными источниками, образуют причудливую смесь с фактами, которые имели место. Круг авторов, которые писали такие расследования, достаточно широк, от известного журналиста Александра Проханова, общественного деятеля Юрия Власова, писателя-фантаста Юрия Петухова и т.д.

Появление этого жанра не является фактом историографии, но оно нам ярко показывает, с какой быстротой заполнилась та ниша, которую любезно им предоставило молчание историков. Однако именно это время и стало той хронологической дистанцией, которая отделила историка от изучаемых событий. И первые, действительно, исторические работы об октябре 1993 г. появляются в 1999 г. и касаются они регионального аспекта. Это работа Голощапова «Ликвидация органов Советской власти на Дальнем Востоке», Хабаровск, 1999 г. Работа продолжает линию Павла Волобуева, когда события рассматриваются в контексте прекращения существования Советов. И очень интересная и малоизвестная статья Татьяны Черновой «Листовки в фондах музея», о листовках октября 1993 г. в Кемеровском краеведческом музее. Несмотря на заявленный обзорный характер работы, статья является интересным источниковедческим исследованием, в котором сопоставляются бытовавшие в то время московские и кемеровские листовки.

Фактически должно было пройти десятилетие, чтобы тема трагических событий октября 1993 г. обрела новое звучание, и на сегодняшний день наиболее перспективный аспект, о котором уже упоминал Рудольф Германович, это изучение событий Белого дома как результата конституционного кризиса в стране. И как раз исследование, тоже упоминавшееся, «Конституционно-политический кризис в России 1993 г.», опубликованное в 2002 г. в журнале «Отечественная история», дало толчок к следующим исследованиям, которые появились в российской историографии. Фактически в ближайшие годы было защищено, как мне известно, три кандидатские диссертации, это 2004 г. – «Российский конституционный кризис 1992-1993 гг.», Санкт-Петербургский государственный университет, Екатерина Тарасова; 2005 г. – «Конституционно-

политический кризис в России 1992-1993 гг.», Российская академия государственной службы, Фатима Малхозова, научный руководитель Р.Г. Пихоя; и 2006 г. – «Политико-конституционный кризис 1990-1993 гг.», МГУ, Константин Штим.

При разработке темы аспирантами также был опубликован ряд статей, а Екатерина Тарасова в 2007-2010 гг. опубликовала две монографии, последняя из которых «Потерянная альтернатива становления новой политической системы». Важность и актуальность исследования темы именно в таком ключе была подкреплена выходом шеститомного, в 10-ти книгах издания «Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия. Стенограммы, материалы, документы», вышедшего в 2007-2010 гг. под редакцией бывшего руководителя Рабочей группы Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Олега Румянцева. И также отметим, что разработка этой темы именно в аспекте конституционного кризиса успешно проводилась и политологами, и юристами, и также было достаточно большое количество публикаций по этому вопросу.

В 2010 г. был также поставлен вопрос о важности изучения статистики жертв противостояния в Москве. Исследователь Валерий Шевченко опубликовал книгу «Забывшие жертвы октября 1993 г.», в которой, на основе известных ему данных периодики и воспоминаний, привел статистику. Она расходится с общепринятой, но имеет право на существование, хотя, подчеркиваю, эта работа носит скорее публицистический характер, но основана на фактическом материале.

Успешно продолжается в последние годы изучение темы в регионах, в Самарском земском сборнике была опубликована статья Михаила Матвеева «Политический кризис сентября-октября 1993 г. в Самарской области и ликвидация системы народных депутатов». В последние годы авторы жанра научно-популярных расследований пытаются расширить источниковую базу свои работ и патетические и пристрастные произведения уступают место исторической публицистике, основанной на источниках и даже, что отраднее, очень часто в конце книги приводится список литературы, на которой основывался автор. Отметим в этой связи книгу Семена Чарного «Гайны октября 1993 г.» и «Расстрел Белого дома» Александра Островского.

И, наконец, стоит упомянуть о продолжающихся публикациях источников. Это и свидетельства, иногда вышедшие небольшим тиражом. Так, например, в историческую библиотеку недавно поступила книга воспоминаний «Русское Национальное Единство на защите Белого дома», в другой бы аудитории я не стала ее рекламировать, но в профессиональном сообществе считаю возможным упомянуть. Из серьезных публикаций – стенограмма заседаний IV Съезда Советов под редакцией Сергея Бабурина, участника событий. И одна из последних публикаций – реконструкция последних номеров «Ведомостей Съезда Верховного Совета», авторский проект журналиста Григорий Белонучкина, книга вышла тиражом 100 экземпляров, в библиотеке есть, можете приходить.

Октябрь 1993 г. оказался очень благодатной темой, и мы уже отчетливо можем сказать, что годы перестройки не оставили после себя стольких воспоминаний очевидцев событий, сколько эти 14 дней. И в новейшей истории России едва ли найдется сюжет, более овеянный мифами и легендами, чем октябрь 1993 г., особенно взятие Останкино или штурм Белого дома. Именно недостаток источников, наличие большого количества специфических расследований и версий, отраженных в воспоминаниях, требует бережного, кропотливого отношения к источникам и фактическому материалу. Октябрь 1993 г. – это многослойный сюжет, когда, с одной стороны, мы имеем дело с конфликтом

законодательной и исполнительной власти, с конституционным кризисом, с другой – с историческим событием, окруженным завесой домыслов и толкований.

И в завершение, как сотрудник Исторической библиотеки, я приглашаю вас посмотреть на нашем сайте, у нас опубликована библиография к выставке, которая сейчас проходит в «Мемориале⁴». Так что, надеюсь, наше сотрудничество еще продолжится. Спасибо. (Аплодисменты).

ЗЕЗИНА М.Р.

Зезина Мария Ростиславовна, профессор РАНХиГС. Тема доклада: «Политический кризис в российских учебниках истории». Ставится задача – проанализировать, как события кризиса 1993 г., причины кризиса, ход событий, способ разрешения кризиса освещаются в школьных и вузовских учебниках. Говорит о противоречивой картине конфликта, предьявленной учащимся – школьникам и студентам.

Уважаемые коллеги!

В нашей небольшой аудитории явно выделяются три группы участников. Во-первых, это люди, которые принимали непосредственное участие в событиях 1993 г. и, можно сказать, делали историю. Во-вторых, это люди, которые прекрасно помнят эти события, являются современниками, переживали, смотрели по телевизору страшные кадры расстрела Белого дома. И, наконец, здесь есть довольно большая группа наших студентов, которые родились в 1993 г. или, может быть, даже после 1993 г. Это люди, для которых события 20-летней давности – глубокая история. Хотя эти события изучаются в школе, и в школьных учебниках они освещаются достаточно подробно, я убеждена, что представление о том, что происходило со страной, у молодых людей весьма смутное. В прошлом году, когда мы в научно-студенческом обществе обсуждали тему экономических реформ и их бытового измерения, я с удивлением узнала, что мало кто из студентов представляет, как выживали их семьи в начале 1990-х.

Конечно, значительную роль в формировании, представлений молодежи о том, что происходило со страной в 1993 г., о трагическом противостоянии ветвей власти, о том периоде, когда страна оказалась на грани гражданской войны, играют учебники. В моем выступлении ставится задача проанализировать, как события кризиса 1993 г., причины кризиса, ход событий, способ разрешения кризиса освещаются в школьных и вузовских учебниках.

Вопрос, мне кажется, чрезвычайно важный хотя бы потому, что сейчас поставлена и широко обсуждается задача создания единого школьного учебника. Опубликован историко-культурный стандарт, который сокращенно называется ИКС, и который должен быть положен в основу этого нового единого учебника. Кроме стандарта опубликован перечень трудных вопросов. К моему очень большому удивлению, хотя в стандарте есть политический кризис 1993 г., в перечне трудных вопросов политический кризис 1993 г. отсутствует. Видимо, авторам стандарта и будущим авторам учебника этот вопрос не представляется сложным. Среди трудных вопросов есть вопрос о причинах и последствиях побед Ельцина в политических схватках 90-х годов, вопрос, который, мне кажется, звучит, по крайней мере, странно. Почему сложнейшие политические перипетии 90-х годов сводятся к личной борьбе Ельцина? Борьбе за что? За власть? Но в 1991 г.

⁴ http://www.shpl.ru/events/exhibition/moskva_1993_chetyrnadcat_dnej_oseni/

Ельцин был всенародно избран первым Президентом России, а в 1999 году он добровольно ушел в отставку.

Обратимся к учебникам. Для анализа выбраны школьные, вузовские учебники, прежде всего, изданные в последние годы и рекомендованные Министерством образования и науки Российской Федерации. Выбор, в общем-то, был не очень сложный, потому, что рынок учебников уже давно поделен, и есть такие учебники, которые издаются в 12-ый и в 13-ый раз.

Очевидно, что освещение современной российской истории в учебной литературе представляет особые сложности – нет исторической дистанции; отсутствует устоявшаяся историографическая традиция, и, как было хорошо показано в предшествующем выступлении о состоянии историографии этой темы, трудности для авторов состоят в том, что они сами пережили это время, помнят события и не свободны от политических пристрастий и оценок.

В соответствии с требованиями жанра учебной литературы большинство авторов воздерживаются от категоричных оценок, когда речь идет о горячих сюжетах недавнего прошлого. В целом, конечно, тексты взвешенные, преобладает перечисление фактов, а не политические оценки. Но спорят не цвета, а оттенки, и различия в авторских подходах при освещении одних и тех же событий, конечно, заметны. Попробуем их выявить.

Начну со школьного учебника, который издается уже 12-ый или 13-ый раз. Видимо, этот учебник достаточно хорошо прижился в школе и пользуется популярностью. Он рекомендован Министерством образования и науки, прошел экспертизу Академии наук и Академии образования, был победителем конкурса учебников по новейшей истории для общеобразовательных учреждений. Это учебник под редакцией Загладина. Точнее, можно говорить о двух учебниках по истории России – для 9-го и для 11-го класса. Поскольку в школе принята концентрическая система обучения истории, и присутствующие здесь студенты, недавно школу закончившие, наверное, это прекрасно помнят, школьники изучают одни и те же события, один и тот же материал два раза, в 9-м классе, и затем в 11-м. Я сравнила параграфы, посвященные политическому кризису 1993 г. в учебниках для 9-го и 11-го класса, и отличий почти не заметила. Есть некоторые отличия в акцентах. Так, в учебнике для 11-го класса подзаголовок параграфа звучит «Курс реформ и политический кризис», а для 9-го – «Политический кризис и принятие новой Конституции». То есть, в одном случае политический кризис связывается с недовольством ходом реформ, т.е. сначала реформы, и за ними последовал кризис, в другом случае акцент делается на том, что выходом из кризиса стала новая Конституция.

Приведу несколько характерных пассажей из текста, которые показывают, какая общая картина изображается на страницах этих учебников. Верховный Совет во главе с Руцким и Хасбулатовым назван центром оппозиции. Возникает вопрос: оппозиции кому, если они сами представляли законодательную власть? Отмечается, что депутаты бойкотировали предлагаемые законы, пытались ограничить власть Правительства и Президента. Как это может понять одиннадцатиклассник, которому на уроке обществоведения рассказали, что правительство должно исполнять законы, что правительство – исполнительная власть, а законы принимают депутаты. **Если депутаты бойкотируют законы, предлагаемые правительством, а правительство претендует на власть, может быть, правы депутаты?**

Разрешение конфликта в пользу Президента мотивируется тем, что большинство населения на референдуме в апреле 1993 г. высказалось за доверие Ельцину. Авторы подчеркивают, что противостояние Президента и народных депутатов в условиях незавершенности реформ угрожало полной экономической и социальной катастрофой.

Ответственность за начало вооруженного столкновения возлагается на сторонников Верховного Совета, поскольку отмечается, что они захватили мэрию, попытались взять штурмом телецентр.

То есть, картина достаточно противоречивая, и, на мой взгляд, не дает достаточно ясного и цельного представления о том, что происходило.

Следующий учебник из серии «МГУ школе». Это учебник под редакцией Карпова, он рекомендован для 11-го класса и также имеет положительное заключение и Академии наук, и Академии образования. В отличие от учебника под редакцией Загладина, здесь меньше внимания уделено событийной стороне конфликта, но больше его сути. Авторы акцентируют внимание на переходном характере российской государственности, что, в общем, вполне справедливо, и говорят о том, что перед страной стоял выбор формы государственности – президентская республика, парламентская республика или парламентско-президентская республика. И таким образом, переходным характером российской государственности объясняется противостояние исполнительной и законодательной власти. Авторы пишут о том, что у каждой из ветвей власти, исполнительной и законодательной, сложилось свое представление о стратегии экономических реформ, формах и методах разгосударствления собственности. Ход событий на фоне этой схемы дан очень неполный, без оценочных терминов, но общая картина выглядит куда более логичной и понятной, нежели в первом учебнике, о котором я ранее говорила.

Далее обратимся к учебнику под редакцией Сахарова. 6-ое издание этого учебника вышло в 2013 г. в серии «Академический школьный учебник». Можно рассматривать этот учебник совместно с другим учебником, вышедшим в 2012 г., тоже под редакцией Сахарова. Другой учебник ориентирован на более широкую аудиторию - абитуриентов, студентов, преподавателей, всех, кто интересуется новейшей историей. Что касается событий 1993 года, то практически одинаковый текст предлагается как для школьников, так и для широкой аудитории, просто в другом издании.

Этот учебник можно отнести к концептуальным, и общая концепция, в которую авторы вписывают политический кризис 1993 г., представляет несомненный интерес. Но вместе с тем вызывает массу вопросов. Так, соответствующий параграф начинается с того, что авторы проводят параллель между ситуацией начала XX века и начала 90-х годов, когда новая российская государственность рождалась, цитирую, «в атмосфере хаоса и безвластия, а общество и власть не были готовы к кардинальной смене характера социально-экономического развития». На мой взгляд, параллель с началом века явно хромает, ведь в 1917 г. советское государство строилось практически с нуля, а в 1992-1993 гг. уже действовали новые органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Не вполне понятно, что авторы имеют в виду под неготовностью власти и общества к кардинальной смене социально-экономического развития потому, что необходимость рыночных реформ не только широко обсуждалась на всех уровнях, но уже были сделаны важнейшие шаги в этом направлении, была введена свобода торговли, началась приватизация. И, наконец, кто же начал реформы, если власть к ним не готова? Разве общество было не готово к реформам? Результаты апрельского референдума 1993 г. свидетельствуют о противоположном.

«Глубокий политический кризис (это цитата) осени 1993 г.» объясняется тем, что в стране одновременно действовало несколько властных центров и дальше цитата: «в силу этого Хасбулатов и Ельцин имели юридические основания претендовать на лидерство в государственных делах». Само по себе наличие властных центров, представлявших разные ветви власти, не ведет к политическому кризису, это нормальная ситуация для

демократической политической системы. И очевидно, что основания для претензий на лидерство были в недостатках действующей в стране старой советской Конституции, а не в самом факте существования двух властей и двух властных центров.

Вызывает вопросы и оценка президентского Указа 1400. С одной стороны, оценка позитивная – необходимо было прекратить затянувшееся политическое двоевластие, но, с другой стороны, говорится о том, что Указ формально противоречил ряду статей действующей Конституции. В таком случае вполне легитимным выглядит решение чрезвычайного X Съезда народных депутатов об отстранении Ельцина от власти за совершенный государственный переворот.

Политическая ситуация, сложившаяся после августа 1991 года, трактуется авторами как переходная форма российской государственности, созданная на основе союза старой и новой политических элит. Суть неформального договора между новым российским руководством и прежней партийно-хозяйственной элитой, как говорится в учебнике, состояла в отказе от демонтажа советской системы и реформировании ее лишь в ограниченных пределах. Проблемы на пути реформирования, по мнению авторов, были связаны с традиционным для российского общества ценностным расколом и постоянно провоцирующим подрыв достигнутого гражданского согласия.

«Традиционный для российского общества ценностный раскол» – это цитата из учебника, и «подрыв достигнутого гражданского согласия» – тоже. Неясно, что имеется в виду под «традиционным ценностным расколом», и вообще, было ли гражданское согласие в обществе или был только консенсус элит.

Противостояние между законодательной и исполнительной ветвями власти рассматривается в учебнике как противостояние двух систем власти, прокоммунистической, из прошлого, и другой, в перспективе, как пишут авторы, демократической. И развертывание конфликта описывается как стремление оппозиции в

условиях фактического двоевластия, а точнее безвластия, перераспределить власть в свою сторону. Одна из сторон конфликта – Ельцин называется в учебнике, цитата, «убежденным сторонником построения правового государства, что вполне подтверждается последовательным исполнением взятых на себя обязательств», а другая, тоже в кавычках, называется «оппозиция», «мятежники». Таким образом, читателю должно быть ясно, кто виноват в том, что конфликт перешел в вооруженное столкновение.

Вместе с тем, оценки легитимности действий Президента и его противников весьма противоречивые. С одной стороны, в учебнике говорится, что Указ противоречил формально действующей Конституции, т.е. был не легитимен. А, с другой стороны, постановление X Съезда, объявившее действия Ельцина государственным переворотом, само называется государственным переворотом. И говорится о том, что на Съезде не было кворума, и он был не легитимен.

Есть еще ряд весьма интересных учебников, но я за неимением времени не буду на них останавливаться. Перейду к таким кратким выводам.

Конечно, критиковать учебники легко, я, готовя этот доклад, чувствовала некоторую неловкость, потому, что знаю, насколько это тяжелая работа – написать учебник. Знаю многих авторов и представляю, с какими сложностями они сталкивались. Но, с другой стороны, мы должны совершенствовать учебники и должны стремиться к тому, чтобы картина прошлого, изображаемого в них, была по крайней мере непротиворечивой.

На мой взгляд, учебник должен давать школьникам, пусть упрощенное, но ясное и непротиворечивое представление о том, что произошло. Не поиск виноватых или

выигравших потому, что, как здесь уже звучало в предшествующих выступлениях, виноватых можно найти много, но выигравших не было.

На мой взгляд, надо избегать таких ярлыков как «мятежники», «оппозиция», потому, что это как раз ведет к расколу представлений о прошлом. Надеюсь, что авторы новых учебников правильно понимают свои задачи и все сложности на пути их решения. Спасибо. (Аплодисменты).

ШЕЙНИС В.Л.

Шейнис Виктор Леонидович, российский политический деятель, экономист, политолог, член Политического комитета партии «Яблоко». В 1990-1993 гг. — народный депутат России. В 1993—1994 годах — заместитель председателя Комиссии законодательных предположений при Президенте Российской Федерации. Считает, что конфликт 1993 года можно было предотвратить принятием Конституции.

Дорогие друзья и коллеги!

Естественно, вопросы, которые были подняты предыдущими докладчиками, открывают поле для очень широкой и многоплановой дискуссии. Тем не менее, время есть время.

Здесь был приведен такой увлекательный пример, гипотетический, разумеется. 1937 год и вместо «черных марусь», которые характеризовали этот год, собрание, предположим, в Колонном зале, на котором присутствуют... Николай II вряд ли бы дожил, но, допустим, царевич Алексей, затем Керенский, Ленин, Троцкий и далее были названы другие фигуры.

Мне сам по себе этот пример очень нравится, поскольку он вспахивает поле, которое наши историки обычно избегают затрагивать. Поле такое, чуть ли общим местом стало: история не знает сослагательного наклонения. Когда я прихожу к своим студентам, одно из первых, что я им говорю, не верьте этому, история знает, более того, история обязана заниматься тем, что было бы, если бы. То есть, смешивается две разных интерпретации понятия истории. Если взять ход событий, то данный тезис тривиален, конечно, нельзя вернуться в какой-то год, какие-то события убрать, каких-то личностей добавить, это тривиально. А вот размышлять над тем, что было бы «если бы», это, на мой взгляд, обязанность историка.

И поэтому для меня в событиях 1993 г., чем дальше, тем больше, на первый план выходят упущенные возможности развития, достаточно маловероятного, следует это признать, но, тем не менее, очень важные для понимания того, чем и как мы живем сегодня.

Я не в порядке саморекламы, а просто для того, чтобы вывести из данного выступления значительную часть рассуждений, сошлюсь на свою статью, недавно опубликованную в

«Независимой газете». Расширенный ее вариант помещен на сайте «Независимой газеты» за 5 октября, так что она предстанет более фундированной, более аргументированной.⁵

А сейчас я попытаюсь остановиться на двух моментах. Первое – какие возможности были упущены между 1991 г. и 1993 г. Я согласен со всеми основными выводами, которые сделал Георгий Александрович, т.е. отсутствие в нашей культуре компромисса, отсутствие отторжения от насилия, отсутствие парламентских традиций. Это так. И вообще говоря, после советского периода всё это надо было закладывать сызнова. Это всё бесспорно.

Но вот что делали участники событий, каким образом они шли к трагическому октябрю 1993 г.?

Референдум. Референдум уже на очень высокой стадии накала страстей, референдум на вопрос, чрезвычайно казуистически поставленный, т.е. одобряете ли социально-экономический курс Президента и Правительства? Почему только Президента и Правительства? Все власти проводили этот курс, одобрял и Съезд народных депутатов, и Верховный Совет. Одобряете ли вы этот курс? – это на фоне еще не наполнившихся прилавков, но взлетевших цен и ликвидации сбережений, которые, конечно превратились в бумагу не до 1993 г., а до начала 90-х годов, даже, я бы сказал, до 1985 г., это пустые бумажки в значительной мере. Но люди воспринимают свои сбережения серьезно. Так вот, тем не менее, в этой ситуации ответ дается: да, одобряем, большинством. Но юридически из этого не вытекало ровным счетом ничего потому, что условия проведения референдума были таковы, что переизбрания властей, к которому стремился Ельцин и чему противился Съезд, осуществить было нельзя.

Так вот, вопрос о том, что можно было сделать еще в 1993 г. В чем я не вполне согласен с Георгием Александровичем и с некоторыми другими ораторами, это представление о том, что вот, Конституция была абсолютно негодной, неработающей, ее всё время меняли. Я не имею возможности сейчас показать это достаточно детально на примерах, но в порядке тезиса, который для меня очень важен, я хочу сказать, что была возможность предотвратить трагический разворот событий принятием Конституции. Одного из двух вариантов. Или варианта, который готовила Конституционная комиссия, рабочая группа Конституционной комиссии, который был одобрен, я беру 11-тый по счету вариант, не считаю промежуточных, был одобрен Конституционной комиссией, пленумом комиссии, которая примерно отражала соотношение сил на Съезде.

Примите эту Конституцию, поверьте мне, она была лучше, при всех ее дефектах, той Конституции, которую мы приняли в конечном счете. Тем не менее, депутаты не хотели принимать эту Конституцию. И не могло сложиться большинство в две трети потому, что демократам, в особенности «отвязным» демократам, казалось, что Конституция слишком социалистическая. Подумайте, там социальное государство! А когда им говорили, что во французской, в германской конституции есть понятие социального государства, нет, бросьте, это советское. Коммунисты, со своей стороны, не готовы поддержать эту Конституцию потому, что она ведь отрекается от бантиков, которые от советского строя еще оставались. А где же социализм, где выбор народа в 1917 г., с оружием в руках и т.д.? Аграрии – как это так, продавать землю?! Что это такое, как можно с этим согласиться? – Это мощный резерв коммунистов.

Националы – вы провозгласили в Декларации 1991 года, что законы Советского Союза действуют лишь в той мере, в какой они не противоречат законам России, вы тем самым

⁵ В.Л. Шейнис, «Возможности, которые мы упустили. Октябрьская трагедия. 20 лет спустя», Независимая газета 04.10.2013 http://www.ng.ru/ideas/2013-10-04/6_possibilities.html

провозгласили некий принцип, разрушавший советскую Конституцию. Так вот, чтобы не разрушать ту Конституцию, которую вы готовите, вы заложите принцип, что законы Татарии, законы Башкирии, законы Коми Республики имеют приоритет перед законами Российской Федерации. Мы – суверенны, и заложите этот суверенитет. И, кстати сказать, я едва ли дойду до Конституции 1993 г. сколько-нибудь детально, но отличие Конституции, вариант ноябрьский, который был вынесен на референдум, от июльского варианта Конституции, который одобрило в общем, рекомендовало Конституционное совещание, главное отличие, там был целый ряд скверных отличий, но главное отличие заключается в том, что был положен конец растаскиванию российского суверенитета.

Вот эта, извините, пожалуйста, идиотическая конструкция, при которой в Конституции существует 4 разных текста. И.е. в Конституцию введены федеративные договоры, каждый со своей преамбулой, с утверждением, что республики – суверенные государства, это было перечеркнуто, именно к ноябрю, и в этом, между прочим, один из немногих положительных результатов того, что произошло в октябре. Хотя в целом я, конечно, считаю это трагедией.

Еще эти националы говорили, концепция прав человека – это атлантическая концепция, прежде всего, право народов, вот это надо поставить на первое место. То есть, две трети нельзя было собрать ни за какую Конституцию, в этом беда. Даже более того, я в последнее время предпринял очень детальный анализ тех изменений, которые вносились в действующую Конституцию. И я убежден, что и на основе этой Конституции можно было действовать.

Георгий Александрович говорил, через полторы минуты вносились поправки. Какого рода поправки? Действительно, важно было создать некое законодательство, Борис Николаевич говорил, что это советская Конституция. Да, советские бантики в ней были, но главным всё-таки было другое, эта Конституция более или менее выходила, хотя и не дошла до этого, на уровень разделения властей. Оно было провозглашено. А профессор Зезина очень справедливо говорила: как же так, что это такое, разве можно писать, что депутаты пытались ограничить власть правительства и президента? Это первая развилка, это развилка, которую мы успешно миновали и подошли к трагическому октябрю.

А теперь второй вопрос: можно ли было, уже после Указа 1400, всё-таки вырваться на какой-то вариант, не предусматривавший вооруженного столкновения? Ведь, вообще говоря, Указ 1400 абсолютно антиконституционный, я с этим согласен и думаю, что попытки реабилитировать этот Указ обстоятельствами стоят того же самого, чего стоят попытки реабилитировать поведение депутатов и их так называемый X Съезд. На основании тех материалов, которые, в частности, опубликовал, честь и хвала ему, Бабурин в стенограмме Съезда, того, что они называют X Съездом, из тех материалов, которые мемориальцы опубликовали в Сборнике постановлений Съезда, вытекает совершенно определенно, что этого Съезда не было, т.е. ни в какой момент не было на этом Съезде того большинства, которое требовалось по Конституции. И поэтому все его решения были абсолютно неконституционными. В этой ситуации уже на основе каких бы то ни было конституционных норм решить вопрос было нельзя, решить можно было только политически.

И это политическое решение вырисовывалось. Оно вырисовывалось в ходе таких минипереговоров, которые начались в Свято-Даниловом монастыре. Есть свидетельство, в частности, Георгий Александрович, я выше всего ценю то, что написано в Вашем большом томе помощников Президента «Эпоха Ельцина», что Борис Николаевич, в общем, склонялся к тому, чтобы провести одновременные выборы Президента и парламента. Трудно было к этому прийти, очевидно, здесь было бы перетягивание каната,

но, тем не менее, не нулевой вариант, не возвращение просто к прежней ситуации и не полная реализация Указа в части перевыборов, а одновременные перевыборы. Это была возможность принять какие-то разумные решения и перенести обсуждение Конституции на тот форум, который был бы избран в ходе этих выборов.

Легкая ли бы была бы задача? Чрезвычайно нелегкая, чрезвычайно трудная. Чрезвычайно нелегкая проблема, но это некая абстрактная возможность, что было бы, если бы избежать вооруженного столкновения, избежать «стенка на стенку». Да, Конституция 1993 г., опять же достоинство ее в том, что она остановила гражданскую войну, это великая цель, великая задача, великий результат. Но, тем не менее, именно эта Конституция превратила парламент в нечто совершенно мизерабельное, чего не допустили бы депутаты, избранные в новой ситуации, при формировании новой Конституции. Вот то смешное собрание, которое мы имеем в виде Государственной Думы и Совета Федерации, люди, которые сегодня голосуют, скажем, за то, чтобы убрать графу «против всех», потом кажется, что эта графа окажется полезной, давайте восстановим, и всё это на основе единодушия, всё это на основе большинства, которое там определенным образом сложилось.

Я боюсь, что парламентаризму нанесен очень глубокий ущерб, и этот ущерб придется выправлять, может быть, даже не годами, а десятилетиями, поколениями. То обстоятельство, что да, с одной стороны, публика увидела, как молодецким актом, разгоном Съезда Ельцин решил проблему, как насилие дало некоторое успокоение. А затем, лиха беда начало, и где-то там, на Кавказе начинается воинская операция, как обещал министр обороны, одним полком за два часа, это Грачев. Знаете, я был в Грозном в новогоднюю ночь с 1994 на 1995 год, за свою достаточно уже долгую жизнь мне не довелось видеть более страшной картины. А последствия того чеченского наведения конституционного порядка привели к тому, что насилие стало элементом нашей повседневной жизни, и когда мы от этого избавимся, я тоже не знаю.

И еще одно. Ведь Ельцина поддерживали демократы, к 1993 г. коалиция Ельцина включала далеко не только демократов, и не демократы задавали в ней тон. Но, тем не менее, если хотите, это отчасти и самокритика, хотя я никогда не был сторонником насильственного разгона парламента. То, что Лацис в 1991 году выразил такой очень емкой фразой применительно к той победе над путчем, мы, демократы, потерпели победу. Вот в 1993 г. это можно было сказать с еще большим основанием. Это дискредитация, с одной стороны, демократов, а, с другой стороны, это освобождение Бориса Николаевича, я не знаю, может быть, Георгий Александрович, может быть, коллега Костиков будут спорить со мной, я стоял дальше гораздо от Президента, но мне кажется, что **после этого воздействие, влияние демократов, которые привели Ельцина к власти в значительной мере, резко ослабевает. Независимость Президента не только от парламента, но от той группы поддержки, эшелона поддержки резко слабеет после 1993 года.**

А дальше произошло всё то, что произошло, мы имеем тот парламент, который мы имеем, мы имеем ту Конституцию, которую мы имеем, мы имеем колоссальное расхождение между формальной и реальной Конституцией, мы имеем судебную систему, опять же недавно «ИНДЕМ» издал прекрасный двухтомник по судебной системе, я всячески рекомендую вашему вниманию.⁶ Суд должен был бы быть самостоятельной ветвью власти, а суд принимает решения, опять же вы знаете, какие решения. Как выходить из этой ситуации, на эту тему можем проводить отдельную конференцию или серию

⁶ Г.А. Сатаров, В.Л. Римский, Ю.Н. Благовещенский, Социологическое исследование российской судебной власти, Норма, М-СПб 2010 <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/SocIsRoSuVlas.pdf>

конференций. Но сегодня, я думаю, мы должны, прежде всего, события 1993 г. и ряда предшествующих лет рассматривать под углом зрения того, что мы имеем сегодня, ибо эти семена, семена дракона, которые были усиленно посеяны, дали всходы и дали плоды, в результате которых мы имеем совсем не демократическое, не конституционное и не правовое государство. Спасибо. (Аплодисменты).

ЗДРАВОМЫСЛОВА О.М.

Здравомыслова Ольга Михайловна, доктор философских наук, социолог, исполнительный директор Горбачев-Фонда. Говорит о том, что 1993 год – кульминация процесса утери российским обществом представления о векторе развития.

Сегодняшний разговор важен не только потому, что в нем мы пытаемся разобраться в сути политического кризиса 93-го года. Говоря о причинах и последствиях кризиса, мы неизбежно ставим вопрос о перспективах демократических изменений в России. Мне кажется, постепенно приходит понимание, что нерешенность этого вопроса глубинно связана с последствиями событий октября 1993 года.

В то же время нельзя избавиться от тягостного впечатления, которые оставили дискуссии в СМИ по поводу 20летия этих событий – особенно дискуссии на телевидении и в Интернете. Как 20 лет назад, так и теперь противостоящие стороны непримиримы. А каждая из этих непримиримых сторон еще и распадается на отдельные «голоса», которые не хотят услышать друг друга. Тем более – услышать противоположную сторону. В результате из истории октябрьских событий 1993 г., рассказанной в 2013 г., не извлекается новых смыслов. Она остается невнятной для многих участников событий, для большинства современников и тех, кто родился позже. Судя по тому, что говорилось сегодня по поводу учебников истории, они тоже немного проясняют.

Мне запомнился эпизод, очень характерный для массового восприятия тех событий – разговор двух женщин в вагоне метро, услышанный мной, примерно, 5 октября 1993 г. Одна из женщин рассказывает: «Сын (как я поняла, подросток,) пришел из школы и спрашивает меня «ты за кого – за Ельцина или за Хасбулатова?». – А я ему говорю, да ты что такое спрашиваешь? Тебя так в школе спросили? Ты что ответил-то? – Да я ничего не ответил, я тебя спрашиваю, что ответить, а я не знаю». Собеседница спрашивает: «так что же ты ему сказала?» В ответ: «Я ему говорю – разве ты не знаешь, кто победил??! Сын отвечает – Ельцин. Я - ему: вот и говори тогда – я за Ельцина. И всё».

Похоже, авторы нового историко-культурного стандарта, о котором говорила профессор Зезина, думают примерно так же, когда ставят «трудный вопрос» о «причинах и последствиях побед Ельцина в 90-ые годы». Легко предположить, что формулировка в следующем стандарте будет «причины и последствия побед Путина». Отмотав пленку назад, увидим «причины и последствия побед Коммунистической партии» и т.д. То есть возвращается представление о том, что в российской истории действует единственный субъект – государственная власть. Что это «история власти», но не история общества. И это тоже эхо октябрьских событий 93-го.

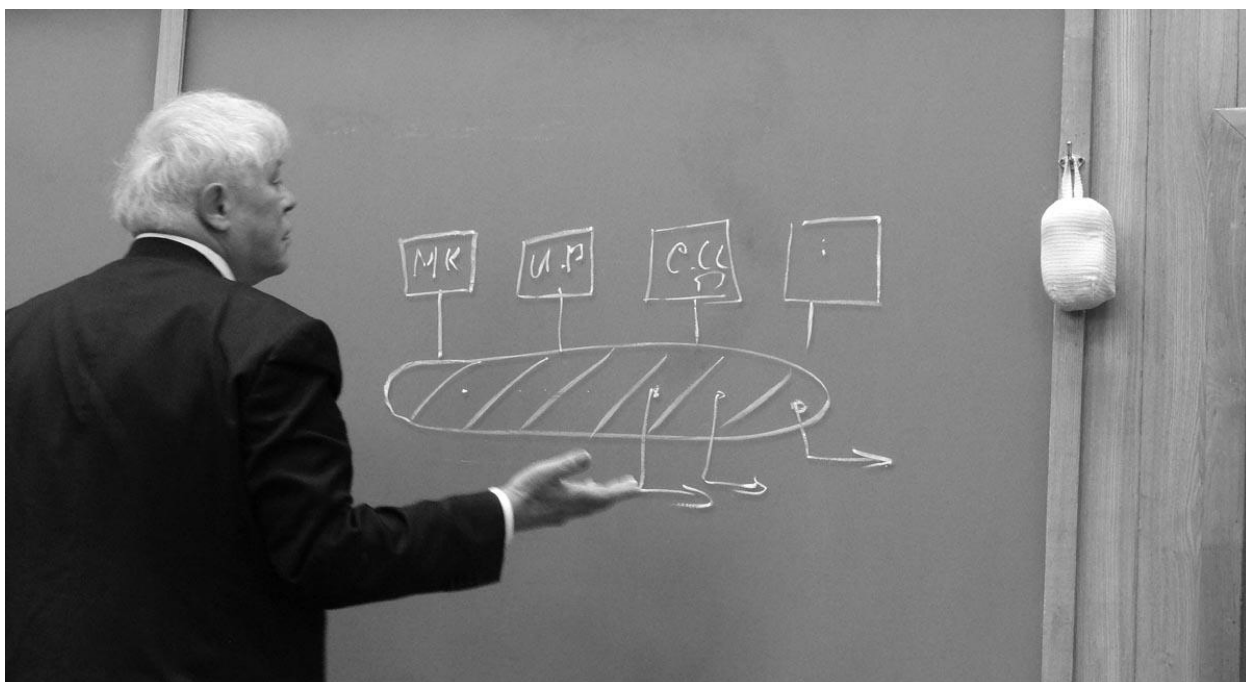
Тогдашний политический кризис впервые обнаружил, что постсоветское российское общество расколото на глубоком, ценностном уровне. После 1993 г., свидетельствуют социологические опросы, представления граждан о возможности и перспективах демократии в России становятся все менее определенными. А ностальгия по «советской системе, которая была у нас до 90-х годов», усиливается на протяжении всего периода 90-х гг. Хотя победу Ельцина в октябре 1993 г. объявили победой демократов над «красно-

коричневыми», одним из главных последствий этой победы можно считать потерю вектора – демократической альтернативы.

Неудачу демократического транзита в России 90-х гг. принято связывать с «советским наследием» (об этом говорил сегодня Г.А. Сатаров). В то же время я хотела бы заметить, что одной из причин потери демократического вектора было широко распространенное примитивное понимание советской истории. В таком понимании «антисоветское» есть синоним «демократического». Но борьба за преодоление сталинизма, а во второй половине 80-х гг. – демонтаж тоталитарной по своей сути системы, поиск демократической альтернативы – тоже часть советской истории. Этот процесс был прерван. Неслучайно В.Л. Шейнис назвал **1991-1993 гг.** временем упущенных возможностей – я бы связала этот период с **постепенной утратой демократического вектора. А кризис 1993 г. стал уже точкой невозврата. Тогда в политике были реабилитированы методы насилия над «несогласными», а ее содержанием стали ситуативные прагматические решения.** Это повело, уже как следствие, к деградации гражданского общества, публичной сферы и сокращению социальной базы оппозиции. Так, кризис 93-го отчетливо выявил, что демократическая интеллигенция расколота, стремительно теряет свой авторитет как политическая и общественная сила.

У меня, как у тех, кто выступал раньше, есть, конечно, представление о том, что новое поколение несет в себе нечто обнадеживающее - и есть много доказательств этому. Но нельзя не видеть, что новое, «несоветское» поколение тоже дезориентировано и не может быть иным. Нельзя не видеть многочисленных, еще довольно молодых людей, которые в 90-ые годы получили очень специфический и жесткий урок выживания. Во-первых, это надолго отбило у них желание изменений, вселило в них желание стабильности, прежде всего, и готовность поддержать того, кто ее обещает. Во-вторых, это внушило многим из них страх хаоса, который они, к сожалению, связывают с демократией и свободой – и здесь речь идет уже не о «советском наследии», а об опыте недавней российской истории. А поэтому знание о событиях октября 93-го, основанное на фактах и анализе, нужно не только ученым и политикам, но, возможно, в первую очередь, молодым гражданам России. Спасибо. (Аплодисменты).

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Музыкантский Александр Ильич, в 1993 году префект Центрального округа г. Москвы, профессор МГУ, говорит о том, что негативное отношение к праву возникло в России 400 лет назад и с тех пор не сильно изменилось. Проблему 1993 года видит в культуре поколения.

Вот у меня здесь такая задача. С одной стороны, я в то время, действительно, был префектом Центрального административного округа города Москвы, заместителем премьера правительства Москвы, которым тогда был Юрий Михайлович Лужков, и по минутам могу рассказать, как ситуация развивалась 2 октября. Я вам могу напомнить, что 2 октября был большой праздник – 500 лет улицы Арбата. Для оживления просто скажу, почему именно в этот день отмечалось. Потому, что 500 лет назад, в 1493 году впервые в летописи упомянуто имя Арбат, как улица.

А почему она упомянута, в каком таком контексте? Потому что в летописи написано о грандиозном московском пожаре 1493 года, во время которого выгорело полностью несколько улиц, в том числе Арбат. Вот до этого упоминания никакого Арбата не было. Это то, что сейчас социологи, культурологи называют ритуальным обменом негативными новостями. Мы включаем телевизор и видим, взорвалось, убили, застрелили. Понимаете, заложили улицу Арбат, построили на ней что-то, усадьбу какую-то, еще что-то, этого ничего в летописях нет, а сгорела – быстро запишем. Вот это родилось тогда. То есть, эта одна из маленьких черточек нашей сегодняшней культуры родилась не вчера, не при Советской власти, а родилась 500 лет назад.

Так вот, 2 октября был праздник – 500 лет Арбата, не буду рассказывать, я про другое хочу рассказать. И там столкновения уже начались рукопашные, с одной стороны, были праздничные мероприятия на Арбате, а, с другой стороны, рукопашные схватки. Я могу рассказать всё, что было во второй половине дня 3 числа, с того момента, как я из дома поехал в Моссовет, на улице не было ни одного милиционера, и сейчас уже понятно, почему, потому, что милиция получила приказ уйти в свои места постоянной дислокации.

Я много раз прослушивал многочасовые записи милицейских переговоров, начиная с полудня 3-го числа, это было воскресенье, когда начался митинг на Калужской площади, как потом участники этого митинга прошли маршем, разорвав все милицейские цепочки по дороге и вышли к Белому дому, как потом около Белого дома эти драматические события, обращение Руцкого, выступление командира Софринской бригады, что Софринская бригада перешла на сторону Верховного Совета, поздравления его и т.д. Вот тогда как раз, поскольку милиция была полностью безоружна, вооружена только щитами и палками, она и получила приказ – уйти с территории города в места своей постоянной дислокации. И этот же приказ получили военнослужащие внутренних войск, точно в таком же виде. Вооружены были только подразделения «Витязь», они получили команду сопровождать вот эти подразделения дивизии Дзержинского в места постоянной дислокации, вроде бы там они должны были вооружиться и вернуться в город. Но по дороге они получили команду – срочно выдвигаться к Останкино потому, что туда уже двигались от Белого дома на захваченных у милиции машинах сторонники Верховного Совета, будем так говорить, и это объясняет много разных вещей, когда сейчас с недоумением говорят, а почему их никто не остановил, пока они ехали от Белого дома к Останкино и т.д.

Но, если хотите, я могу это всё рассказать, могу завтра прийти это дело рассказать. А сегодня я хотел бы в рамках дискуссии сказать о следующем.

Видите, мы только что убедились, что ритуальный обмен негативными новостями зародился 500 лет назад. В самом первом проблемном выступлении Георгия Александровича Сатарова очень много говорилось о том, что, скажем, многие вещи, как

негативное отношение к праву, как конфронтационная культура опять возвращаются, вот они возникли и возвращаются опять. Я хочу обратить внимание, что горизонт исторического изучения всех этих событий – это 70 лет Советской власти, но не дальше, не глубже. Но скажите, пожалуйста, **конфронтационная культура в России что, возникла при Советской власти?** Ну, прочтите переписку Ивана Грозного с князем Курбским, вы увидите, что такое конфронтационная культура. Вы увидите, что такое невозможность диалога, запрет, блокировка диалога в обществе.

Сейчас говорили, эти не слушают тех, те не слушают этих. Правильно классическое определение, данное Ахиезером - по любому вопросу возникает несколько точек зрения, сторонники которых не слушают друг друга, все диалоги превращаются в систему монологов. Правильно, одни читают газету «Завтра», другие читают «Новую газету» и друг с другом не пересекаются, ни газеты не пересекаются, ни читатели не пересекаются. Это глубокий раскол культуры, это культурный раскол. Это гораздо глубже, чем эти ссылки на то, что возникло во времена 70-летия Советской власти.

Понимаете, мне кажется, для понимания того, что есть, что может быть, почему возникло, нужно немножечко глубже копнуть. Мне кажется, что все ученые, историки, социологи останавливаются на этом диапазоне, в крайнем случае, рассмотрим еще, что было за 70 лет Советской власти.

Нужно рассматривать социокультурный базис общества, и тогда мы должны прийти к выводу, что социокультурный базис общества сложился в России, как минимум, 400-500 лет назад, и с тех пор меняется очень медленно. **Это 400 лет назад возникло это негативное отношение к праву, а, может быть, еще и раньше, это 400 лет назад возникло отношение к власти как к сакральной сущности, которое до сих пор существует у нас. Это 400-500 лет назад возникло то, о чем мы сейчас говорим, культурный раскол в обществе, отсутствие диалога, блокировка диалога. И эти все сущности меняются дико медленно.**

Смотрите, сакральный образ власти, ладно, хорошо, все согласились, что Иван III и его потомки получили власть от Бога, божественная санкция. Почему? Это основа легитимизации власти, власть от Бога. Хорошо, сейчас этого нет? Нет. Но мы сейчас спрашиваем: если не Путин, то кто? Тем самым мы признаем, никто даже не спрашивает: если не Путин, то ЧТО? Что вместо, какие изменения, может быть, в политической системе будут, в конструкциях общества, если не то, что при Путине. Спрашивают, кто придет на его место. То есть, та самая сакральная природа власти, **сакральная природа персонификации этой власти сохранилась на протяжении этих 500 лет**, она спокойно пережила и период Московского царства, и период романовской империи, и период Советской власти, и все виды постсоветской трансформации.

В этом смысле я уже два или три года, не даст соврать Виктор Леонидович Шейнис, на всех семинарах, на которых бываю, стараюсь проводить эти мысли. И вы знаете, какие-то сдвиги получаются. Скажем, нынешний ректор экономического факультета МГУ, профессор Аузан как-то сказал, да, я тоже теперь студентам объясняю, что культура важнее совокупности экономических законов, культурный базис важнее совокупности экономических законов, я это сейчас объясняю своим студентам.

Михаил Александрович Краснов, крупный юрист, вы все его знаете, вместе с Шаблинским Ильей написали замечательную книгу «Российская власть: треугольник с одним углом», как сложилась эта система власти, когда гипертрофирована функция Президента и нарушены все эти условия равновесия, условия сдержек и противовесов. Я прочитал эту книжку с карандашиком и в многочисленных своих переговорах с Красновым договорился, что, если когда-нибудь буду писать учебник по манихейству для

студентов, включу туда его определение, как шло обсуждение и какие решающие доводы приводились участниками обсуждения конституционного проекта, который был вынесен на референдум в декабре 1993 г. Да, и он тоже с этим более-менее соглашается, потому что когда говорят, что в том, что происходит, виноваты институты, то надо сделать еще один шаг вглубь и понять, что институты-то могут быть некоторые, а какие-то институты не могут быть в силу того, что они противоречат этой базисной конструкции, противоречат базису.

И последнее замечание. Закончил свое выступление Георгий Александрович, (Георгий Александрович, я Вас всё время цитирую, не страшно, да?) робким оптимизмом, всё-таки биологические изменения происходят, биологические часы тикают, на смену одним поколениям появляются другие. Я скажу, что с 1493 года прошло уже очень много этих биологических поколений, но ритуальный обмен негативными новостями как был в русских летописях, так и остался.

И совсем уже для интереса скажу, попросился я сейчас выступить потому, что у меня сегодня в 2-30 или в 2-20 лекция в университете, гуманитарный факультет МГУ, там таких много, в нынешнем МГУ, гуманитарных факультетов, наверное, больше десятка. Но вот беседую со студентами, один пример приведу, но скажу, что таких примеров море. Как-то во время лекции я упомянул Николая II, и поскольку с аудиторией у меня примерное представление об уровне их исторической грамотности было, я задал вопрос, сам для себя неожиданный: а как закончилась жизнь Николая II, кто может сказать? Полная тишина, потом один парень поднимает руку, вы знаете, говорит, мне кажется, его расстрелял Ельцин. (*Смех в зале*). Вот видите, если покопаться, то не так уж это дело спонтанно. Видимо, он чего-то слышал, что Ельцин чего-то там, Ипатьевский дом, где-то там расстреляли, а Ельцин чего-то там разрушил, т.е. обрывки какие-то есть, сложились у него в такую картину, ага, Николая II – расстрелял Ельцин.

Это не только Московский университет, я еще 5 лет назад, и через каждые три года повторяю, составил маленькую табличку, где элементарные вопросы, на уровне тех, которые Тина Канделаки задавала, когда вела игру «Самый умный» для 7-8 класса, задавала вопросы по истории, по географии и прочее. Я их задаю студентам после шестого семестра, фантастические ответы, типа этих вот. Я не буду их даже приводить, я удивился и договорился, поехал с этим же делом в МГИМО, на факультет журналистики, такой же результат. Я поехал в РГГУ, факультет, правда, искусствознания или искусствоведения, результат такой же.

Поэтому надежда на то, что новое поколение, просто в силу того, что биологически оно отличается от старого, принесет что-то новое, увы. И вывод, **если что-то нужно менять, это нужно не ждать, пока биологически одно поколение сменит другое, а надо проводить корректировку того базиса.** Это должна быть задача на многие-многие годы, не на один присест, не на одну конференцию, не на одно постановление. А это должна быть задача на многие годы, для всех, кто заинтересован, для всех российских гуманитариев.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Красавченко Сергей Николаевич, в 1993 г. председатель Комитета по экономическим реформам Верховного Совета России, а потом заместитель руководителя Администрации Президента.

Я как участник конференции дисциплинированно смотрю на тему и на задачи, которые стоят в дискуссии. Поэтому я, учитывая, что мы исчерпали регламент первого нашего заседания, коротко, тезисно остановлюсь на том, что определили нам наши хозяева и организаторы, которым мы благодарны за эту конференцию.

Задачи историков, задачи источниковедов и задачи молодежи, которая участвует здесь, чтобы принять и освоить тот материал, который есть, и попытаться извлечь уроки из того, что было.

Коротко, поскольку времени мало, тезисно, если нужно будет приводить аргументы или

фактуру, может быть, у нас будет еще возможность. И я попрошу разрешения, поскольку у нас дискуссия, чтобы не отходить, еще коротко высказаться по поводу основных докладов.

Итак, тезисы. Тема: «Политико-конституционный кризис осени 1993 г.», это тема нашей конференции. Я тут записал, и тут мы совпали, не договариваясь с моим другом и коллегой Георгием Александровичем Сатаровым, я считаю, что нужно рассмотреть и обосновать, я готов в этом участвовать, что не политико-конституционный кризис, а именно конституционно-политический кризис - потому, что здесь корень, - это не просто терминология. Именно из Конституции, тут жест в сторону Виктора Леонидовича Шейниса, именно из Конституции вытекала та политическая ситуация. Конституция – Основной Закон, и мы все это признаем, так же, как и сейчас, именно из недостатков Конституции, из ее существования, из ее влияния и оснований для политических действий проистекала та ситуация, в которой оказалась страна, люди, личности и т.д., всё, что, действительно, имело потом очень большое значение.

Не было бы конституционного кризиса, значительно легче бы решался политический кризис, потому что именно наличие этой Конституции, при всем уважении, Ольга Михайловна (Здравомыслова – ред.), к советскому периоду, та Конституция, в которой была смесь советского и нового, то, что было в ней советское, отнюдь не позитивное, создавало условия не просто для двоевластия, а для двоевластия, которое приводило к безвластию, как здесь говорили, когда и на федеральном уровне, и в регионах шла борьба Конституции, Советов и исполнительной власти, Советов и просто нормальной жизни.

Александр Музыкантский хорошо знает, может быть, на круглом столе, который будет, подробнее можно будет говорить о том, что такое был Московский Совет в это время, больше 400 человек, и как он опирался на Конституцию для того, чтобы просто парализовать жизнь в Москве, если бы вначале Попов, потом Лужков просто не игнорировали, но они нарушали Конституцию по существу. Это был, главное, конституционный кризис, и из этого вытекало двоевластие, политический кризис и всё, что мы знаем.

Итак, это первое. Я думаю, до того, как это попадет в учебники, это будет, действительно, обсуждено и учтено, что это был за кризис и его суть, характер и причины, источники этого кризиса. Георгий Александрович сказал уже, я тоже хотел об этом говорить. Он обмолвился, корни этого кризиса, и тут с Ольгой Михайловной я соглашусь, они в советском времени и, более того, в советском времени, когда существовал еще Советский Союз августа 1991 года. Это не только такое совпадение, Белый дом, перевернулось всё, Белый дом, защита Белого дома. Не только это, а август 1991 года – это была попытка атаки на перестройку Горбачева, это была атака известных сил, ГКЧП против, знаем, кого. Она провалилась, сторонники ГКЧП, условно говоря, не строгий термин, проиграв, ушли в подполье. Слава Богу, что их не угнетали так и не преследовали, что это было не настоящее подполье, и **часть этого подполья обосновалась в 1992 году в Белом доме**. Илья Константинов может рассказать, как там на шестом этаже, выходящем на Красную Пресню, просто был штаб ФНС (Фронт национального спасения), и просто можно по фамилиям перечислить, кто там был и кто туда приходил, какие планы строились, чем занимался в это время парламент, как говорили. Парламент – термин, с которым я не могу согласиться, потому, что это был уже не парламент, собственно, он и был не совсем парламент в строгом смысле.

Итак, источник кризиса – август 1991 г., как часть того периода, и надо это обязательно рассматривать. Были объективные условия кризиса, конституционно-политического кризиса, и их можно рассматривать, в том числе, это двоевластие, это экономическая ситуация, это социальные проблемы и т.д., это объективные источники. Но важное значение имели субъективные причины этого кризиса. Это, с одной стороны, тут я должен сказать, что, как всегда бывает, обе стороны виноваты.

Ельцин и его правительство, администрация в 1991 г., до начала 1992 г. не воспользовались тем шансом, который давала история для того, чтобы консолидировать силы, для того, чтобы решать проблемы цивилизованного развития правового государства, всего, что вы знаете.

Был этот шанс? Большинство членов Верховного Совета, большинство Съезда народных депутатов было готово, по разным причинам, кто сознательно, кто искренне, а кто-то испугался, но была поддержка, и можно было консолидировать эти силы и двигаться.

Но были разные причины, субъективные обстоятельства того, что недоговорённости привели к конфликту, субъективным конфликтам, личностным конфликтам, в том числе и конфликту Президента и Председателя Верховного Совета Хасбулатова. Еще в ноябре 1991 г., в январе 1991 г. Хасбулатов просто рвался к сотрудничеству с Ельциным. Отдельный вопрос, почему это сотрудничество не произошло. Я считаю, что и по вине Администрации Президента. Руслан Имранович был отодвинут, в Верховном Совете образовался определенный вакуум, в который тут же вошли, опять же можно перечислять пофамильно, люди, которые организовали штаб по подготовке 1993 г.

Это субъективный фактор кризиса, его надо изучать досконально, со стенограммами, с фамилиями и т.д. И это может дать основания для того, чтобы делать выводы, для изложения истории, той, которая была.

Далее. Я, может быть, не соглашусь с Георгием Александровичем в абсолютном виде с этим термином, что Ельцин был воплощением компромисса, я знал и других, более компромиссных людей, не важно. Но, опять, уважаемые коллеги-историки, надо проанализировать, Ельцин столько раз шел на компромисс, пытался найти компромисс со Съездом, с Верховным Советом. 1992 г. и первая половина 1993 г., до референдума, 5 месяцев, это просто всё время протянутая рука, не за чем-то, а для сотрудничества со стороны Ельцина. И каждый раз со стороны то ли Съезда, то ли Верховного Совета – удар

по этой руке. С той стороны предложения, с той стороны жесты примирения, соглашения. Со стороны группы, которая уже руководила Верховным Советом и Съездом, и поддержанной теми людьми, которые из-за Верховного Совета, но определяли ситуацию там. И это как раз была третья сила, а не руководители регионалов.

Это создавало условия для того, чтобы просто сознательно нагнетать конфликт, отрицать все компромиссные, миролюбивые предложения Ельцина. **Ельцина провоцировали, там работали и психологи, учитывавшие личностные характеристики человека, которого надо было выводить из себя.** Мы все знаем это, вплоть до оскорбительных выступлений, жестов и т.д. со стороны лидеров, условно говоря, Верховного Совета.

Таким образом, это всё шло с той стороны, я думаю, что, конечно, Ельцин и его администрация готовились, еще в конце марта была попытка внести известный Указ, потом Ельцин отозвал этот Указ. Известная история, тоже место историкам, которую можно разобрать, как предшествование, мартовский Указ Ельцина, который потом не вступил в силу. С одной стороны, это была попытка, с другой стороны, это продемонстрировало и компромиссность. Но реакция Верховного Совета на эту пробную попытку свидетельствовали только о желании нагнетать дальше обстановку для того, чтобы силовым путем преодолеть этот кризис. Поэтому сила и насилие, если брать факты и подготовку, была не только со стороны Ельцина, но и со стороны - неправильно говорить, Верховного Совета, - но со стороны тех, кто определял ситуацию в Верховном Совете. Это что касается сознательной подготовки.

Здесь уже Александр Музыкантский говорил про Арбат, если вы возьмете дальше факты, это можно будет подробнее объяснять, но 2-ое, Арбат, я был свидетелем этого, мы с Сашей Брагинским покойным приехали туда и видели, я был дежурным в это время в Администрации Президента, он дежурил по мэрии, мы подъехали, там нас уже чуть не растерзали, зная в лицо. Подходили люди и говорили, в том числе и депутаты, был у нас такой депутат Ребриков от Москвы, бывший милиционер, он говорил: слушай, ты давай, завтра – всё, ты меня вытащил в политику, я тебя прощаю, давай, уезжай, а то совсем плохо. Мы видели, что делали беснующиеся толпы, какие беспорядки, какая Болотная, что вы! Такой Арбат был.

3-го, почти не говорят о том, что было, 3-е число, захват мэрии, Саша Брагинский умер потом от того, что его избивали, били на глазах у телевизионщиков по голове дубинками, а потом он там был где-то в застенке Белого дома в подвале. На расстрел выводили. Мы с ним дружили, он профессор, математик, он умер от опухоли, которую получил в результате тех ударов.

Почему-то никто, ни историки, ни журналисты, несколько раз говорили, может быть, здесь что-то скрывается, кому-то не хочется, но 4-го числа Москва, телевидение показывает вооруженную агрессию зарубежного государства на улицах Москвы. **Грузовики с вооруженными людьми мчатся по Садовому кольцу, по какой-то улице с флагами Приднестровья.** Извините, как на это надо было реагировать?

Именно поэтому интеллигенция обращалась к Ельцину и говорила: нельзя это, надо прекратить, это ужас. Вооруженная банда, причем зарубежная. Представьте себе, сейчас придет из Грузии или еще из какой-то страны, а это Приднестровье, Молдавия, Молдова, Приднестровье там непризнанная республика, но это не Россия, это вооруженная агрессия, это как символ был. А сейчас на НТВ появляются эти люди, которые там тогда катались под чужими знаменами, и они судят сейчас об истории, какую-то чушь несут.

Так что вечер 3-го числа, «Московский комсомолец», я поехал туда, потому, что наши трусливые ФСБ говорят, что туда нельзя проехать, там простреливается. Мне позвонил Гусев и говорит, что мы погасили окна, журналисты лежат на полу, спасайте, стрельба

идет, обстреливают. Банды разбрелись, это те, которые объявляли себя сознательными защитниками демократии в России, они и обстреливали «Московский комсомолец», им не нравилась позиция «Московского комсомольца». Я туда приехал и был свидетелем всего этого.

Очень важно, правильно сказал г-н Журавлев, нужно объективное, комплексное, научное исследование всего этого. Именно поэтому надо внимательно рассматривать. И историки не должны пропускать неправильную терминологию, неверное использование источников. До каких пор наши историки, стремящиеся к объективности, комплексности и т.д., будут терпеть и ничего не говорить по поводу термина «расстрел парламента»? Во-первых, это был никакой не парламент, и, во-вторых, какой расстрел, где расстрел парламента? Хоть один пострадал из членов «парламента» в кавычках?

Прошу прощения, невозможно уйти от этого, поскольку уже дискуссии по докладам не будет.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Как Вам – расстрел Белого дома?

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Расстрел Белого дома? Расстрел это?

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Из танков.

САТАРОВ Г.А.

Когда большевики стреляли по Кремлю, Вы как это описываете в истории? Расстрел Кремля или обстрел Кремля?

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Разные вещи. Кого расстреляли? Правильно, обстрел. Но не расстрел. Расстрел и обстрел – несет в себе у русских людей разные смыслы. Как «иностранный агент в некоммерческой организации». Так же и расстрел.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Обстрел – без результата, расстрел – с результатом. *(Смех в зале).*

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Итак, по поводу докладчиков. Господин Журавлев говорил несколько вещей, с которыми трудно согласиться. Третья сила – это руководители регионов. Коротко, я не буду объяснять, почему, третья сила в этом конфликте, если быть точными в терминологии, то третья сила – это была та, которая была над Хасбулатовым и Руцким в Белом доме, вокруг Белого дома и т.д. И это не международный заговор, это точно.

Третья сила – это, можно сказать, вот эта сила реванша, которая определяла и подготовку этого события и т.д.

Теперь, как говорит профессор Журавлев, реформы привели в октябре 1993 г. к катастрофическим последствиям для населения. Давайте, не будем разбираться, но прошу обратить внимание, что такое катастрофа для населения. Трудности? Драматизм? Снижение жизненного уровня? Но где катастрофа? Катастрофа была в конце 1990 г., в конце 1991 г., это была катастрофа, когда страна стояла на пороге голода и голодных бунтов, это была катастрофа. А катастрофа, действительно, это ужасно, и реформы имели и негативные последствия, в том числе и для уровня жизни, это, во-первых. А, во-вторых,

историки не должны мерить реформы на полтора года, реформы только начались, а они говорят – катастрофические последствия. Давайте посмотрим, какие реформы к чему привели в 2000 г. и 2001 г., или сегодня. Это что? Это не влияние реформ 1991-1992 гг.? Значит, катастрофических последствий для населения в это время не было.

Влияние морального фактора. Да, пытались переманить, я сам был депутат, в это время, в октябре уже работал в Администрации, кстати, меня не переманили, а меня выдавили с работы в апреле 1993 г. после моего выступления в марте по поводу дискуссии вокруг опять же отставки Ельцина. Тут же, моментально, это всё советские методы, моментально, чтобы меня убрать из президиума, закрывают Комитет по экономической реформе, соответственно, все становятся свободными. А президиум пополняется другими людьми.

Но специально никто никого не переманивал. Во-первых, в Белом доме в это время не было, как уже сказали, кворума, он был нелегитимный, и попытка установить контакты, гарантировать заработок, гарантировать работу – это был опять компромиссный жест Ельцина и Администрации Президента по отношению ко всем депутатам, в том числе и самым агрессивным, которые требовали расстрела Ельцина и т.д. Что бы они, конечно, и сделали, если бы пришли к власти.

А здесь им была протянута рука, пожалуйста, не волнуйтесь, ваши социальные проблемы будут решены. Поэтому подкупа, переманивания не было, тем более, в том смысле, в каком мы сейчас знаем.

Коррупция в Государственной Думе, в Совете Федерации. Прошу прощения, я тоже поддержу Георгия Александровича, уж Ходорковский совершенно не виноват в том, что в Государственной Думе, в Совете Федерации воцарилась обстановка тотальной коррупции, когда за законопроекты, запросы, и все знают, сколько это стоит. Более того, сейчас уже не стесняются депутаты заключать договор на продвижение какого-то законопроекта! Как один мой друг говорит, а ты не боишься? – Нет, я боюсь того, что вы меня кинете и заплатите меньше. А текст договора у нас отработан.

И приватизация Ходорковским Государственной Думы – термин не сопоставимый с тем, что было реально. Ходорковский пытался, поддерживая отдельные фракции на выборах, влиять на состав Думы, но он не собирался приватизировать ее. Тем более, трудно увязывать, я здесь не согласен с Георгием Александровичем, с тем, что это пошло от октября 1993 г.

Спасибо. У меня есть замечания к Сатарову тоже, но я думаю, мы еще поговорим.

ПИХОЯ Р.Г.

Пихоя Рудольф Германович, профессор РАНХиГС. В 1993 г. руководитель Государственной архивной службы России — Главный государственный архивист России. В своем выступлении рассказывает о работе с архивами Верховного Совета после захвата Белого Дома сторонниками президента.

Уважаемые коллеги!

Я выступаю вместо Сергея Владимировича Мироненко, он попросил извинений и сказал, что завтра он будет на круглом столе. А пока я расскажу, как выглядела ситуация с архивами Белого дома.

Ситуация складывалась следующим образом. Тогда, когда был издан Указ 1400, стало понятным, что возникает необходимость

сохранения архивов Верховного Совета. Я писал об этом деле, материал этот пока еще не опубликован, он выйдет в «Археографическом ежегоднике», который будет датироваться этим годом, он выйдет на будущий год.

Если не ошибаюсь, 27 сентября 1993 г. я обратился к Президенту с письмом о том, что необходимо обеспечить сохранность документов. Возможность такого лавинообразного развития событий, в общем, тогда не предполагалась, но в любом случае было ясно, что после Указа 1400 предстоят какие-то серьезные мероприятия, и документы могут погибнуть. Тут еще сказывался определенный рода алгоритм, выработанный нами в августе 1991 г., когда была проведена колоссальная работа по спасению документов Центрального Комитета партии, вообще всех партийных документов. В этом смысле тут алгоритм был достаточно понятен.

Но события стали развиваться по самому что ни на есть катастрофическому сценарию, и утром 4 числа начался обстрел Белого дома. Того же самого 4-го числа я обратился к Президенту с письмом о необходимости принятия срочных мер, и могу сказать, что в Белом доме я как руководитель Государственной архивной службы оказался не позднее 6 октября, т.е. на второй-третий день после событий 3-4 октября. Было принято решение о том, что необходимо обеспечить спасение документов, по образу и подобию той работы, которую мы делали в Центральном Комитете партии в конце августа 1991 г. Необходимо было пройтись по всем кабинетам, по всем хранилищам, выявить наиболее крупные,

обеспечить сохранность документов, вывезти эти документы, создать условия для их обследования. Это стало главной задачей Федеральной архивной службы в тот момент.

К этой работе были подключены архивисты всех федеральных архивов, начиная с Архива древних актов и заканчивая Государственным архивом Российской Федерации. Крайним в этом вопросе был назначен как раз Государственный архив Российской Федерации потому, что для него Верховный Совет выступал в качестве источника комплектования. И в Государственном архиве Российской Федерации существовал огромный актовый зал, куда можно было разместить эти документы.

Некоторые мои личные наблюдения. Работа началась числа 8-го, наверное. Одновременно с этим рабочие ставили бетонные ограды вокруг здания Белого дома. В здании бывшего Верховного Совета в тот момент сформировалось своеобразное троевластие, это Управление делами Президента, это А.П. Починок, тогда - заместитель министра финансов Российской Федерации, председатель Комиссии по передаче дел Верховного совета России и я, как руководитель Государственной архивной службы.

Одновременно с этим через Управление делами мы очень тесно работали с военными, которые осуществляли охрану, потому, что там без военных нельзя было выполнить целый ряд технологических операций, о которых я расскажу ниже.

В чем состояла задача? Прежде всего, надо было пройтись по всему зданию. Первыми шли военные-саперы, потом – мы. Я думаю, что эти воспоминания имеют определенного рода смысл, я еще раз подчеркиваю, мы прошли буквально по всем этажам, не было ни одной комнаты, которую бы мы не открыли, не были бы там. Все помещения Белого дома разделить на три категории. Первая категория – это помещения на 12-ом, 13-ом этажах, где находился штаб обороны Белого дома, где находилось хозяйство Ачалова. Стрельба из танковых орудий, по моим наблюдениям, велась прицельно по 12-му -13-му этажам. Эти этажи были подожжены и сильно, катастрофически пострадали.

Ниже ситуация была разная. Были помещения, посеченные из стрелкового оружия, главным образом, сейчас не могу объяснить эти военные подробности, почему-то были побиты стекла и видны были все эти пулевые дела со стороны Стадиона юных пионеров, в меньшей степени со стороны Москвы-реки.

Третья категория – это помещения, такое ощущение, что только что из них вышли, там чисто, прибрано, никаких следов боёв там не было.

Что любопытно? Большое количество оружия. Вот тут мне не надо никаких разговоров рассказывать о незащитных сидельцах в Белом доме. У седьмого подъезда Верховного Совета, основной вход был с седьмого подъезда, стояла лавка, наверное, в два таких стола, каждое утро эти столы были пустыми, каждый вечер, первый день она была завалена горой оружия, собранного саперами в здании. Потом эта горка каждый день становилась меньше, меньше и меньше. Главным образом, речь шла о таком личном стрелковом оружии.

Что могу сказать? Здание огромное, построенное в своё время архитектором Посохиным, с кучей ловушек, углов и закоулков. Конечно, все эти разговоры, которые встречаются, о массовых расстрелах в стенах Белого дома и т.д. – это всё бред, потому что, вы извините, следы всегда остаются, они довольно хорошо фиксируются. Да, там были видны следы ранений, это было абсолютно точно. Но, конечно, никаких там расстрелов в подвалах, это всё дрянная журналистика, оставим это дрянной журналистике.

Что получилось в результате этой работы? Работа длилась 10 дней, за эти 10 дней из Белого дома было вывезено более 50 тонн документов. Речь шла о том, что ежедневно в ГАРФ выезжало 3-4 тяжелых грузовика, КАМАЗа, эти бумаги разгружали, потом их

перетаскивали в актовЫй зал архива. Гора бумаги достигала антресолей. Глядя на эти бумаги, трудно было вообразить, что этот фонд принципиально может быть обработан. Тем не менее, я должен отдать должное сотрудникам Государственного архива Российской Федерации. Обработка велась больше пяти лет, и в результате появился фонд 10026 - «Фонд Верховного Совета».

На самом деле, документы по истории Верховного Совета хранит не один фонд.

На территории Верховного Совета был обнаружен Архив Верховного Совета, тот архив, который в Верховном Совете велся с 80-х годов, советский еще архив, который пополнялся. Он сохранился в очень приличном состоянии, он не был ни залит, ничего с ним такого не происходило, и в результате этот архив сейчас находится в Государственной Думе, это обработанная часть архива. Но обработанная часть архива практически захватывала только время до 1990 г., просто не вышло время передачи документов на архивное хранение, там существует же определенное время для передачи документов из текущего делопроизводства на постоянное хранение. И весь этот период, начиная с Первого Съезда народных депутатов, в полном объеме оказался именно в Государственном архиве Российской Федерации.

Фонд Верховного Совета СССР тоже находится в Государственном архиве Российской Федерации, но с ним-то ничего не происходило, слава Богу, там не было никакой пожарной необходимости, это отдельный фонд, с которыми работают, кстати, чрезвычайно мало и чрезвычайно плохо. Я надеюсь, у нас сейчас этой проблематикой стали заниматься потому, что проблематика как раз позднего Советского Союза и эволюции советской формы власти – чрезвычайно интересна на советском материале. Но исследуется очень плохо.

Фонд Верховного Совета РФ любопытен тем, что там представлены отдельно и комитеты, и отдельно комиссии Верховного Совета, и отдельно заседания Верховного Совета, протоколы заседаний Верховного Совета, протоколы съездов. Это удивительная по полноте панорама развития общества.

Вот я должен сказать, что этот фонд, рассказывающий о советском периоде, заключительных этапах советского периода, чрезвычайно интересен. Сегодня там велись разговоры о том, был там парламент, не был парламент, вот работа с этим фондом, конечно, свидетельствовала и о том, как шел X Съезд, эти документы свидетельствуют о том, что в ходе работы X Съезда начинается просто непримиримое противоречие между самими депутатами. Там выделяется группа депутатов, которая намерена идти на выборы, в частности, во главе с Тулеевым, которые точно знают, что их переизберут, у них всё будет хорошо. Там образуется группа депутатов, которые точно знают, что их не переизберут, и во главе этой группы оказывается Хасбулатов, это влияет на их логику, на их поведение, это толкает на определенного рода поступки.

Совершенно ясно, что так называемый Съезд фактически отказывается отстраненным от механизма принятия стратегических решений, в то время, когда в Даниловском монастыре подписывается соглашение о всеобщих перевыборах, первого числа, и утром, в ночь на второе число Соколов пошел докладывать эти результаты. И кто принимает решение о том, чтобы денонсировать договоренности, достигнутые в Даниловом монастыре? Это решение принимает штаб обороны Белого дома. Что это за орган? Какие у него права? Почему он смог отменить решение, принятое на переговорах с участием двух заместителей Председателя Верховного Совета – Соколова и Абдулатипова? Если вы мне найдете документ, определяющий его статус и полномочия, то я буду вам чрезвычайно признателен.

То есть, в конечном итоге уже ситуация развивалась не Съездом, не Верховным Советом, и тем более никаким не парламентом, это было совершенно другое развитие событий.

Возвращаясь к документации, могу сказать, что документы хранятся превосходно, у них отличные описи, и милости прошу там работать. Спасибо большое. (Аплодисменты).

ИГРУНОВ В.В.

Игрунов Вячеслав Владимирович, директор Института гуманитарно-политических исследований, в 1992—1993 годах был начальником Информационно-аналитического центра Государственного комитета РФ по национальной политике. Говорит о том, что силовой характер трансформации от Советской власти к нынешнему режиму был предопределен, в первую очередь, теми людьми, которые проводили реформы, и идеями, которые витали в кулуарах реформаторов.

Спасибо и Вам. Я сегодня думал сделать некое такое предисловие к своему завтрашнему выступлению, но раз всё изменилось, то будем импровизировать.

Я хотел бы сказать, что дискуссия по октябрю 1993 г. меня немного смущает тем, что здесь фигурируют Президент, Верховный Совет, Ельцин, Хасбулатов, таким образом, как будто это и есть главные акторы этого времени, что как будто они являются не просто актерами, а демиургами событий. И когда говорят о том, что 1993 г. заложил 1994 г. и Путина, и т.д., а, на мой взгляд, мне кажется, это очень условные соображения, поскольку, на самом деле, и то, что происходило в Верховном Совете, и то, что происходило в Кремле, и то, что вообще происходило в стране, является следствием тех процессов, которые происходили в обществе. А ведь никто не описывает, что в этот момент происходило. Ведь происходило очень много разных событий. На самом деле, раскол и столкновение в обществе и предопределили то развитие событий, которое мы наблюдали, когда, например, Ольга Здравомыслова говорит о том, что интеллигенция могла бы стать /посредником? Переговорщиком? – Прим. Ред./, то, конечно, по той роли, которую занимала интеллигенция в русской, российской, советской истории, эта роль, действительно, должна была принадлежать ей. Но вспомните, как реагировала интеллигенция на развитие событий.

Можно и раньше говорить, но, например, днем 3 октября проходило заседание «Московской трибуны», Виктор Леонидович кивает головой, он это помнит, когда мы возвращались, мы уже узнали о штурме СЭВа и т.д. И там разгорелась яростная дискуссия о том, что следует предпринимать. Я выступал с такой очень осторожной позицией, но

большинство выступало с позиции немедленного применения насилия по отношению к Белому дому. И когда Сатаров говорит о Явлинском, что Явлинский ночью 3 числа призвал «Раздавить фашистскую гадину», он немножко спутал. Это слова Мариэтты Чудаковой, которая говорила их, в частности, на «Московской трибуне» 3-го числа.

А я хочу сказать, что тогда же, если вы помните, перед расстрелом Белого дома, самые выдающиеся представители интеллигенции, самые знаменитые люди страны десятками подписывали обращение к Ельцину с призывом к насилию, с призывом «Раздавить гадину». Разве может интеллигенция, таким образом ориентированная, стать арбитром? Это не ее функция.

И вот об этом я хотел бы сказать, на самом деле, исторический контекст очень важен. Если говорить, как часто, например, Игорь Моисеевич Клямкин говорит, что вообще разговор не о том, не о Ельцине, не о Хасбулатове, не о Константинове, не об этих людях, надо анализировать институциональную эволюцию, надо понимать, что институты советского режима ушли и надо было выстраивать другое, а весь этот дизайн не имеет значения. Я-то как раз согласен с коллегой Сатаровым, который сказал, что, на самом деле, очень много отдается случайности. Как раз дизайн событий имеет значение. Бархатная революция или революция кровавая. И это зависит от тех людей, которые занимаются проведением этой исторической необходимости, **любая историческая необходимость реализуется через конкретных людей, которые берут на себя ответственность за эту историческую необходимость и которые определяют дизайн того, что происходит.**

Тут много говорили о несговорчивости Верховного Совета, что Ельцин – самый компромиссный политик, он готов был идти на то, на другое, на третье. Но я хотел бы напомнить, что многие отмечают и другой вариант. Когда Ельцин получил особые полномочия для проведения экономических реформ, он ведь издавал Указы, зачастую даже не информируя Верховный Совет, никак с парламентом не согласовывая, а когда то ли Конституционный Суд, то ли парламент отменял эти Указы, на следующий день эти же Указы выходили под другим номером, под другим названием, но в сущности ничего не меняя. Где здесь компромисс? Не происходило обсуждений, очень многое делалось закулисно, неожиданно, спонтанно. И в этом смысле конфликт был предопределен.

Но я не хотел бы говорить о том, что происходило в 1993 г., я – не историк, и уж тем более не историк 1993 г. Я даже с трудом могу себя называть участником событий, хотя я принимал активное участие в это время, но это была, скорее всего, периферия того яркого конфликта, в котором участвовали многие из тех, кто присутствует здесь, я не могу брать на себя смелость это анализировать, я, скорее, свидетель. Но как свидетель я могу сказать, что предыстория расстрела, а я буду пользоваться этим словом, хотя здесь его отвергают, расстрела Белого дома берет начало в глубоком прошлом.

Я не буду уходить к Арбату, к возникновению Арбата, не буду уходить к революции, я вернусь всего на несколько лет назад, хотя для меня лично это началось в 1982 году со знакомства с командой Гайдара, ну, не с командой, тогда это был как бы круг единомышленников. И я хочу сказать о том, как выстраивалась политика и Ельцина, и команды реформаторов.

В сентябре-октябре 1989 года в Репино состоялась большая конференция социологов, десятидневная или даже двухнедельная, организованная ИСЭПом, тем самым институтом, где работал, в частности, и Чубайс, и в рамках этой конференции я вел секцию, название секции не имеет значения в данном случае, которая обсуждала возможность реформирования советской экономической системы, советского политического строя. В ней участвовали все выдающиеся реформаторы, начиная от

Гайдара, правда, Гайдар в секции не принимал участия, он после пленарного заседания покинул, он был занятой, важный человек, работал в «Коммунисте» в то время. Так что ему было не до наших круглых столов, но Чубайс, Васильев, Львин, Кордонский, Павленко, Найшуль, все идеологи этой реформы, безусловно, в ней участвовали.

У нас столкнулись две точки зрения, одна точка зрения постепенной трансформации, постепенных реформ, и другая точка зрения быстрых реформ, которую предложила команда Чубайса, Гайдара. Я не буду обсуждать сам ход этой дискуссии потому, что она могла быть различна, в данном случае значения не имеет. Меня интересуют некоторые итоги этой конференции. Но некоторые тезисы я назову. Например, одно из нескольких первых положений сводилось к тому, что, прежде всего, необходимо приватизировать всю собственность в Советском Союзе. Но она должна быть сконцентрирована в руках очень немногих людей. Почему? Потому, что только тогда, когда у нас будут сверхкрупные монополии, они смогут конкурировать на внешнем рынке. Для успешной конкуренции на внешнем рынке необходимо максимально снизить жизненный уровень населения, лишить его всех сбережений, превратить в состояние нищих для того, чтобы минимальная заработная плата вела к конкурентоспособной цене.

Но когда с моей стороны последовало возражение относительно того, что в таком случае они столкнутся с резким протестом профсоюзов, с резкими социальными конфликтами, мне было сказано, да, конечно, мы это понимаем, поэтому первая задача – это распустить действующие профсоюзы и запретить создание новых профсоюзов. Профсоюзы ни в коем случае не могут быть созданы.

Тогда противопоставляется такая точка зрения. Конечно, профсоюзы – это очень удобный механизм для переговоров с бастующими, протестующими, а если вы уничтожаете профсоюзы, которые не могут организовать эти стачки, забастовки, но и не могут быть посредниками, тогда вы столкнетесь с массой стихийных протестов, забастовок. Люди будут занимать шахты, заводы и ваши новоявленные собственники будут терпеть убытки. На это мне было отвечено очень просто: «Ну, что же, у нас пулеметов нет?». Это была такая естественная фраза, с которой были согласны все будущие реформаторы. И опять же таки на мое оппонирование, чем же вы тогда отличаетесь от Сталина, от предшествующего режима, они говорили о том, что Сталин вводил неэффективную экономическую систему, а они введут эффективную, и ради этого можно уничтожить какую-то часть населения. И здесь, конечно, описывался опыт Пиночета, где с восторгом говорили о том, что всего 3 тысячи человек было расстреляно там где-то на стадионе, но зато (!) в результате Чили получили эффективную экономическую модель.

Но, как вы догадываетесь, стороны разошлись в полном непонимании, но я хотел бы сказать, что в дальнейшем именно эти люди получили карт-бланш на проведение реформы. Они категорически не признавали необходимость парламента потому, что парламент будет мешать проведению реформ, реформы должны быть непопулярны и, если надо, они должны быть проведены с использованием насилия, и такого масштаба, который необходим. Соответственно, если в Чили 3 тысячи человек расстреляно, ну, помножим кратно на население России, получим, сколько мы можем отстрелять для эффективной экономической реформы.

Но мы разошлись, а в 1991 году так случилось, что именно этих ребят пригласили проводить экономическую реформу. Тогда же я предложил провести большое обсуждение под названием «Социальные последствия экономических реформ». На проведение этой конференции Фонд Форда выделил 200 тысяч долларов, и я пошел, естественно, в Кремль обсуждать все эти вопросы. Главные действующие лица – Гайдар и Чубайс отказались от этих переговоров, поручили их вести Сергею Васильеву, он тогда руководил рабочим

центром экономических реформ. Был Васильев, Павленко, Кордонский, мне было прямым текстом сказано, что нам с вами обсуждать нечего, мы уже всё обсудили, пора действовать. Никаких компромиссов, никаких соглашений, никаких обсуждений последствий быть не могло.

Я должен вам сказать, что в данном случае само настроение не предполагало человека как какой-то значимый фактор в развитии событий. Речь шла об эффективном рынке, и только об эффективном рынке. Я для примера могу сказать, что чуть позже, это был уже 1992 или даже 1993 г., когда Поливанов сменил в Контрольно-ревизионном управлении Болдырева, между ним и видным деятелем, не буду называть имя, постольку, поскольку Поливанов его не назвал, видным деятелем команды реформаторов состоялся следующий диалог. Поливанов говорит о том, что реформы, которые проводятся таким образом, приводят к тому, что резко вырастает смертность, действительно, тогда смертность резко подскочила. И что же отвечает ему этот видный реформатор? Этот видный реформатор ему отвечает очень простыми словами: ну и прекрасно, старперы перемрут и освободят место молодым и динамичным. Вот так люди относились к реформам.

Я хочу сказать, что дизайн этой трансформации от Советской власти к нынешнему режиму был predetermined, в первую очередь, теми людьми, которые проводили реформы. И в ответ они мобилизовали такое же воинственное советское настроение у своих оппонентов. Поэтому возлагать вину на Верховный Совет, называть его мятежниками или еще чистыми, я бы сильно поостерегся. Спасибо. (Аплодисменты).

БЕЛЕНКИН Б.И.

Беленкин Борис Исаевич, заведующий библиотекой Общества «Мемориал». Говорит о невестребованности многих архивов.

Воспользуюсь тем, что организаторы конференции поставили мое выступление непосредственно после выступления Вячеслава Владимировича. Такое соседство тем более обязывает меня публично поблагодарить предыдущего оратора. Поблагодарить не столько за его выступление, которое само по себе очень яркое и эмоциональное, а за то, что не будь Вячеслава Игрунова, то я бы здесь, скорее всего, не выступал с этой темой, то есть к теме источников по 1993 г., не имел бы особого отношения. С институцией, руководимой Игруновым (сначала это было МБИО, затем Институт гуманитарно-политических исследований-ИГПИ) связано и мое непосредственное участие в собирании коллекции новой политической прессы для библиотеки «Мемориала», и факт передачи «Мемориалу» уникальной коллекции архива МБИО/ИГПИ. Именно этот архив современной политической документации, собиравшийся в течении десятилетия начиная с 1987 года и переданный нам Вячеславом Игруновым, составляет основу библиотечной коллекции «Мемориала».

Теперь позволю себе вернуться к выступлению Елены Струковой, к той его части, где она упомянула имя Михаила Яковлевича Гефтера. Потому, что то, о чем я буду говорить, это и есть, в какой-то степени, результат инициатив, рожденных благодаря идеям Гефтера, встречаю с Гефтером, разговорам с Гефтером – моих, и главное, моих коллег мемориальцев. То, о чем я сейчас, скороговоркой буду говорить, это и есть результат гефтеровской инициативы. И еще – то, о чем я буду говорить, конечно, в большей степени связано со сделанным не мной, а моими коллегами – Ольгой Трусевич и Александром Черкасовым.

Итак, что было сделано. В конце 1993 г., как уже было сказано, по инициативе Гефтера, группа мемориальцев предприняла попытку с максимальной полнотой собрать

свидетельства о событиях сентября-октября 1993 г. с разных сторон. И были собраны всяческие материалы, и рассказы участников и очевидцев, собраны публикации, видеоматериалы и другое. И то, что собиралось, как-то каталогизировалось, как-то описывалось, и сегодня всё это, по большей части, доступно исследователям.

Собранные материалы составили фонд Правозащитного центра «Мемориал», кроме того, материалы по истории кризиса отложились в коллекциях библиотеки Международного «Мемориала».

Итак, первое, с чего начну, – с раздела коллекции газетных и печатных публикаций Правозащитного центра. При сборе печатных материалов предпочтение было отдано газетам, как наиболее оперативному источнику актуальной информации. Журналы описывались выборочно, на втором этапе работы. Всего было собрано свыше 2,5 тысяч статей из 140 газет, журналов и сборников. Составители стремились представить полный спектр свидетельств и оценок, поэтому в собрании представлены газеты самых различных направлений. При отборе особое внимание уделялось малотиражным изданиям, малодоступным изданиям. Число библиотек, комплектуемых этими изданиями, весьма невелико, на сегодняшний день в Москве подобные издания собраны в двух библиотеках, в Исторической и в «Мемориале». Другие библиотеки, такие крупные, как РГБ, прекратили сбор подобных материалов еще в начале 90-х. Итак, целенаправленный сбор документов современной политической истории осуществляют только Историчка и, в меру своих возможностей, «Мемориал».

[Выступление сопровождалось показом рубрики интернет-сайта «Мемориала», посвященной 1993 г. <http://memo.ru/s/238.html>].

Описанные публикации относятся к периоду с августа 1993 г. по сентябрь 1994 г. Надо отметить, что отбор в течение этого периода осуществлялся неравномерно. В октябре 1993 г. – феврале 1994 г. учитывались почти все публикации, позже отбор стал более придирчивым, приоритет отдавался, прежде всего, репортажам, свидетельствам очевидцев и аналитическим материалам. Не включались в собрание материалы, информационное наполнение которых было вторичным.

В отдельном массиве описано около 200 публикаций из газет, вышедших в сентябре-ноябре 1994 года к годовщине событий: тогда был огромный вал публикаций, что тоже надо учитывать. Описание газетных публикаций представлено в виде файла Excel. Обязательным правилом для составителей была достаточная полнота библиографической записи для идентификации источника. Помимо стандартных полей с указанием автора, заглавия, выходных данных и т.д., включены указания на тип публикации, в базе мы можем найти, например, 280 интервью с участниками событий. Еще представлено в отдельном списке не менее 50-ти интервью из журналов и сборников. Кроме того, в базу включены указания на место и время описанных событий, и по этому параметру тоже можно было осуществлять поиск. Некоторые описания идут с пространными цитатами их публикаций.

Надо понимать, что кроме этой коллекции газет и вырезок, еще есть отдельная коллекция в библиотеке «Мемориала», где собрано очень много периодических изданий, в основном малотиражных (то, что названо в Исторической библиотеке «нетрадиционной печатью»).

Следующий раздел фонда, наверное, самый оригинальный, называется «Радиопереговоры». Исследователям предлагается транскрипт радиопереговоров на частотах милиции и внутренних войск 3 и 4 октября 1993 г., но это далеко не всё. Записи были сделаны в разное время и в разных местах, и попали в «Мемориал» разными путями. Запись в журнал и на кассеты велась в оперативном штабе Моссовета, до его закрытия во второй половине дня 3 октября. Две аудиокассеты были записаны в ночь с 3 на 4 и

переданы в «Мемориал» журналистами. Наконец, 4 октября были записаны радиопереговоры силовиков, ретранслирующиеся в УКВ-диапазоне радиостанцией «Авторadio». Все эти записи расшифрованы, сведены и, по возможности, атрибутированы по времени и по выходу в эфир абонентами. Данный материал для пользователя сколь интересен, столь и труден, сложен и требует определенной методики.

Разные службы, разные структуры используют разные частотные каналы, те, кто записывал радиопереговоры, переключали каналы, порой бессистемно, в итоге имеющиеся в нашем распоряжении записи заведомо неполны. Опасаясь лишних ушей, некоторые переговоры офицеры МВД вообще вели не по радио, а по телефону, после того, как на милицейскую волну выходили лидеры парламентской стороны, работавшие на этой частоте, абонент переходил на другой канал и там старался восстановить управление своими частями. Нам же в результате расшифровки остаются эмоциональные тексты, в том числе Александра Руцкого, который вклинивался в переговоры и т.д. Однако, при всех оговорках материал представляет ценность не только для исследователей, но и просто для заинтересованного пользователя, читателя. Записи радиопереговоров сотрудников силовых структур 3-4 октября были частично использованы журналистами «Комсомольской правды», «Новой газеты», «ИТАР-ТАСС» и совсем недавно «Эха Москвы».

Очень важный, очень интересный источник, о нем, к сожалению, нет сведений на нашем сайте, но очень важный источник, это видеоархив Правозащитного центра, состоящий из видеозаписей журналистов, точнее кинооператоров, непосредственных очевидцев событий, и представленных Правозащитному центру разными телеканалами. Теперь в архиве более 70 часов кинохроники, 27 единиц хранения, кассет или оцифрованных файлов.

Есть огромная группа интервью из газет, в сумме более 300, и еще интервью, которые брали сотрудники «Мемориала» непосредственно после событий, очень подробных интервью. Были какие-то попытки у нас разработать вопросники, по каким-то вопросам, это всё тоже есть в «Мемориале» и, кстати, совсем недавно этими материалами воспользовались для театрального проекта «Октябрь 1993 г. Частная хроника».

И еще надо одну вещь сказать, очень важную, и это есть на сайте. На основе собранных материалов, непосредственно сразу после введения в Москве чрезвычайного положения, был написан сотрудниками Правозащитного центра доклад «Нарушение прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в период с середины дня 4 октября до 18 октября 1993 г.». Надо понимать, что этот доклад основывается на огромном количестве свидетельских показаний, на отслеживании массы всего, и, в общем, с моей точки зрения до еще недавнего времени, это был один из образцовых, мне кажется, документов того времени, пытающийся описывать картину.

Теперь я перехожу к другому, к попытке корпоративной работы, касающейся немножко меня самого и других моих коллег. С самого начала, с утра 22 сентября 1993 г. в библиотеку «Мемориала» и в Историческую библиотеку стали поступать документы и листовки, связанные с принятием Указа 1400. Документы эти, изготовленные как типографским способом, так и вручную, отражали одну точку зрения, в течение первой недели после принятия Указа, в основном, распространялись на достаточно ограниченном, а затем и замкнутом, огороженном колючей проволокой пространстве. Количество и характер этого материала уже через несколько дней не оставлял сомнений – перед нами совершенно уникальный корпус документов.

Сразу же по окончании событий у нас, собирателей и хранителей этих материалов, появилась уверенность, что с собранным материалом надо что-то делать. И идея эта была

поддержана Еленой Струковой, заведующей фондом нетрадиционной печати Исторической библиотеки, где тоже был представлен большой массив этих листовок, и подготовка издания началась 11 октября, через месяц книга была подготовлена вчерне, а уже в начале января 1994 года она была представлена публике. Всего в книге – факсимиле свыше 200 листовок сторонников Верховного Совета. Материалов противной стороны совсем немного, 5-6 (всего было выпущено не более 7-8!). Еще десятки листовок поступили в наши фонды уже после выхода книги. Понятно, какое-то количество листовок мы никогда уже не найдем, канули, так сказать, в небытие. Это говорит всё-таки о том, что это пространство, которое выдало такое, наверное, рекордное число летучих изданий, это тоже о чем-то свидетельствует, о чем-то говорит, но, к сожалению, на сегодняшний день пример какого-либо серьезного использования этого первоисточника или анализа его практически нулевой, о редких исключениях говорила Елена Струкова.

Итак, непосредственно с архивными библиотечными фондами «Мемориала», Исторической библиотеки связана выставка «Москва, 1993 г. 14 дней осени», открывшаяся 21 сентября в Выставочном зале Международного «Мемориала», выставка подготовлена сотрудниками Исторической библиотеки и «Мемориала», стала опытом использования определенного круга источников, собранных в наших фондах. Речь идет о газетных материалах тех 14-ти дней, листовках, фотографиях, видеохронике и радиопереговоров. Последние два использованы для создания 29-минутного документального фильма, который представляет из себя монтаж хроники из разных источников, с фрагментарным наложением радиопереговоров. Весь материал связан только с событиями 21 сентября – 4 октября 1993 г. Материалы выставки расположены на 10-ти постерах в хронологическом порядке, основное содержание всех представленных материалов отражает нагнетание нетерпимости, конфронтации и, как итог, кровавый финал. На постерах размещены легко считываемая краткая хроника событий с 21 сентября по 4 октября, основная экспозиция образует практически замкнутое пространство, как бы отсылающее посетителя в то самое замкнутое пространство 20-летней давности. Замкнутое пространство и в прямом, и, конечно, в переносном смысле, речь идет не только о здании и площади перед ним.

На выставке представлено несколько десятков изданий, посвященных событиям, а также несколько, условно говоря, артефактов, хотя язык не очень поворачивается это так называть. Александр Лапин, участник событий, потерявший ногу в результате трагического инцидента, произошедшего 3 октября на Садовом кольце (Александр попал под колеса милицейского грузовика, того, который в тот момент пытались захватить) – он пришел и передал на выставку пропитанное кровью Красное Знамя – Знамя РСФСР, которым он был накрыт после инцидента и которое у него сохранилось. Он в здравии, переводчик с немецкого... Еще один артефакт передал Александр Черкасов, ту самую мосссоветовскую рацию, с которой, собственно говоря, и прослушивались те самые переговоры. И оригиналы листовок Белого дома того времени. Финальный постер, который замыкает основное экспозиционное пространство и в какой-то момент делает пространство выставки абсолютно замкнутым (но только на некоторое время), это постер, который посвящен выборам в первую Государственную Думу, и для его оформления использованы материалы предвыборной агитации на выборы 12 декабря 1993 г.

Выбор авторами выставки такого, на первый взгляд, несколько тенденциозного финального аккорда, вызван всё-таки тем, что в каком-то смысле сегодняшняя Россия наследница 4 октября (или 21 сентября). В любом случае, мы во многом все оттуда, хорошо это или плохо. Такой или нет ожидали увидеть сегодняшнюю Россию современники тех событий – мы, естественно, отвечать на эти вопросы вовсе и не собирались, а захотели всего лишь напомнить людям о событии, которое произошло 20

лет тому назад. Сразу же хочу сказать, что выставка воспринимается иногда достаточно неадекватно, с самого первого момента открытия нас стали то обвинять в том, что мы немножко красно-коричневые с Еленой, некоторые говорили о том, что мы, наоборот, слишком проельцинские... Были совершенно неожиданные реакции, вплоть до того, что фотографии, где маршируют баркашовцы, воспринимались как некая симпатия к этим баркашовцам, что уже совершенно меня выбило из колеи, я перестал что-то понимать. Но, видимо, это в первую очередь всё-таки говорит о глубокой, незаживающей психологической травме, нанесенной в те осенние дни, в первую очередь, столичным жителям. И это, безусловно, так. И по сегодняшний день эта травма, безусловно, во многом остается.

В заключение хочу сказать, что, несмотря на достаточно обширные и уникальные материалы по истории событий 1993 года в архивных и библиотечных фондах «Мемориала», обращение к нашим источникам, к нашим материалам, крайне незначительно. Вижу это по публикациям, посвященным 1993 году, которые проходят через мои руки. Раньше думал, что мы такие несколько маргинальные, и поэтому нашими совершенно уникальными материалами мало кто пользуется. Теперь-то понятно, что это всеобщая российская печальная данность – равнодушие, отсутствие интереса к недавнему прошлому... Правда, в свое время были написаны две книги, очень интересные, их авторы – Островский и Чарный (если бы они здесь встретились, то, наверное, поколотили бы друг друга – столь различны их подходы и интерпретации!), обе книги, кстати, написаны с привлечением материалов, собранных «Мемориалом». Но это исключительно редкий случай, мы не востребованы. Что характеризует, скорее, не нас, а всё-таки общество в целом. Спасибо. (Аплодисменты).

ТРУСЕВИЧ О.Г.

Трусевич Ольга Георгиевна, сотрудник архивных проектов Правозащитного центра «Мемориал», в октябре 1993 года была членом «Бригады медпомощи имени Максимилиана Волошина». Тема выступления: «Сведения о погибших осенью 1993 г.: сравнительный анализ официальных и неофициальных источников». Говорит о том, что конфликт 1993 года – это малая гражданская война, которая имеет весьма опосредованное отношение к проблеме Конституции.

Добрый день!

Я сотрудник архива Правозащитного центра «Мемориал». Сенсаций тут особых не открою, расскажу, как мы делали этот архив и какие источники мы туда собирали, и главное – о методике сбора и методике анализа этих источников.

Первое, за что мы, конечно же, взялись, как Рудольф Германович, за документы в Белом доме, мы взяли непосредственных свидетелей,

участников событий, и начали их опрашивать. Это происходило, прямо начиная с 4-5 числа, благо у нас был материал, у нас по улицам ходили наблюдатели программы «Мемориала», дальше у нас очень много людей помогали раненым и таскали погибших, как санитары-добровольцы. И этих людей в первую очередь мы начали опрашивать. Дважды посещали наши коллеги Хованское кладбище, дальше мы отправили запрос в Главное медицинское управление города Москвы, и довольно быстро, тут же в октябре получили ответ – наиболее полный список погибших в эти кровавые дни. На основе этого списка мы сделали вот такие карточки на каждого, демонстрирую. Чем этот список отличался от тех, что попал в газеты, тут не только год рождения, не только образование, не только адрес, не только работа, но и место гибели, и некоторые обстоятельства, в какой морг доставлен, и даже количество алкоголя в крови. В этом плане мы обладаем достаточно обширным списком.

Он на то время составлял 127 человек. Но Главное медицинское управление этот список не скрывало и, когда нам его предоставляло, в общем, не делало из него тайны. А список этот формировался постепенно, и мы можем в газетах найти и более ранние списки, где 48-49 человек обозначены, как «неизвестный мужчина», «неизвестная женщина». То есть, это говорит о постепенном формировании такого списка.

Такой подход у нас был, искать среди свидетельских показаний пересекающиеся. Поэтому когда мы подбирали из газет показания, мы их, действительно, сопоставляли по месту, времени и искали не менее двух свидетелей по сложным эпизодам, связанным с предполагаемой гибелью людей. Это такие эпизоды, как выстрел из гранатомета в Останкино, был он, не был, ловля снайперов на Новом Арбате, расстрелы в окрестностях Белого дома, на стадионе, во дворе серого дома. Баржа ночью на Москве-реке, на которой тоже якобы вывозили трупы из Белого дома и т.д. Если будет время, я по каждому из этих эпизодов расскажу о наших архивных находках, но пока двинемся дальше.

Дополнительный опрос журналистов и независимых наблюдателей, находившихся именно в Белом доме, независимым наблюдателем может быть у нас и Рудольф Германович Пихоя, я еще спрошу его, сколько конкретно крови, на каких эпизодах он видел. Был также анализ радиопереговоров сотрудников милиции о вызовах скорых и т.д. Проведен был дополнительный сбор свидетельств уже по опубликованным свидетельствам, о котором говорила Елена Струкова, к годовщинам событий и позже каждый из участников, практически из главных действующих лиц выпустил книгу воспоминаний или статьи воспоминаний. Это тоже было каким-то образом учтено.

Мы поговорили с сотрудником прокуратуры, уже позже, в 2012 г., провели анализ материалов Комиссии Госдумы по расследованию событий, которые тоже уже здесь читали доклад, Комиссии Астраханкиной. Он тоже сейчас есть в Интернете⁷.

Краткая характеристика. Если назвать официальными источниками такие, как упомянутую уже мною справку Главного медицинского управления, сообщения Центра экстренной медицинской помощи, пресс-конференции официальных лиц, пресс-конференции комендантов Москвы и Белого дома, это Александр Куликов и Аркадий Баскаев, пресс-конференции министра внутренних дел Ерина, то можно сказать, что они не полны, не точны, но иногда заслуживают доверия тем, что видно, что люди стараются представить нам не только количество погибших, но и структуру, сколько женщин, сколько подростков, стараются сказать, сколько было найдено именно в окрестностях Белого дома.

⁷ См например по адресу <http://www.voskres.ru/taina/1993.htm>

Но бывают, конечно, там и заскоки, т.е. там, например, Волкогонов говорил о 800 погибших тогда, когда еще в Белом доме шел бой, не в самом Белом доме, а были обстрелы в окрестностях, вечер 4-го числа и 5-го, когда еще не собраны были трупы, Волкогонов заявил об общем количестве погибших, совершенно фантастическая цифра, которая, как потом выяснилось, была гипотетической. Вот примерно предполагалось такое количество всех людей в Белом доме, если они все погибнут, то будет, соответственно, и 800 погибших. С одной стороны, это характеризует, что власть могла бы пойти на эти потери, но потом уже, конечно, и Баскаев, и Волкогонов говорили о том, что официальный список погибших соответствует действительному.

Далее – материалы Комиссии Госдумы. Очень подробные, очень много фактов, но, к сожалению, несмотря на обилие использованных материалов, представляют собой некритическое цитирование материалов, добытых Генпрокуратурой. И даже в сочетании иногда с необоснованными домыслами о причинах гибели целого ряда граждан. Например, когда Комиссия Госдумы не смогла примирить позиции, был же всё-таки первый выстрел из гранатомета в Останкино или не был, или это был какой-то странный выстрел из подствольника внутри помещения АСК-3, то тогда там почти открытым текстом написано, что, видимо, «Витязи» сами стреляли друг в друга там внутри из подствольного гранатомета.

Всё равно, мы старались говорить о погибших именно пофамильно, составлять картотеки и сопоставлять. Это принцип нашей исторической и правозащитной работы, «Мемориал» в целом всегда так работал, и даже когда речь идет о таких масштабных потерях, например, в ходе таких репрессий, как сталинские, мы имеем прямое отношение к изданию расстрельных списков, к изданию Книг памяти. Поэтому по такой же методике мы работали по поводу погибших.

Но надо, конечно, сказать, что Генпрокуратура должна, прежде всего, раскрыть материалы расследования своего уголовного дела, тогда многие бы мифы и многие бы домыслы были сняты на корню. Хотя там тоже, как я уже до этого сказала, есть странные моменты, в частности, отрицание того же самого выстрела из гранатомета в Останкино, который видели многие и многие свидетели. Нужно ставить вопрос о возобновлении общественного, а возможно и какого-то государственного расследования событий, с обязательным опросом некоторых бывших должностных лиц. Только так можно не упустить окончательно возможность приблизиться хоть к какой-то объективной оценке событий.

Далее – неофициальные источники. Неофициальные источники – это, конечно, они тут частично сформируются на нашей конференции, это воспоминания участников, очевидцев, независимых наблюдателей. Воспоминания участников позволяют прикидочно оценить возможный порядок числа погибших и раненых. При этом наблюдается, как здесь тоже было отмечено, позиция сторон. Позиции сторон превалируют, наблюдается полное отсутствие независимых, неангажированных источников, все, несмотря на количество фактов, упомянутых в многочисленных воспоминаниях, в целом можно оценивать по общей характеристике событий как не очень достоверные. Причем, это касается, действительно, обеих сторон конфликта. Там сохраняются белые пятна, умолчания, когда одни факты, например, здесь я тоже слышала, что Ельцин всё время пытался договориться. Да, безусловно, факты абсолютно убедительные, но факт того, что потом он перестал стараться договориться и Коржаков начал готовить силовой разгон Верховного Совета тоже существует. То есть, это белые пятна, когда мы не знаем точно, достоверно количество погибших, и сейчас из утверждения в утверждение, из передачи в передачу по телевидению продолжается эта линия, мы достоверно не знаем того, сего, третьего и четвертого.

Возникает тут немножко вопрос: не знаем, или иногда и не пытаемся, не хотим узнать, никому это не выгодно? Причем, если брать о мифах, возьму наиболее курьезный, возьму миф по поводу баржи. Ведь он тиражирован в многочисленных свидетельствах. Потом, когда мы стали смотреть, а кто же свидетель, оказалось, что это некий пенсионер, который работал в охране Склифа. Будучи сильно травмирован ситуацией с поступлением реальных раненых и погибших в Институт Склифосовского, он опросил свою дочь, которая живет около Белого дома, и та в театральные бинокль три дня наблюдала, и с 6 на 7, и с 7 на 8, как из Белого дома выносили трупы и грузили на крупнотоннажные суда. То, что к Белому дому тогда вообще не подходили к Белому дому никакие крупнотоннажные суда, в расчет не принималось. По свидетельствам многочисленных журналистов и независимых наблюдателей, просто ничего этого не было, ни ночью, ни днем. И когда мы пытались понять, а еще свидетели есть? Оказалось, что их нет, все цитируют эту дочку с театральным биноклем.

Что еще. Везде говорится о провокациях. То есть, провокация как удобный способ снять с себя историческую ответственность. Фантазии о провокациях очень легко разбиваются и разрушаются любым анализом непредвзятых источников, какими являются, например, радиопереговоры. Как мы видим, как милиция хотела перекрыть все эти отступы, и Крымский мост, и Зубовскую площадь, и Смоленскую площадь, и к Белому дому, но не успевали они элементарно. Они тянут резервы, тянут, тянут и переговариваются, но не успевают. Нет здесь специальной провокации и пропуска восставших сторонников парламента к тому, чтобы они деблокировали Белый дом. Множество таких факторов.

Свидетельства очевидцев, прежде всего, ценны непосредственно. Что хорошо? Когда человек, всё-таки зажав себя в кулак, будучи всё-таки в стрессовом состоянии, но всё-таки рассказывает непосредственно то, что он видел, первое впечатление, а не то, что он потом прочитал, розовым флером подернул и т.д., или услышал от кого-то. Эти свидетельства тоже важны, но это другая часть. Здесь, наверное, нет в зале отца убитой в Останкино Наташи Петуховой, при всем уважении к его потере, я могу сказать, что, например, вставка о том, что он возвращался в окрестности Белого дома 5 числа с утра, увидел 23 трупа, действительно, они лежали у дома 11, рядом с Белым домом, в Девятинском переулке, это он видел, он их пересмотрел. Но то, что потом он, сходя в УВД, вернулся в следующий раз, вошел на стадион и там уже видел сотни расстрелянных и замученных героев, этот добавочный рассказ мы считаем позднейшей вставкой, к сожалению. Потому, что он появился в таких сборниках, как «Площадь свободной России» позже, чем тогда, когда он давал интервью сам по ходу событий, когда он, к сожалению, нашел свою дочь в морге и к нему уже обратились журналисты. И он тогда не упоминал о том, что он был на этом ужасном стадионе.

Конечно, независимые наблюдатели могли бы развеять мифы, но их воспоминания либо не опубликованы, либо не собраны, либо они не хотят вспоминать. Вот медики могли бы это сделать, но они связаны Клятвой Гиппократова, на какой бы стороне они ни были, всё равно они помнят каждого своего персонажа, раненого, погибшего, и такие медики, на стороне Верховного Совета бригада Шестакова, бригада Медицинской академии им. Сеченова, но есть и Некрасов, который в Центре экстренной медицинской помощи, если свести этих медиков, их воспоминания вместе и создать некий единый корпус их воспоминаний и опубликовать, это было бы крайне ценно. Иначе о погибших существуют такие, например, домыслы, что видели кого-то без головы, потом такой же наш наблюдатель Николай Митрохин в Белом доме говорит, да не было этого потому, что этот именно труп в телогрейке тащили просто за рукава и голова ушла внутрь телогрейки, поэтому рассказы о том, что в списках отсутствует безголовый, с декапитацией тела, оно не могло быть в списках потому, что все в порядке и все с головами.

Таким образом, наш список, у нас на сайте⁸, 131 гражданское лицо, да, мы допускаем, что есть неучтенные, 20-30 человек, возможно, не учтены, но оценка – не свыше 200 человек нам представляется адекватной, 28 погибших военнослужащих, 131-134 (у нас есть еще 3 очень реальных кандидата), это наша оценка.

Личное мнение. Это не был политико-конституционный кризис, или конституционно-политический кризис. Вы знаете, я как очевидец и немного участник могу сказать, что, конечно, когда внезапно начали стрелять, там было всем не до Конституции, как до жены Константина на Сенатской площади, по той шутке по поводу декабристов. Но дело даже не в этом, дело в том, что это, конечно, не было противостояние друзей Конституции, условно говоря, и врагов Конституции. И даже когда я спрашивала до горячей стадии конфликта, Моссовет приходили защищать куча моих родственников и знакомых, даже мой брат, я приходила и проникала через оцепление 29-30 числа, приносила еду в Белый дом, и там говорила с людьми. **У одних одни мотивации, нашу жизнь испортили Указом Ельцина еще до Указа 1400, Советский Союз развалили, власть продана жидомасонам или просто коррумпирована и продажна, и мы выступаем против беспредела исполнительной власти, значит, за Верховный Совет. А у других мотивация еще короче, мы не хотим коммунистического реванша, если победят они, всё вернется назад.**

Таким образом, мы видим типичное гражданское противостояние, формирование образов на ментальном уровне, то, что мы хотели сделать в нашем проекте «Октябрь 1993 г.», на ментальном уровне посмотреть, это формирование образа врага, это демонизация этого врага. Посмотрите, что творится сейчас, тогда могли обе ветви власти в принципе, об этом говорил Виктор Шейнис, работать при тогдашней Конституции, сейчас да, Конституция нарушена, сейчас в ней куча статей не работает, но главная ли это причина возможной нынешней нестабильности? Нет, это одна из причин, а противостояние общества накапливается другими методами. Поэтому, конечно, моя точка зрения, что это из кабинета ученого определение – политико-конституционный кризис, конечно, это гражданский конфликт, малая гражданская война.

Всё. Спасибо. (Аплодисменты).

ДОБРИ М.

Добри Мишель, профессор Университета Париж-1 Пантеон-Сорбонны.

Мне кажется, что конференция поднимает два интересных вопроса – вопрос источников и вопрос интерпретаций. На первый взгляд, кажется, что можно точно разделить источники с одной стороны, и толкование с другой. Но на самом деле, всё сложнее. Приведу несколько примеров.

С утра мы говорим о военных частях, о милиции. Можно ли считать, что и в кризисных ситуациях армия будет действовать сообща, просто по указу, полученному откуда-то сверху? Здесь наверно нужно еще искать какие-то источники, документы, чтобы понимать, что происходит в силовых структурах. Может быть, это трудно? Но нельзя поступить как тот пьяный из анекдота, который потерял ключ и ищет его не там, где он его потерял, а там, где горит свет. Точно так же, когда мы изучаем ряд государственных аппаратов, мы сталкиваемся с трудностями в доступе к информации. Что происходит там внутри?

⁸ <http://memo.ru/d/2009.html>

В таких исторических моментах, как октябрь 1993 г., мы должны всерьез рассматривать, в какой социальной структуре и согласно какой логике вспыхивает и развивается насилие. Но одновременно, надо вспомнить, что использование насилия не подчиняется никакой механической схеме.

С самого утра мы слышим, как участники и очевидцы событий спорят о том, какие слова употреблять для обозначения произошедшего. Был ли Съезд народных депутатов «настоящим парламентом»? И

так далее. Но не только участники событий, но и историки тоже воюют вокруг терминов. Мария Зезина отлично показала, что граница между интерпретацией участников и интерпретацией историков достаточно размыта. Сергей Красавченко отверг слово «парламент» применительно к Белому дому. Это не удивительно: ведь он участник, при этом из определенного лагеря. Но другое дело, когда мы выступаем как историки или социологи и говорим: «это переворот», «нет, это не переворот», «это то, это не то». **Мы тогда попадаем в ловушку: мы заблуждаемся, если верим, что есть некая трансисторическая сущность переворота, что переворот по сути отличается от революции, просто потому что существуют два разных слова.** В этом случае совершается трагическая интеллектуальная ошибка, которая состоит в том, что мы от сущительного выводим сущность. И в силу того, что существуют два разных слова, мы напрасно четко разделяем социальные явления, которые на самом деле могут быть тождественными.

И последнее: об иллюзии объективности. Есть такое мнение, что научный подход – это умеренный, уравновешенный взгляд, по середине между крайне противоположными и противоречивыми позициями участников исторических событий, что это компромисс, высказанный мягкими словами. Но объективность – это не поиск компромисса между диаметрально противоположными взглядами. Это умение найти точку зрения, которая избавится от влияния взглядов участников событий.

ДОСЭ Ф.

Франсуаз Досэ, доцент Университета Блез Паскаль в Клермон-Ферране (Франция).

Спасибо большое за все доклады. Конечно, очень трудно выступать после профессора Добри. У меня несколько простых вопросов. Первый – о распространении информации во время октябрьских событий. То, что показал Борис Беленкин – политические листовки и документы – очень интересно. Кому эти документы были доступны тогда, кто мог их читать? Можно ли было получить эту информацию в провинции? Этот вопрос связан с вопросом о возможности организовать дебаты в обществе. Например, существовали ли

какие-то публикации о конференции 1989 г. [упомянутой В. Игруновым – Ред.], о которой Вы рассказывали, была ли возможность ее обсудить?

Второй вопрос об использовании этих документов сегодня. Это вопрос о выставке: почему решили организовать стационарную выставку с этими документами, когда существуют новые технологии и Интернет. Зачем организовать сегодня выставку в такой форме, когда можно всё показать по Интернету и передать информацию гораздо более широкой публике?

ЛЕ УЭРУ А.

Анн Ле Уэру, доцент Университета Париж Нантер.

Я буду очень кратка. Спасибо большое за все доклады. У меня вопросы по архивам и возможности работать с документами. Как вы думаете, насколько перспективно и реально работать в архиве правоохранительных органов с тем, чтобы узнать больше, чем мы сейчас знаем о поведении разных подразделений внутренних войск и самой милиции во время этих событий?

Я понимаю, вопрос может звучить немного наивным, я могу себе представить, как сложно иметь доступ к этим материалам. Но насколько возможна архивная работа, насколько возможно работать с участниками, которые еще в живых и свидетельства, которых можно было бы получить? Если есть такая возможность, я сама была бы очень заинтересована в такой работе, и я вполне согласна с высказыванием профессора Добри о том, что нельзя рассматривать действия правоохранительных органов как единый блок. И скорее всего, внутри исполнительной власти были разные точки зрения на то, как использовать правоохранительные органы. Может быть, были и опасения, что противоположная сторона сумеет к ним прибегнуть.

Все эти вопросы, которые касаются сердцевины власти, сложные, и нам, иностранным исследователям, еще меньше доступны, чем сейчас российским исследователям. Но мне кажется, что вопрос стоит, по крайней мере, задавать.

ЧЕРКАСОВ А.В.

Черкасов Александр Владимирович, член Совета Правозащитного центра «Мемориал» и Правления Международного общества «Мемориал». Член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в России. Высказывает опасения, что «если мы попадем в архивы, то они будут очень хорошо подчищены...».

Спасибо большое. Здесь спрашивали, как можно работать и возможно ли работать с источниками силовых структур. Знаете, про 93 год до нас написал когда-то Виктор Гюго, у него есть чудесный эпизод, когда унявшего взбесившуюся коронаду канонира маркиз де Лантенак вначале награждает, потом говорит, а теперь расстреляйте его.

Понимаете, у нас в 1993 г. было ровно наоборот потому, что именно заместитель командующего внутренними войсками Павел Голубец, рапортуя по общему каналу своему командующему Анатолию Сергеевичу Куликову «Пион, я Утес, Пион, я Утес, софринцы⁹ перешли на сторону Белого дома, я решил покинуть здание СЭВа», и покинул, он дал приказ, по сути дела, делай как я, и положил началу общему милицейскому драпу

⁹ Имеется в виду Софринская бригада.

из центра Москвы. Потом тот же самый Павел Васильевич Голубец руководил действиями внутренних войск в Останкино.

Далее, 4 октября в условиях, когда московская милиция, начальник московского ГУВД Панкратов, по сути дела, упустили ситуацию, дело взяли в свои руки Пион Куликов и Утес, его заместители, именно они обеспечивали ввод «Альфы» к Белому дому, да и вообще пытались как-то наводить закон в беспределе. При этом выясняется, что 4 октября основные потери, едва ли не все, не все, но основные потери силовиков были от дружественного огня. Я могу сказать, что много эпизодов не случившегося дружественного огня было, но то, как бешеный БТР ворвался на тот самый стадион, начал стрелять во все стороны, то, как перестрелялись десантники и дзержинцы, двигаясь к Белому дому со стороны Центра международной торговли, как подбили БТР, как погиб офицер, это наиболее известные эпизоды. Наконец, гибель альфовца Сергеева, как теперь мне представляется, мы можем вполне вычислить, какому подразделению принадлежало оружие, из которого вылетела пуля.

Скажите, пожалуйста, после 4 октября какое-нибудь ведомство было заинтересовано в том, чтобы изучить действия отдельных подразделений, которые действовали, как будто бы в городе сплошные враги, выставляли на всех высоких точках своих наблюдателей, которых другие подразделения, разумеется, воспринимали как снайперов, и положили больше своих, чем чужих, скажите, кто-нибудь заинтересован был в расследовании событий по свежим следам? Мы можем почитать то, что подготовили внутренние войска, то, что написано в мемуарах Анатолия Сергеевича Куликова «Тяжелые звезды», то, что легло потом в другие официальные пропрезидентские издания, и мы поймем, здесь маркиз де Лантенак никого стрелять не стал, он только всех наградил.

Боюсь, что с источниками официальными у нас будет очень тяжело потому, что очень быстро после всех этих эпизодов дружественного огня была созвана маленькая, но гордая пресс-конференция на какой-то московской квартире, где группе журналистов дали сведения о том, что коварные снайперы стреляли 4 октября, жуткие снайперы стреляли по Москве, и товарищи журналисты это распространили. Источник, как представляется, был один. Расследование не было интересно никому. Ольга Георгиевна (Трусевич. - Ред) уже говорила, что мемуаристы 1993 г. были в состоянии подследственных, подсудимых, 51 статья Конституции им позволяла писать всё, что угодно, и эта сторона у нас тоже, мягко говоря, могла не страдать объективностью, по крайней мере, до амнистии.

Так что я очень боюсь, Анн, что, если мы попадем в архивы, то они будут очень хорошо подчищены, как, кстати, г-н Прошкин говорил в интервью «Московскому комсомольцу», что он делал весной 1994 г., подчищал уголовное дело, готовя его к закрытию. *(Смех в зале)*. У нас в этом случае с архивами случилось нечто похожее на работу Уинстона Смита из произведения Джорджа Оруэлла, всё было приведено, что приведено, к надлежащему состоянию. Но, к счастью, есть источники не архивные, и мы можем, как правильно нам сказали, рассматривать действия милицейских и военных подразделений не как действия единого организма, как взаимодействие многих частей с донесениями, с приказами и с некоторой логикой действий. Мы можем что-то понять, но я боюсь, что европейских ученых не обрадует то, что они здесь увидят потому, что картина русских, которые не имеют своего плана и сильны своей непредсказуемостью, предстанет во всей красе.

Спасибо.

ПИХОЯ Р.Г.

Развернутое замечание о том, «обе стороны упорно занимались демонизацией, и эта демонизация, в конце концов, затмевала все существенные характеристики этого конфликта».

Уважаемые коллеги!

Я высоко оцениваю те доклады, которые сделали мемориальцы, потому, что речь идет о дополнительных источниках информации, причем, большей частью не относящихся к официальным источникам информации, это чрезвычайно ценно постольку, поскольку это создает некую параллель.

Особенно меня, конечно, заинтересовали радиопереговоры, я вообще не надеялся, что они сохранились, это замечательный совершенно источник. Кстати, маленькая реплика, весь этот беспорядок, отсутствие сколько-нибудь продуманной организации, связанный с вводом войск и с «дружественным огнем» есть яркое свидетельство того, что предварительно компания по стрельбе по Белому дому не планировалась. Если бы это было предусмотрено заранее, то были бы и иные результаты. Самое главное то, что вытекает из Ваших слов, что операция не планировалась.

У меня есть несколько замечаний по поводу доклада нашего коллеги Игрунова, замечания вот какого рода. Меня очень огорчает репродуцирование легенд. Например, замечательная легенда о злодее Чубайсе, который совершает эту самую приватизацию. Во-первых, давайте называть вещи своими именами, эту легенду активно поддерживают, с одной стороны, сторонники Чубайса и Гайдара в большом количестве, с другой стороны, их решительные оппоненты. Однако никто не учитывает, что приватизация у нас начинается с 1987 года после принятия Закона «О трудовом коллективе», что, по хорошему, все лакомые куски разобрали уже в 1988 году, когда появляется «Газпром», когда появляется акционирование черной металлургии Колпакова, когда у нас акционируются вообще все министерства, когда создается определенный алгоритм – перевод министерств, вот когда происходит акционирование. И это – по крайней мере на пять лет раньше «приватизации по Чубайсу».

Вот вторая репродуцированная легенда. Вы рассказываете о событиях 1989 года, да нельзя переносить события 1989 г. на 1993 г.! Это неправильно методологически и технически потому, что, во-первых, никакого Гайдара уже к этому времени в Правительстве не было. Во-вторых, никакого отношения к принятию решения в это время Чубайс не имел. Да, Чубайс принимал активнейшее участие в политическом процессе 1996 г., когда он стал главой Администрации, принимал ряд ключевых решений, но в это время, простите, какой там Симон Кордонский, при чем тут все события? Вы знаете, по известной логике, это ретроспектива по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Следующее. Я думаю, что очень интересное наблюдение было сказано по поводу демонизации противника, Ваше замечание. Я-то убежден, что кризис носит политико-конституционный характер или конституционно-политический, хоть так, хоть эдак, но то, что обе стороны упорно занимались демонизацией, и эта демонизация, в конце концов, если хотите, затмевала все существенные характеристики этого конфликта, это совершенно несомненно. Но, по-моему, конференция получается.

БЕЛЕНКИН Б.П.

Беленкин Борис Исаевич, заведующий библиотекой Общества «Мемориал».

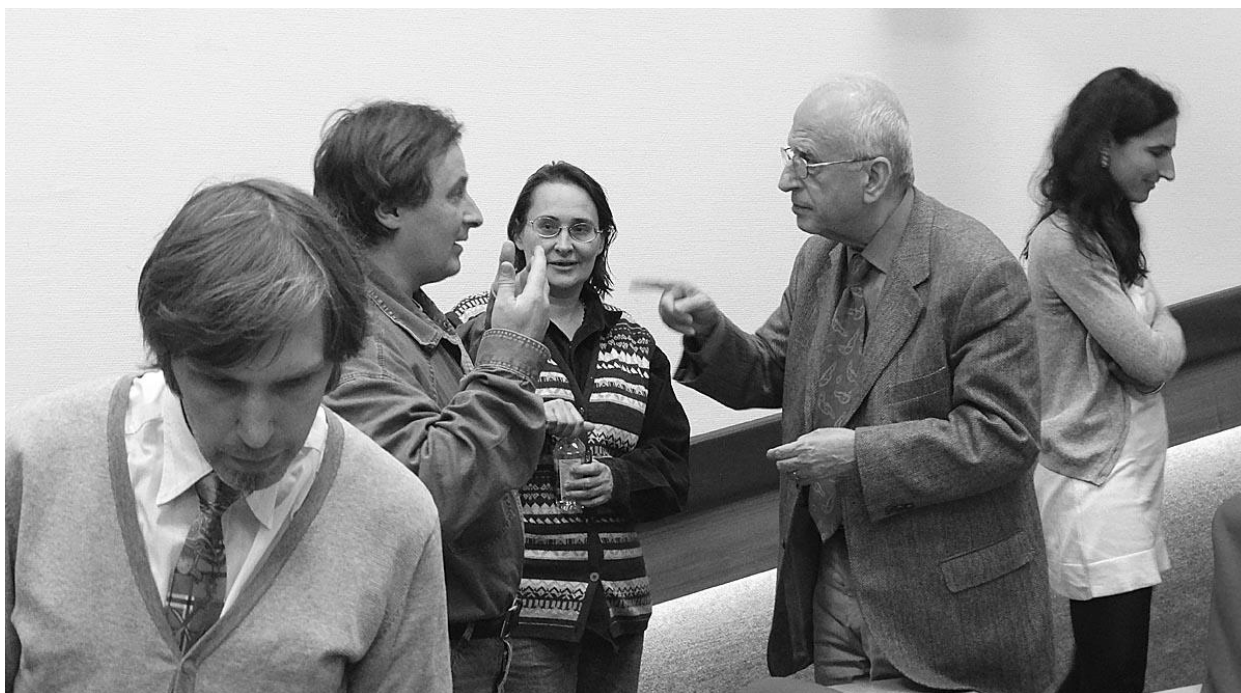
В докладе Е. Струковой упоминаются листовки, привезенные из Кемерово. Это неожиданно для нас. И очень сложно здесь судить, как, на самом деле, эти листовки не только собирались в Белом доме, а они приносились к нам после хождения по Москве. Это вопрос сложный. Листовки любят упоминать, есть книжка «Листовки Белого дома», но никто их не исследует.

ИГРУНОВ В.В.

Игрунов Вячеслав Владимирович, директор Института гуманитарно-политических исследований. Замечание о том, что «авторитарная Конституция, которая у нас появилась в 1993 г., тоже выросла из этой ориентации на Пиночета».

Очень популярно сегодня говорить, что никогда не было культа насилия в команде Гайдара и Чубайса, никогда они не восхищались Пиночетом, никогда они к нему не ездили, никогда они с восторгом не возвращались. Вот Вы сейчас говорите, что я распространяю мифы. Я ни одного мифа здесь не распространил, я рассказал только то, чему я был свидетелем и в чем лично участвовал. Я пересказал свои личные диалоги во время конференции с конкретным Чубайсом, конкретным Васильевым, конкретным Львиным, Найшулем, Кордонским и т.д.

Конечно же, мы можем говорить о том, что Чубайс играл более активную роль в политической жизни в 1996 г. или в 1994 г. Но я ведь не говорил о роли Чубайса конкретно. Я так же не рассказывал о том, как шла приватизация, я говорил только о том, что после того, как в Кремле было создано Правительство Гайдара, специфический стиль принятия решений и специфические эффекты конфронтации возникли потому, что люди к этому были готовы. Люди не готовы были идти на диалог, и такая авторитарная Конституция, которая у нас появилась в 1993 г., тоже выросла из этой ориентации на Пиночета, на авторитарный стиль трансформации. Это психология людей. Не важно, когда, кто, что приватизировал, важно, кто как себя вел, чего ожидал и к чему стремился.

Эпизод конференции

ФИЛАТОВ С.А.

Филатов Сергей Александрович, в 1993 году руководитель Администрации Президента. Тема доклада: «Верховный Совет и Президент – динамика отношений в 1993 г.». По мнению С.А. Филатова, Советский Союз и, следовательно, постсоветская Россия, не были приспособлены для переговоров, для договоров, для того, чтобы мирным путем решать те или иные вопросы.

Первое, с чего хотелось начать, вообще, события 1993 г. каждые 5-10 лет вызывают очень большой общественный интерес, мы к ним возвращаемся и всё больше и больше появляется новых фактов, появляется очень много лжи, появляется очень много фантазий различных. Но, тем не менее, копилка, в которую собираются все эти материалы, постепенно накапливается и всё яснее и яснее проступают черты того, что всё-таки произошло, причины этого и последствия. Самое главное – последствия, которые, вообще говоря, всех больше всего интересуют.

Моя точка зрения состоит в том, что такие события, как ГКЧП, как 1993 г., требуют обязательного расследования и оценки юридических органов, прежде всего, судебных органов, иначе мы будем спорить очень долго, кто стрелял, кто не стрелял, у кого оружие было заряжено, у кого оно было пустое и т.д.

Что касается политических проблем, конечно, они будут постепенно проясняться в ходе таких дискуссий, которые собираются, как правило, в юбилейные годы, хотя трудно сказать, что это юбилей, но тем не менее.

Тема, которую обозначили мне, тот, кто писал, понимал, конечно, что, наверное, это не просто имело место, может быть, это как раз тот фактор, который повлиял на все дальнейшие события. Потому, что, по моим воспоминаниям, я вижу здесь своих коллег, очень рад тому, что здесь и Виктор Аксюциц, и Виктор Леонидович Шейнис, и Сергей Николаевич Красавченко, с которым мы начинали в Верховном Совете работать, и продолжали в Администрации Президента. Мы помним, когда Борис Николаевич ушел в Президенты Российской Федерации и встал вопрос о том, кого избирать Председателем Верховного Совета, я хорошо помню, что Ельцин очень не хотел, чтобы был избран Хасбулатов. Но когда на июльском Съезде народных депутатов его прокатили и не избрали Председателем Верховного Совета, то разгорелась такая маленькая не война, но такие кучковые беседы среди депутатов, которые в большинстве своем начали агитировать Ельцина, и я в том числе, чтобы Хасбулатова избрали Председателем Верховного Совета. Мы видели в этой фигуре перспективного политика, он действительно умел работать с Верховным Советом. Это все хорошо тогда отметили, особенно в первые годы, когда Борис Николаевич, будучи Председателем Верховного Совета, занимался, в основном, политическими делами, а всё хозяйство Верховного Совета было на плечах Хасбулатова. Тогда же он меня призвал в помощь секретарем президиума, для того, чтобы заниматься подготовкой законодательства и аппаратом Верховного Совета.

Поэтому я хорошо видел, что человек, вообще говоря, талантливый как организатор, ничего тут не скажешь. Он талантливый как журналист и как полемист, очень много раз выручал Бориса Николаевича на выступлениях на телевидении. Тем не менее, у самого Ельцина было какое-то не очень твердо положительное отношение к этому человеку. Он не хотел, чтобы Хасбулатов был Председателем Верховного Совета. Чутью Ельцину можно позавидовать, чутье было колоссальное, особенно когда мы смотрели в перспективу, я много раз замечал, что он, конечно, видит многие вещи дальше, чем мы, его помощники. И в данном случае, наверное, он видел всё-таки дальше, и понимал, что где-то может встретиться препятствие на этом пути.

И до 1992 года мы встречались, Хасбулатова и все его заместители с Борисом Николаевичем, перед тем, как начать реформы Гайдара. Это было где-то в ноябре месяце, когда он нам объявил о том, что реформы придется задержать до 1-го января. Предполагалось, что они пойдут где-то с середины декабря или с начала декабря, но украинцы попросили перенести срок ввода реформ на начало января 1992 года, и Борис Николаевич пошел на это. Но, тем не менее, мы обсуждали вопрос о том, как организованно и корректно начать проводить эти реформы. Я во время этой встречи не заметил каких-либо противоречий между нашими двумя лидерами, но в январе 1992 года первое выступление Хасбулатова меня, конечно, очень сильно напрягло и очень сильно удивило, потому что, будучи в Рязанской области, он первое свое выступление посвятил реформам Гайдара и очень резко выступил против этих реформ.

Я думаю, начиная с этого момента, усиливалось недоверие во взаимоотношениях между двумя нашими руководителями. Здесь, может быть, сыграли роль и личностные какие-то вещи, но, во всяком случае, мы видели, что, начиная с VI Съезда народных депутатов, где было принято уже официальное решение, что это – антинародная реформа.

VI Съезд привел к открытому скандалу, хотя нам, либеральной части Съезда, удалось все-таки привести его к принятию Декларации о реформах, которая противоречила основному Постановлению Съезда народных депутатов, но в Декларации было написано, что реформы надо продолжать.

Но война продолжилась. В этот момент в 1992 году на Съезде народных депутатов у нас было 4 заместителя, был я, как первый заместитель, Шумейко был по экономическим вопросам, Яров был по социальным вопросам, и Воронин Юрий Михайлович еще был от коммунистов, и мы втроем почувствовали изменение поведения Хасбулатова относительно того нашего совещания, которое было, и решили пойти к Ельцину посоветоваться – как быть дальше, потому что разрыв как бы начинается и углубляется довольно сильно между Верховным Советом и Президентом, и этими реформами. Но мы, конечно, ни к чему не пришли, просто обменялись мнениями, понимая что, в общем, дальше нужно как-то пытаться разворачивать все и внутри руководства Верховного Совета, может быть, самому Борису Николаевичу.

Но, мне кажется, что после этого ситуация еще ухудшилась, потому что Хасбулатов сделал так, что в июне месяце он предложил уйти Шумейко в Правительство Российской Федерации. Тот стал заместителем Председателя Правительства, мне Хасбулатов предложил уже на очередном VII Съезде народных депутатов уйти, и мы поняли, что, в общем, он пытается очиститься от тех, кто в какой-то степени не поддерживает его курс на антиреформы.

Следующий Съезд народных депутатов был направлен против реформ и против Гайдара. Гайдара сняли на Съезде народных депутатов. VIII, IX Съезды практически прошли под флагом импичмента Президенту, и на IX Съезде народных депутатов не хватило 60 с чем-то голосов для того, чтобы объявить импичмент Президенту. 72? Вот Виктор Леонидович

(Шейнис. - Ред.) у нас всё очень хорошо конспектировал, поэтому, когда мы выступаем неточно, он всегда нас ставит на место, и мы ему за это благодарны. Я теперь буду помнить 72, а то я говорил 65. Но это небольшое число, как вы понимаете, от 1060 депутатов это очень небольшое число людей, которые практически не проголосовали или проголосовали против импичмента.

Здесь становится понятным, что этот промежуток от начала 1992 года до IX Съезда народных депутатов, конечно, отразился еще на личных отношениях. Я еще, будучи в Верховном Совете, часто спрашивал Хасбулатова, почему он, возмущаясь вслух о тех или иных действиях Президента, не возьмет трубку и не позвонит ему по прямому проводу, у нас же была прямая связь у всех, и был спецкоммутатор, по которому можно было позвонить, и была прямая связь с Президентом, когда можно было поднять трубку и говорить. Но у нас ведь у всех есть определенное самолюбие, и он долго скрывал, а потом, в конце концов, не выдержал и как-то сказал: как я могу ему позвонить, если у него телефон отключен? То есть его отключили от связи с Президентом. Это – одна из деталей, которая, на самом деле, была в этой жизни. Во-вторых, сняли охрану, которая была федеральной охраной для всех высших должностных лиц Российской Федерации. И это тоже наложило свой определенный отпечаток на взаимоотношения этих людей.

И Хасбулатов был вынужден создать свою охрану внутри, более того, эта охрана не подчинялась никому, она не подчинялась даже Министерству внутренних дел, что впоследствии в 1993 году, когда случилась эта коллизия с Белым домом, создало еще более серьезное напряжение, потому что получалось, что есть какая-то отдельная военная группировка, которая имеет возможность вообще никого не слушать из верховной власти.

И, конечно, то, что случилось в 1993 году, и то, что появился Указ 1400, все это появилось не только потому, что ситуация в стране была напряженная, когда мы находились в тупике и не могли принять новую Конституцию Российской Федерации, а здесь, наверное, разговор был о том, что **Конституция Российской Федерации была очень опасна в тот момент, потому что она содержала главный принцип, который создавал двоевластие в стране.** С одной стороны, в 1991 году, создавая должность Президента, как главы государства, а тогда еще и как главы исполнительной власти, не имеющего вообще нормальных полномочий для уравнивания системы сдержек и противовесов между Съездом народных депутатов и Президентом, фактически создавалась возможность Съезду народных депутатов быть выше всего, и как бы сосредоточивать в своих руках монополию на власть. Потому, что они могли объявить референдум, чего не мог сделать Президент, они могли отправить в отставку правительство, чего не мог сделать Президент, они могли в конце концов объявить импичмент, что не мог сделать Президент с роспуском парламента, а в критические моменты необходимо это допускать, во всяком случае, в стране, где напряжение может расти до такой степени, что оно становится опасным для столкновения в гражданском обществе и т.д. Монополия на власть опасна в любой ветви власти и Конституция не должна этого допускать.

Конституция Российской Федерации вообще готовилась с I Съезда, и она была готова на самом деле, но ее по каким-то причинам не допускали для голосования на Съезде, и тогда Ельцину в 1993 году после IX Съезда, когда импичмент Президенту не удался, и с помощью Конституционного Суда удалось выйти на референдум с тем, чтобы спросить у людей, задать им четыре вопроса: «Доверяете ли Вы Президенту? Доверяете ли Вы реформам Гайдара? Нужно ли Президента переизбрать досрочно? Нужно ли переизбрать досрочно Верховный Совет?», мы получили ответы «ДА, ДА, НЕТ, ДА». Это знаменитое «ДА, ДА, НЕТ, ДА», которое, на мой взгляд, позволяло Президенту тогда же Указом Президента назначить выборы Верховного Совета, чего не было сделано, и я думаю, что это была очень серьезная ошибка, потому что тогда это было более логично делать, чем

делать это 21 сентября 1993 года на ровном месте, когда народ уже было успокоился и считал, что проблемы после референдума все решены.

Мы встретили колоссальное сопротивление при подготовке новой Конституции. Ельцин после того, как референдум прошел, не нашел лучшего шага, чем собрать губернаторов регионов и представить им проект новой Конституции, который делали Сергей Сергеевич Алексеев, Сергей Михайлович Шахрай и Анатолий Александрович Собчак. Этот проект Конституции был представлен, но мы все-таки решили, что его нужно пропустить через широкую общественность для того, чтобы была возможность или какая-то надежда эту Конституцию принять на Съезде народных депутатов.

Было Конституционное совещание. Начиная с первого заседания Конституционного совещания, мы поняли, что мы находимся в полной противоположности с руководством, по крайней мере, Верховного Совета, хотя многие депутаты принимали участие в работе Конституционного совещания, и 12 июля оно было одобрено, и была единственная надежда на то, что поддержат эту Конституцию регионы, и после этой поддержки регионов мы имеем возможность выйти на Съезд народных депутатов с тем, чтобы принять Конституцию. Но, учитывая эту вертикаль, которая была у законодательной власти, было дано распоряжение все региональные законодательные собрания отправить в отпуск, и фактически лето было упущено для того, чтобы рассмотреть в регионах проект новой Конституции с тем, чтобы к Съезду народных депутатов выйти с новой Конституцией Российской Федерации. Хотя некоторые регионы успели ее рассмотреть, дали нам свои замечания, дали протоколы с одобрением этой Конституции, но это был единственный шанс для принятия этой Конституции.

Видимо, Ельцин понимал опасность очередного Съезда народных депутатов. Если на IX была попытка импичмента, но при таком напряженном положении, которое создалось летом 1993 года, было совершенно очевидно, что на очередном съезде будет повторена эта попытка, и чем закончится, одному Богу было известно. И тогда, судя по всему, возникла идея Указа 1400. Я точно не знаю, потому что со мной Борис Николаевич в тот момент по этим вопросам не советовался, **и мы даже до сих пор не можем найти, с кем он делал этот Указ 1400.**

Подготовили Указ 1400, и где-то накануне 19-го числа он мне показал этот Указ, спросил мое мнение. Я сказал: Борис Николаевич, я не подписывал бы такой Указ, потому что здесь очень много «но», и самое большое «но» состоит в будущем, этот Указ может, в конце концов, привести нас к очень серьезным трагическим последствиям. Но Ельцин – человек такой, которого трудно, вообще говоря, сдвинуть с пути, когда им принято то или иное решение.

Он собрал совещание, я могу откровенно сказать, я перед этим совещанием все-таки рискнул поговорить по телефону с Черномырдиным, он был премьер-министром, рискнул поговорить по телефону со всеми участниками этого совещания, получил категорический совершенно отказ (настаивать, чтобы Ельцин не подписывал Указ 1400 – Ред.) от двух человек, от Козырева, министра иностранных дел, который сказал: надо давить, давно нужно было их отправить в отставку, давно нужно было выбирать новый. Я понимаю его, потому что, на самом деле, референдум показал, что соотношение политических сил на Съезде народных депутатов абсолютно не соответствует расстановке политических сил в обществе, это показал референдум. И, конечно, с таким противодействием и с такой растопыренностью, вообще говоря, делать реформы и преобразовывать политическую систему в стране, конечно, безумие, которое всегда приведет к более серьезным конфликтам.

Второй человек, который выступил категорическим противником, был Коржаков, это его личный охранник, который принимал участие во всех серьезных встречах. Не случайно, что человек, который стремился к своей карьере, подписал Указ у Ельцина. Коржаков был первым помощником Президента Российской Федерации на уровне с Илюшиным, который, действительно, был истинным первым помощником Президента, и очень хорошо руководил этой командой. И на этом совещании было решено Указ подписывать, но дату перенесли, дата была 19 сентября, ее перенесли на 21 сентября.

Если говорить о взаимоотношениях, на этом все можно было бы и закончить, но у нас было там много нерешенных вопросов. Во-первых, Президент своим Указом обозначил выборы Государственной Думы, тогда второй палаты не было, и мы начали серьезно думать о том, чтобы делать вторую палату. И вторую палату надо было делать не национальных вопросов, а палату делать региональных вопросов для того, чтобы она защищала интересы регионов. Так появился Совет Федерации. Потом был звонок из Франции профессора Льежа [Лесажа – Ред.], он через нашего посла Юрия Алексеевича Рыжова позвонил и сказал: ребята, у вас 12 декабря будут выборы в Государственную Думу, принимайте Конституцию в этот день. Я позвонил Борису Николаевичу, сказал: есть такое предложение. Он только один вопрос задал: Вы успеете? Я сказал – успеем.

А Конституцию ту, которую подработало Конституционное совещание, надо было перерабатывать в части государственного устройства, потому что, как говорил Сергей Сергеевич Алексеев, там было слишком много компромиссов в сторону Верховного Совета для того, чтобы ее принять на Съезде народных депутатов. Естественно, мы опять собрали Конституционное совещание, и в течение месяца работали над проектом новой Конституции, которая 12 декабря была принята.

Я могу сказать, что ГКЧП, что 1993 год, что Тбилиси, что Вильнюс, что Баку, это, вообще говоря, все наследие наше, менталитет наш советский, когда всякий раз, когда нужно было искать компромисс, согласие, вперед выступали силовые действия. **Советский Союз не был приспособлен для переговоров, для договоров, для того, чтобы мирным путем решать те или иные вопросы.** Он не был приспособлен для того, чтобы власть работала с обществом. И, к сожалению, все эти пороки мы принесли с собой и в новую Россию, и эти пороки проявились, прежде всего, у нас в 1993-м году, проявились с Чечней, еще в ряде вещей, когда вместо переговоров, вместо согласия, вместо каких-то других мирных дел, мы часто прибегали или хотели прибегать к силе. Ведь мы хотели прибегать к силе, и когда в Татарстане¹⁰ случилась проблема и беда, и на Верховном Совете, по-моему, было принято решение о введении туда танков, потом кто-то очухался и сказал: вы что там, обезумели что ли, и решение было отменено. Поэтому мы еще с этим наследием, к сожалению, живем и сегодня.

И когда мы с печалью смотрим на то, как многие вещи возвращаются в советский период, когда мы с печалью смотрим, что у нас вводится репрессивная система управления, конечно, понимаем, мы печалимся очень, огорчаемся очень, но мы понимаем, что это еще люди, у которых, к сожалению, в крови очень глубоко и твердо сидит наследие Советского Союза. Я на этом закончу, если будут вопросы, отвечу. Спасибо вам за внимание. (Аплодисменты).

¹⁰ Речь по всей видимости идет о постановлении Верховного Совета Республики Татарстан 21 февраля 1992 г. «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан». Подготовка к этому референдуму и послужила для Верховного Совета России непосредственным поводом для обращения в Конституционный Суд.

АКСЮЧИЦ В.В.

Аксюциц Виктор Владимирович, политический и общественный деятель, народный депутат России (1990—1993). В своем выступлении рассказывает о том, почему сорвались переговоры в Свято-Даниловском монастыре.

Хочу сразу же обратить внимание, что те, кто тогда все это сотворил, пытаются оправдать это двумя основными способами. Первое – виноват какой-то там Советский Союз, из него мы, якобы, что-то унаследовали. Вообще-то в Советском Союзе никогда не было прилюдного расстрела парламента.

ИЗ ЗАЛА

А парламент-то был в Советском Союзе? (*Шум в зале*).

АКСЮЧИЦ В.В.

По Конституции был. Далее ряд мифов относительно того, что происходило. Первый миф о том, что, якобы, Съезд – это тоже наследие коммунистического Советского Союза, он был избран там, при коммунизме, и поэтому его надо было распустить Президенту. Напоминаю, что Съезд народных депутатов вытащил Бориса Николаевича Ельцина из политического небытия, избрал его Председателем Верховного Совета, принял закон о введении президентства в России, выдвинул Ельцина Президентом России, и он был избран Президентом России. На тот момент это была парламентская республика, потому что высшим органом управления Россией был Съезд народных депутатов, и этот Съезд, доверяя вновь избранному Президенту, вручил ему временные чрезвычайные полномочия, от чего пошел перелив в президентскую республику, для проведения экономических реформ. Мы все голосовали за это, потому что мы верили, что Президент будет проводить конструктивные реформы.

И только после того, когда в декабре 1991 года Ельцин, нарушив все возможные конституции и законы, и союзную Конституцию, и Конституцию Российской Федерации, развалил Советский Союз, он возглавил этот процесс в Беловежском перевороте, и после того, когда начались радикальнейшие совершенно, неоправданные экономические так называемые реформы, которые обездолили абсолютное большинство населения страны, такие реформы не проводились ни в одной посткоммунистической стране. Чубайс тут недавно признал, что, да, действительно, эта приватизация была бандитской. Действительно, в ней выиграли, во-первых, так называемые красные директора, но они управляли, а в Советском Союзе, кто управлял, кто сторожил, тот и имел, – и это узаконили. И второе, конечно же, бандиты, поскольку бандитский капитал тогда был достаточно крупный. Он прямо так и говорит. Но как он это оправдывает: а иначе была бы гражданская война, иначе нельзя было. Его корреспондент спрашивает: а где была гражданская война? Во всех остальных странах бывшего коммунистического лагеря было именно иначе, а где было так, как Вы говорите? И он так подумал: по-моему, в Албании так было. Вы понимаете, вот такая мифология. А на самом деле как было?

На самом деле, Верховный Совет принял Закон «Об именных приватизационных счетах», каждому гражданину Российской Федерации в государственном банке открывался именной счет, клалась определенная сумма, которую нельзя было взять, потратить, передать, подарить. С этого счета можно было только принимать участие в приватизации. Примерно такой же механизм был в остальных восточно-европейских странах при приватизации. И путем определенной аферы Ельцин не подписал этот Закон, потом Съезд вновь принял этот Закон, а Ельцин вновь его не подписал, и, используя летние каникулы, выпустил Указ о так называемых ваучерах безымянных, известное дело. Я его называю двуликий ваучер. Для граждан он не имел никакого значения, потому что он стоил очень дешево, но для тех, кто мешками мог скупать ваучеры на свои криминальные деньги, этот ваучер оборачивался своей прибыльной стороной, именно на эти ваучеры началась приватизация огромных предприятий в России. Такая была бандитская приватизация.

И когда мы, депутаты, это увидели, и то, и другое, естественно, из большинства, которое было за Ельцина, многие отшатнулись. Вот в чем была причина, вот в чем был водораздел: спор шел, прежде всего, о проводимых реформах и об их цене.

Далее. Напоминаю еще раз, что Верховный Совет – это, действительно, парламент по Конституции, Съезд – это высший орган управления страны, и какое оправдание мы сейчас слышим? Да, Конституция – это не Конституция. Но, господа, либо у вас есть правосознание, тогда плохая или хорошая, но все-таки она Конституция, и нужно действовать в рамках Конституции. Верховный Совет, мы сегодня слышали, это не парламент. Почему не парламент? Именно этот парламент принял законы, которые Ельцина, напоминаю еще раз, сделал Президентом. Так он парламент или не парламент?

Далее. Оказывается, что Конституционный Суд – это не суд, потому что Конституционный Суд после переворота, после Указа Ельцина 1400 вынес решение, что Ельцин автоматически подлежит отстранению от власти. Это, оказывается, не суд. Регионы, абсолютное большинство руководства регионов высказались против этого переворота.

Далее, по поводу референдума. Я даже сегодня слышу от Сергея Филатова, подумайте только, это говорит бывший глава Администрации. Оказывается, Ельцин получил законное право распустить высший орган управления страны и парламент. На основе чего? На основе ответа на третий и четвертый вопрос. На третий вопрос был дан ответ: «хотите ли вы досрочного перевыбора президента», ответили – НЕТ; а на четвертый вопрос ответили ДА, но 51%. Мы знаем, какая власть считает бюллетени –

исполнительная. Но, вместе с тем, в Законе, по которому проводился этот референдум, было сказано, что третий и четвертый вопрос считаются имеющими законную силу, если за него проголосует больше половины избирателей страны, не больше половины, пришедших на голосование, а больше половины избирателей страны. Я так полагаю, что Сергей Филатов знает об этом, и он предлагал незаконное решение Президенту. Что это такое? Это – отсутствие правосознания, я так понимаю.

Дальше. Одновременные выборы. Я должен сказать, что это была ошибка, конечно, Съезда, что сразу же в первый день, в частности, по моему предложению не было принято решение об одновременных досрочных выборах после Указа, но это решение было принято через 4 дня. Олег Румянцев и я постоянно выступали, и Съезд проголосовал за одновременные досрочные выборы. Это – возможность для компромисса? Возможность. Почему исполнительная власть не пошла на него? Дом Советов был блокирован информационно, об этом решении Съезда никто не знал и не узнал, но власть-то об этом знала.

Следующий эпизод – это тема «коммуно-фашистов». Меня все время называли коммуно-фашистом, красно-коричневым, хотя я лидер Христианской демократической партии и себя всегда считал и до сих пор считаю убежденным либералом, либерал-консерватором и демократом, так я и действовал. И вот в первые дни Съезда ко мне подходит знакомый американский журналист и говорит: «Виктор Владимирович, как так, мы знаем Вас как демократа, и вдруг Вы здесь среди фашистов?» Я ему говорю: «Вы сейчас слышите трансляцию заседания Съезда, Вы слышали какие-либо фашистские высказывания, предложения, приведите мне их, пожалуйста. Вы видели какие-нибудь Постановления Съезда фашистского толка?» – «Нет. Вы видите максимально конструктивную работу». Он показывает на площадь перед Домом Советов. Я говорю: «В аналогичной ситуации в большинстве демократических стран толпа уже громит, бьет магазины, переворачивает и жжет машины, – здесь этого нет». – «А вот эти Баркашов и Анпилов?» – «Это провокаторы. Анпилов – «красный» провокатор из спецслужб, Баркашов – тот же провокатор – «коричневый». Кому было выгодно, чтобы баркашовская братия с фашистскими символами в фашистской форме вышагивала перед телекамерами? Это что, было выгодно Верховному Совету, Съезду? Конечно, нет. Кому было выгодно то, что Анпилов бесконечно кричал в свой, простите, матюгальник? радикальные лозунги под зарубежные камеры, это кому было выгодно?».

И теперь фильм НТВ в частности нам показал, что такое Баркашов и баркашовцы? Это – провокаторы, т.е. то, о чем мы с самого начала знали и говорили, сейчас становится уже известно широкой публике.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Резолюцию бы приняли на съезде.

АКСЮЧИЦ В.В.

Извините, на Съезде занимались более существенными вопросами, в частности, приведу пример. По моему докладу Съезд принял решение отменить вето Президента на Закон «О свободе вероисповеданий». Суть в том, что этот Закон опять же нашим Комитетом, в том числе по моей инициативе, был принят в 1990-м году, и это был Закон Республики. И когда рухнуло государство – Советский Союз, то этот Закон не регламентировал много вопросов. Именно тогда – в начале девяностых годов, помню буквально, я наживаю первую программу телевизора, там выступает японский создатель тоталитарной секты Аум Синрикё (впоследствии признанной террористической организацией), вторую – американский пастор Билли Грэм читает проповедь в Кремлевском Дворце съездов, на третьей выступает американский миллиардер Мун, создатель своей религии. Имея

толстые кошельки, они здесь все скупали, и началась псевдорелигиозная экспансия. Это потом стало известно о создании в России множества различных не только антирелигиозных, но и античеловеческих сект. Для того, чтобы это все предотвратить, мы написали новый Закон, где все было регламентировано не по американским, а по западноевропейским стандартам. Ельцин наложил на него вето. Причем, какая была формулировка – этот закон нарушает права зарубежных граждан.

Наложил вето, после того, как к нему обратились многие главы зарубежных стран, что их права нарушаются на территории России. Верховный Совет отменил это вето. Ельцин вновь наложил это вето. И третий раз это вето было отменено на Съезде по моему докладу, но Съезд был расстрелян. Это была конструктивная работа, которой занимался Съезд.

Еще раз хочу обратить внимание на полное отсутствие правосознания: почему-то, считая Съезд народных депутатов незаконным, так как он был избран как орган управления республикой (РСФСР), а не страной, Ельцин и его команда считали себя совершенно законными, хотя Ельцин был избран как Президент Республики в составе Союзного государства, а не как Президент независимого государства и т.д. Во всех их действиях полностью отсутствовало правосознание.

Опять же, я имею некоторое отношение к ситуации с переговорами, которые проводила Русская Православная Церковь. Я приезжаю в Конституционный Суд, по АТС-2 звоню митрополиту Кириллу, и говорю: «Владыка, уже начинается литься кровь на улицах. Если Церковь сейчас не выступит с предложением о переговорах, то кровь будет большой». Он говорит: «Виктор, мы с Патриархом вечером едем к Президенту, приглашай кого-нибудь сюда из руководства Съезда и Верховного Совета». И как раз я вижу, Соколов и Абдулатипов, руководители обеих палат, тоже в Конституционном Суде. Я их сажаю в свою машину, везу их в Свято-Даниловский монастырь, и с этого момента был запущен механизм переговоров. Но так как я был по эту сторону колючей проволоки, а делегация для переговоров избиралась в Доме Советов, то я не оказался именно в команде переговорщиков. Но я сидел в фойе, когда вышел с переговоров Воронин и говорит: «Виктор, иди, давай пресс-конференцию, потому что мы договорились. Сейчас все, что мы записали, перепечатавают, и мы подписываем. Пункт первый: демилитаризация вокруг Дома Советов. Пункт второй: допускаются врачи, еда, журналисты. Пункт третий: начинаются переговоры о выходе из кризисов. Нормально?».

Я иду, даю пресс-конференцию, через час после этого телевидение и радио объявляют, что переговоры были сорваны по вине народных депутатов, по вине Съезда.

Что произошло? А произошло следующее. Мне депутат Домнина, которая там была, рассказывает, что в тот момент, когда были положены листочки, чтобы подписать, глава Администрации Президента Филатов, который там присутствовал, говорит мэру Москвы Лужкову, который тоже присутствует со стороны Президента: а ведь Ельцин не примет этого, потому что эта подписанная нами бумага легализует народных депутатов, он никогда это не примет. Они встали и ушли, а потом объявили, что это Съезд сорвал эти переговоры.

Что можно в итоге сказать? Что бы там ни говорили, но вместе с расстрелом Дома Советов расстрелянным до сих пор является и правосознание граждан, – если им можно, почему нам нельзя. И о том, какое у них правосознание, мы до сегодняшнего дня слышим. Расстреляно то, что можно назвать либерализмом, демократией, если либерал-демократы так себя ведут, то какое это отношение имеет к либеральной демократии? Расстреляна вообще судебная система, почему у нас такое отношение к судам, и почему суды себя ведут произвольно до сегодняшнего дня? Конституционный Суд – высший суд страны

принял решение, а его просто проигнорировали. Оказывается, нет у нас суда. Если тогда не было, почему сейчас есть? Его и сейчас нет! И этот расстрел застолбил все эти моменты в сознании общества до сих пор. Двадцать лет прошло, – и как после всего этого и для чего после всего этого нужно такое самооправдание участников переворота?

Я могу сказать, что Съезд народных депутатов и народные депутаты совершали очень много ошибок, некоторые из них были роковые, но это были ошибки, а вот президентская сторона совершила преступление. Первое преступление – отмена всех существующих законов в стране, начиная с Конституции, и всех конституционных органов страны, повторяю, высшего органа власти в стране, Съезда, парламента, Верховного Совета, Конституционного Суда. А что тогда правосознание? Это было первое преступление. Второе преступление – это, конечно, массовое убийство и кровь. Что бы там ни говорили, что бы ни подсчитывали, но официальные цифры к количеству убийств не имеют никакого отношения. Многие годы на каждой годовщине этого расстрела шла демонстрация, и родственники несли портреты многих сотен убитых, это нельзя придумать, это нельзя организовать, это было, я там был каждый раз, я все это видел. Причем очень много было убитых молодых людей.

Опять же здесь было сказано: а кого расстреливали, ни один депутат не был расстрелян. Понятно, что погибли, прежде всего, молодые люди, которые в палатках были возле Дома Советов, и на их взгляд, они защищали закон и верховную власть, именно поэтому они там были. Я еще раз говорю, во всякой такой ситуации могут быть провокаторы, могут быть экстремисты, но их было там абсолютное меньшинство. Погибли не они, провокаторы баркашовцы ушли, ни один не погиб, они были выведены спецслужбами.

Мой друг Владимир Соловьев, следователь Генеральной прокуратуры, который туда пришел от Генеральной прокуратуры вместе с группой следователей, свидетельствует, что в этот момент из Дома Советов вывозили машинами окровавленные трупы молодых людей. Это второе преступление, и оно не имеет никакого оправдания. И все, что я даже сегодня слышал по поводу того, что как-то все это оправдать, где-то на Арбате, где-то кто-то что-то, поэтому надо было из танков палить, про какие-то болванки нам рассказывают, хотя понятно и видно всем, любой опытный взгляд человека, служившего в армии, знает, какие там болванки, не болванки там взрывались.

Должен вам сказать, опять же сведения от Генеральной прокуратуры, когда началось следствие, то первое, что выяснили: пули автоматов и того оружия, которое было в Верховном Совете, были более мелкого калибра, чем в вооружении соответственно ОМОНа, спецназа и снайперов. Так вот, ни одного убитого не было найдено, ни одного раненого, который был бы убит или ранен пулями оружия, находящего в Доме Советов. Это официально установило следствие. О чем это говорит?

И последнее. Я никогда не забуду, когда руководитель группы «Альфа», после того, как его освободили от должности, в середине 90-х годов, я сам это видел по телевизору, спокойно сказал, что Президент Ельцин приказал расстрелять всех депутатов. Мы не выполнили этот приказ. Сейчас он выступал по телевидению и практически подтвердил: нам был дан Президентом такой приказ, что если бы мы его выполнили, то были бы моря крови. Мы его не выполнили. Именно «Альфа» вывела депутатский корпус из Дома Советов, поэтому из депутатов никто не погиб. Первая причина – потому, что просто депутаты заседали в зале в центре здания, которое не простреливалось насквозь, а молодежь была вокруг, они гибли. И вторая причина, потому что толпа стремилась порвать этих депутатов, но «Альфа» их вывела, и «Альфа» их спасла. Сегодня выступали историки и довольно много справедливых вещей говорили, но как-то об этом говорится, будто изучают муравейник, такие, видите ли, закономерности были. Нет, не муравейник,

это наша национальная трагедия, и до сих пор, пока мы не осознаем эту национальную трагедию, это кувырание в нашей жизни будет продолжаться. (Аплодисменты).

ФИЛАТОВ С.А.

Очень много лжи было.

АКСЮЧИЦ В.В.

Есть ложь, и есть еще источник, фильмы НТВ.

БЕРЕЛОВИЧ А.

Подождите, у нас сперва несколько выступлений, потом дискуссия.

ФИЛАТОВ С.А.

Я просто сожалею, что люди будут под впечатлением этого слушать дальше все. На самом деле, от Виктора, я что угодно ожидал от него, но такого объема лжи, честно говоря, не ожидал.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

В октябре 1993 г. заместитель руководителя Администрации Президента.

Я коротко выступлю в дискуссии, потому что я тоже сидел и думал, что Сергей Александрович тут же встает и первый вопрос задаст уважаемому нашему коллеге по Верховному Совету Виктору Аксючицу о том, что он сказал, что он был свидетель. Это к вопросу о достоверности источников. Он был свидетель того, как проходили переговоры, в которых участвовал, в том числе и Сергей Александрович Филатов в Донском монастыре, и говорит: договорились обо всем и вышел Воронин.

Но Вы почему-то не сказали, что договоренность-то была, когда был Соколов, а потом поехал Воронин, я не знаю, может быть, Вы там и были, но Воронин приехал и все поломал, исходя из позиции. Скажите, кто принес в Верховный Совет решение о договоренности с Администрацией Президента? Кто? Соколов – Вам знакома фамилия? Да. Он представлял. Вы придумали, что Администрация сорвала, ельцинская сторона сорвала переговоры. Переговоры были достигнуты. Соколов, Абдулатипов поехали в Верховный Совет. Сергей Александрович лучше меня это знает, приехали, привезли в Белый дом решение об этом примирении, но там было о том, что демилитаризуется, извините, не только вокруг, уходит ОМОН и прочие, но и Верховный Совет разоружается. Правильно, Вы об этом забыли случайно, и вот договорились, но когда Соколов с Абдулатиповым приехали в Белый дом, ему сказали: ты что!

Хасбулатов, может быть, был и «за», он мне потом говорил, что был «за» демилитаризацию, отдать все оружие из Белого дома, за этот компромисс, но там управляли, не знаю, как Вы проводили там закон о религиях, о республике, ну что, Вы не знали, что управляет не Хасбулатов ситуацией в Белом доме? Не знали? Ну, замечательно тогда.

АКСЮЧИЦ В.В.

А назовите!

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Хороший источник. Итак, пожалуйста, у нас сегодня тема конференции – источники, правдивая информация, анализ исторической информации для того, чтобы мы делали правильные выводы, включали в учебники, и вдруг мы начинаем. Среди источников, действительно, живой свидетель.

Итак, что касается того, кто сорвал переговоры в Свято-Даниловом монастыре, это, то, что сказал Виктор Владимирович, неправда, потому что позиция Верховного Совета, заменившего переговорщиков на более жесткого и приехавшего нагло в Свято-Данилов монастырь Воронина, который был с самого начала настроен на конфронтацию. Это что касается этой ситуации, и опять к тому, что мы должны пользоваться чистыми, честными источниками.

Также я могу сказать, мы уже выяснили, что Вы просто не в курсе дела кто, когда, кого заменил и как проходили переговоры.

Второе. Я думаю, что совершенно мы обсуждаем источники, источниками для историка, исследователя никак не может быть фильм, созданный, еще он наполовину игровой, который сделан на НТВ. У нас был фильм на этом же канале «Анатомия протеста», по поводу которого все знают, как этот фильм делался, как, что, уже идут судебные процессы по фильму. Я думаю, что Виктор Аксютин меня поддержит и скажет: нельзя класть в основу судебного процесса фильм НТВ, который можно срежиссировать как угодно. Но конкретный суд нельзя, процесс, а суд истории, оказывается, можно на основе этого, мягко сказать. Вы сослались дважды на фильм НТВ. Это к источникам.

Теперь хотел по поводу, участвуя в дискуссии, то, что я услышал на этом заседании. Хотел добавить несколько слов. Я думал, что Сергей Александрович об этом скажет в докладе, потому что у него был доклад «Президент, Верховный Совет, 1993 год». Он, действительно, остановился подробно, очень интересно и убедительно, но, не загружая ваше мнение фактами. Это все зафиксировано и в прессе, и в документах, посмотрите, 1993 г., Сергей Александрович просто не акцентировал это, это был год, с одной стороны, я согласен с Виктором, когда сказали: да, Верховный Совет, Съезд народных депутатов дали Ельцину полномочия, делайте. Начались реформы.

Что касается приватизации относительно чеков и именных приватизационных счетов, у меня лично был тяжелый конфликт с Правительством из-за этой истории с именными приватизационными счетами. Но там это, действительно, было не совсем честно сделано, но на законной основе. Нас так обвели, Верховный Совет по этому поводу. А именные приватизационные счета мы помним, Сергей Александрович помнит, мы принимали, наш Комитет это готовил, Закон «О приватизации» шел в пакете с Законом «Об именных приватизационных счетах», и было условие – принимаем Закон «О приватизации», но только два закона вместе.

Потом, в соответствии с теми полномочиями, которые Ельцин получил от Съезда народных депутатов на замену Закона Указом, если Верховный Совет не протестует, то эта история не совсем этическая, мягко говоря, история, как это произошло. С этим я согласен и подтверждаю это.

Но я не думал, что опять же Сергей Александрович остановится, история отношений 1993 года, Верховный Совет, Администрация Президента, Хасбулатов, Ельцин, Верховный совет, Съезд, Ельцин – это была история отношений нагнетания, конфронтации. Прежде всего, со стороны Ельцина и со стороны Администрации Президента были компромиссы и предложения, об этом говорил Сатаров. Сергей Александрович лучше всех это знает: как, что готовилось, какие компромиссы допускались. Но со стороны Верховного Совета, может быть, даже большинство там присутствующих, речь шла о том, что нагнеталось все время вплоть до личных оскорблений или специально велось. Вы не остановились, я в первой части нашей дискуссии говорил о том, что за штаб был у нас, я забыл какой этаж, на Красную Пресню, Фронт национального спасения, где регулярно бывал Зюганов, приходили все те люди, которые были связаны с ГКПЧ многие и т.д. Вы знаете об этом?

АКСЮЧИЦ В.В.

Я во Фронт никогда не входил.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Но Вы знаете, что у нас в Белом доме, где мы с вами постоянно работали, заседали, все время, начиная с конца 1990 г.

АКСЮЧИЦ В.В.

Там собирались либерал-демократы.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Либерал-демократы обсуждали законы, а там обсуждали, как собрать вооруженные отряды. Мне сказали: будет Константинов Илья, бывший член нашего с Сергеем Александровичем Комитета по экономической реформе и собственности, который потом вышел и был один из лидеров Фронта национального спасения, я бы у него спросил: дорогой Илья, ты ж меня предупреждал, и спасибо тебе. Он знал, к чему что готовится, и все они говорили, что ждет, и никаких компромиссов, надо нагнетать, нагнетать и нагнетать, потому что мы возьмем власть с помощью того, на что они рассчитывали.

Виктор Владимирович (Аксючиц – Ред.), еще одно. Вы сказали, что именно этот Съезд вернул Ельцина из небытия политического. Хочу Вам напомнить тоже факт из истории, Ельцина из политического небытия вернули 90% москвичей-избирателей, проголосовавших за него в депутаты Союза, а потом Свердловск, избравший его. Ельцина вернул из небытия народ, избравший его Президентом. Верховный Совет, я помню, была борьба на Съезде, когда его сделали Председателем Верховного Совета. Но это был уже совершенно человек, который уверенно чувствовал себя в политическом бытии, не меньше, чем Ваши коллеги по партии.

ФИЛАТОВ С.А.

В 1993 году руководитель Администрации Президента.

Вообще, если помните, я начал свое выступление с того, что такие события должны быть расследованы, потому что мы можем с вами говорить с голубыми глазами одно, другие говорят другое, и между нами трудно кому-нибудь поставить точку.

Я три вопроса в основном. Первый вопрос. Виктор все время называл здесь Съезд народных депутатов, еще он не назвал X Съезд народных депутатов. На самом деле, это нелегитимный Съезд, и я, как депутат, обиженный депутат, могу об этом говорить прямо. Они собрали в Верховном Совете, в Белом доме так называемый Съезд народных депутатов, у которого не было кворума. Я, кстати говоря, 10 томов, посвященных этим дням и этому Съезду, сдал в Государственный архив Российской Федерации, можете там увидеть очень много любопытных документов, которые, на самом деле, подтверждают, в том числе и мои сегодняшние слова. Для того, чтобы состоялся кворум, и для того, чтобы этот Съезд стал легитимным, они с нас, 100 депутатов, которые не пришли на Съезд, сняли депутатские полномочия, что не имели право делать ни по Конституции, ни по Закону Российской Федерации. Это первый факт.

Второй факт. Естественно, Конституционный Суд, который к этому времени уже склонился к Верховному Совету, и мы знаем по предыдущим факторам, когда ожидали выступление Ельцина, неожиданное выступление, они уже сидели в Белом доме и ждали только возможности принять то или иное решение, но в данном случае Конституционный Суд, принимая решение об импичменте Президенту, нарушил законодательство

Российской Федерации о суде и нарушил регламент Конституционного Суда о том, как надо делать импичмент Президенту.

И здесь нет оправдания тому, что это нужно было сделать быстро, что нужно было спасти страну и т.д. Это второй фактор. И по этому поводу, честно говоря, я думал, что когда будет идти расследование, то документам, которые Конституционный Суд зафиксировал, будет дана юридическая оценка в том числе.

Третий факт. В самый разгар событий выступил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, будучи в Соединенных Штатах, он находился там с официальным визитом, он очень сильно был взволнован тем, что происходило в России, выступил с довольно резким заявлением, прервал свою поездку в Соединенных Штатах, и летел в Москву. Я, естественно, понимаю, что он довольно сильно накачан, в том числе и теми служителями, которые бывали в Белом доме, позвонил Митрополиту Кириллу, Владыке Кириллу, о котором говорил здесь Виктор, и сказал: Владыка, нам надо сделать так, чтобы Патриарх по приезду встретился с Борисом Николаевичем. Он сказал, хорошо, и буквально в тот день, когда прилетел Патриарх, он позвонил и сказал: Патриарх согласен и ждет такой встречи. Вечером мы, действительно, встретились. Был Президент, я с нашей стороны, и Патриарх и Митрополит Кирилл с той стороны.

Патриарх предложил Борису Николаевичу, когда выслушал все, что Ельцин ему рассказал, он немножко смягчился, он был, действительно, в очень жестком состоянии, в котором он не очень оправдывал действия Президента. И он согласился и предложил провести переговоры под его эгидой, переговоры в Свято-Даниловом монастыре. Нас беспокоил один-единственный вопрос, по которому мы переговаривались, все остальное мы отметали в сторону, все остальные вопросы, это вопрос разоружения Белого дома. В Белом доме находилось количество орудия, мне трудно сказать точно, какие цифры, **но наши цифры совпали с цифрами, которые мне сказал Посол Соединенных Штатов**, когда он посетил меня в Кремле, и сказал: Сергей Александрович, я хочу с Вами посоветоваться, что нам делать с женщинами и детьми, мы находимся напротив Белого дома, так же, как и гостиница «Мир», в которой находились войска ОМОНа, и мы видим, какое выставлено оружие в окнах этого дома. Мы боимся, что нам делать, женщин вывести из Москвы за город или использовать убежище? То есть, опасность была реальная.

Мы знали, что там баркашовцы, мы знали, что, кроме баркашовцев, там есть еще вооруженные другие формирования. Среди них были люди и с боевым опытом, и те, которые прежде не стреляли и не держали оружие в руках. И то, что пришли люди, которые недавно убивали, убивали просто по своему хотению. Кстати говоря, мы вместе присутствовали на телевизионной передаче, когда Алкснис признался, что это я, причем с гордостью произнес, привел баркашовцев в Белый дом. Подождите, если Вы называете, что это провокаторы.

АКСЮЧИЦ В.В.

Он не говорил про Баркашова, это не так, он говорил совсем о другом.

ФИЛАТОВ С.А.

Возьмите передачу, ленту и послушайте еще раз. Он сказал: это я привел баркашовцев в Белый дом. Это он привел их, это уже не провокатор, это человек из Вашей команды. Это второе.

До начала переговоров в Свято-Даниловом монастыре мы, уполномоченные Ельциным на переговоры – Сосковец, Лужков и я –, в ночь с 30 сентября на 1 октября подписали с Абдулатиповым и Соколовым этот документ, они ходили консультироваться в Белый дом,

Белый дом им дал добро на эту формулировку, что мы снимаем охрану, мы снимаем и создаем нормальные условия Белому дому, но одновременно убираем оттуда оружие. И это было подписано, и когда мы ехали в 10 часов в Свято-Данилов монастырь, чтобы встретиться с делегацией. Но той делегации, с которой мы вели переговоры, этой делегации там уже не было, вместо этой делегации пришла другая делегация.

Я могу сейчас, не имея фактов, но с полной ответственностью сказать, мне стало понятно, когда 2-го числа начались беспорядки, а 3-го числа началась стрельба, мне стало понятно, что эта делегация, которая пришла в Свято-Данилов монастырь, сделала все, чтобы затянуть переговоры до этого дня, для того, чтобы ослабить наше внимание, ослабить нашу бдительность вообще. К сожалению, это произошло. Мы, действительно, ослабили, мы все надеялись на то, что переговоры кончатся нормально, но все три дня мы ждали того результата, что можно было подписать протокол – какое количество оружия там есть, что оно зафиксировано, что оно опломбировано, что оно трогаться не будет.

Я Вам более того скажу, когда я уходил из Верховного Совета, то мне показывал Воронин образцы оружия, которые должны были купить в Чехословакии, поэтому это не шутки, вообще говоря, держать такую команду в Белом доме. Это следующий факт. Я очень прошу, чтобы Вы, по крайней мере, сопоставляли теперь наши данные, какие есть, но мне бы не хотелось, чтобы Вы уходили с тем мнением, которое вложил Вам Виктор Аксютин. Спасибо.

АКСЮТИН В.В.

Вопрос можно? Сергей, скажи, пожалуйста, а почему именно главным вопросом было – убрать оружие?

ФИЛАТОВ С.А.

А потому что в Москве уже были убиты люди, потому что в Москве шла охота на те строения, в которых была спецсвязь, и мы понимали, что такое охота на спецсвязь, это охота – выйти за пределы Москвы по специальному коммутатору к определенным людям для того, чтобы поднять и всю страну на гражданскую войну. Это не шуточки.

РЕГАМЭ А.

Доцент Университета Париж 1- Пантеон-Сорбонны.

Вопрос ко всем выступающим. Здесь упомянули американского посла, но мне кажется, что мы во время этой конференции еще не затронули роль иностранных посольств и иностранных государств. Мне было бы интересно узнать от каждого участника, какие были связи, контакты с иностранными посольствами, какой информацией обменивались. Если правильно помню, то в конце сентября подписали последний транш кредитов Международного валютного фонда, насколько это сыграло роль?

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Вы хотите спросить: был ли международный заговор?

РЕГАМЭ А.

Нет, про заговор я не говорила.

ФИЛАТОВ С.А.

Я про посла Соединенных Штатов сказал, больше я ни с кем не встречался.

ПИХОЯ Р.Г.

В 1993 г. Главный государственный архивист России, говорит о причинах срыва переговорного процесса.

Уважаемые коллеги!

Я много говорить не буду. Во-первых, я хочу поблагодарить Виктора Владимировича Аксючица за то, что он первый принес российский флаг на заседание Верховного Совета.

АКСЮЧИЦ В.В.

Принес, на самом деле, Румянцев три флага. Астафьев, Румянцев и я, мы выставили их.

ПИХОЯ Р.Г.

Тогда и сказали, что это не парламент, а Верховный Совет. Но дело не в этом. Я хочу остановиться на двух вопросах. Один частный, хотя очень важный, второй более общий. Первый вопрос связан с переговорами в Свято-Даниловом монастыре. Я не был участником, я не был там, но я внимательнейшим образом изучал эти документы. Я буду говорить довольно близко к источникам, но я могу дать полностью копию источников, но я не очень ошибусь, если передам смысл этого дела.

На переговорах рассматривались вопросы, прежде всего, разоружения, и центральный вопрос, который там стоял, это вопрос о всеобщих перевыборах. Фактически, при всем уважении к Сергею Александровичу, там главную скрипку играл Лужков, и под ответственность Лужкова должна была сторона Верховного Совета передать все оружие. Переговоры вели, как справедливо было замечено, Соколов и Абдулатипов. Абдулатипов уехал к себе домой после завершения переговоров, Соколов поехал в Верховный Совет. Дальше документы Верховного Совета попадают в штаб обороны Белого дома. В штабе обороны Белого дома объявляется о том, что все переговоры, которые ведутся с этим незаконно существующим Президентом Ельциным, не могут иметь никакой силы постольку, поскольку Верховный Совет, Президент Руцкой и силовые структуры, назначенные Президентом Руцким и утвержденные Съездом, имеют право иметь любое оружие и в любом количестве. Я это могу представить документальными материалами.

После этого призываются сюда Воронин и Домнина, им это дело повторяют, и они едут. **Фактически срыв переговоров, дальше следует не текст документа, а мое заключение, был связан с тем, что перевыборы, predeterminedенные переговорами в Донском монастыре, превращали в политических аутсайдеров Хасбулатова и Руцкого, и тогда в дело вступало то, что Вы называете третьей силой.** Это первое обстоятельство, это очень существенно постольку, поскольку именно эти переговоры, а точнее срыв этих переговоров так называемым штабом обороны Белого дома, запустил механизм конфронтации, пришедший к столкновениям на Арбате 2-го октября, к прорыву 3-го октября и тотальной стрельбе веером от пуза по всей Москве.

Второе обстоятельство. Насколько правомерно употреблять слово «парламент» по отношению к Верховному Совету? Считаю, что, если мы с вами уважаем понятие «право» и мы понимаем, что парламент есть представительная власть, ограниченная в своих возможностях, а Советская власть концептуальна по схеме, посмотрите, как говорил Владимир Ильич Ленин, что было заложено в основу Конституции 1978 года Российской Федерации, на основе Конституции, и не переделанной в дальнейшем, и не надо говорить о том, что злодей Ельцин там замахнулся на Конституционный Суд. Если Верховный Совет и Съезд народных депутатов имел право с голоса менять текст Конституции, и по моим самым приблизительным подсчетам текст Конституции менялся в среднем 4 раза в неделю, то Конституционный Суд превращался в посмешище, которое сидело в

приемной, потому что оно не знало, что будет завтра. Поэтому по части легитимности и парламентаризма позвольте мне иметь собственное мнение. Спасибо. (Аплодисменты).

Я очень поддерживаю идею, которую высказал Сергей Александрович, требуется детальное судебное расследование всего этого дела постольку, поскольку кто бы ни был жертвой, это – граждане Российской Федерации.

ИЗ ЗАЛА

Кто бы ни был убийцей, это все равно, да?

ИЗ ЗАЛА

Какая разница кто убит, виноват Верховный Совет. Не важно, кто убил, виноват Верховный Совет.

ШЕЙНИС В.Л.

В 1990-1993 гг - народный депутат России. Далее дискуссия также идет о причинах провала переговоров в Свято-Даниловом монастыре.

Уважаемые друзья! Я не буду повторять то, что я уже довольно подробно говорил на первом заседании, я только хочу сказать следующее. Есть некоторое разночтение в позициях моей и той фракции, которую я представлял, «Согласие ради прогресса», и значительной частью демократов на Съезде и в Верховном Совете. Это разночтение заключается в том, что **мы считали, это документально зафиксировано, что ни в коем случае нельзя идти на роспуск Съезда.** Не член нашей фракции, а уважаемый человек, профессор Водолазов в «Демократической газете», которая вышла, когда уже Ельцин принял решение, но еще оно не было известно, т.е. было известно, что к этому идет дело, написал: «Вообще у каждого нормального человека Хасбулатов вызывает чувство, близкое к омерзению», это не мои слова, это слова Водолазова, но Ельцину надо сказать «Держитесь, ни в коем случае нельзя переступать порог. Кусайте пальцы, кусайте локти, но ни в коем случае не идите на этот шаг». Вот такова же была позиция фракции «Согласие ради прогресса».

Я полагаю, что никакие обстоятельства и никакие ожидания всякого рода подвохов и подлостей со стороны тех сил, которые реально контролировали Хасбулатова, я бы мог рассказать, но поверьте мне на слово, на IX Съезде они уже решили было прогнать Хасбулатова, потом решили нет, Хасбулатов еще будет полезен, и там было второе голосование.

ИЗ ЗАЛА

Они – это кто?

ШЕЙНИС В.Л.

Они – это та сила, которая нам противостояла.

БЕРЕЛОВИЧ А.

Простите, пожалуйста, тут все время говорят «третья сила», какие-то силы. Я несчастный француз, не знаю, о ком говорят. Объясните, кто это?

ШЕЙНИС В.Л.

Фронт национального спасения, фракция «Коммунистов России», фракция «Россия» и еще некоторые фракции, я называю, если спрашиваете. В общем, исходили из того, что Хасбулатов еще полезен, и мы его поддержим.

БЕРЕЛОВИЧ А.

Это часть Верховного Совета, это не таинственные силы?

ШЕЙНИС В.Л.

Нет, это большинство Съезда, которое сначала проголосовало за то, чтобы включить в повестку дня вопрос о Председателе Верховного Совета. Было ясно, что это против Хасбулатова, но когда дело дошло, они рассчитали, что же произойдет. Для импичмента Ельцину нам голосов может не хватить, потому что надо две трети, а для того, чтобы прогнать Хасбулатова, достаточно 50% + 1 голос, и они дали команду своим депутатам голосовать иначе по Хасбулатову, т.е. это частный вопрос, но Хасбулатов не ведущая фигура на этом этапе. Он – орудие. Кстати, называл Сергей Александрович – Воронин, это гораздо более зловещая фигура, гораздо более опасная фигура.

Теперь, Указ 1400 издан. Что делать в этой ситуации? Здесь Виктор Владимирович говорил: есть решение Конституционного Суда. Виктор Владимирович, решение Конституционного Суда, это было обосновано в особом мнении Морщаковой и ряда других судей, было незаконным, оно тоже было принято. Я не буду повторять эту аргументацию, она опубликована. Почитайте, кому это интересно. Решение Конституционного Суда было принято 7 голосами против 4, и оно было столь же незаконным, как и Указ 1400. И не надо говорить, что Ельцин нарушил закон, теперь закон для нас тоже не преграда, теперь мы можем нарушать. Нет, это неправильно.

АКСЮЧИЦ В.В.

7 против 4 Конституционный Суд проголосовал.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Нет, там была процедура. Есть тоже процедура кворума Конституционного Суда, время, сколько времени надо обсуждать.

ШЕЙНИС В.Л.

Кроме того, не мог Конституционный Суд принимать решения, не рассмотрев документов, только на основании того, что было сказано по телевидению. Должны быть представители и т.д.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

2 часа заседали «суд» в кавычках, решение об импичменте.

ШЕЙНИС В.Л.

Дальше пойдем. Собирается X Съезд. Кстати, там, между прочим, была очень неграмотная статья 121.6, где было сказано, что добавка была принята на VII Съезде, если Президент распускает законные органы, то его полномочия прекращаются немедленно. Хорошо, а каков механизм, кто может прекратить (исполнение президентом его полномочий. – Ред)? Верховный Совет, сначала Президиум, потом Верховный Совет, опираясь на это незаконное решение Конституционного Суда, тоже вышли за рамки Конституции, полагая, что они и есть тот механизм, который может вместо статьи 121.10, которая требует очень сложной процедуры импичмента, могут сразу взять и сменить Съезд, но дальше нужно каким-то образом сделать, чтобы Съезд... Им – понятно о ком я говорю, это – большинство Верховного Совета и Съезда на данном этапе, арифметическое относительное большинство. Им нужно получить две трети, и делается операция, операция очень простая. Принимается закон мгновенно, он еще не опубликован, но уже принимается закон, по которому депутаты, которые: а) служат в органах исполнительной

власти, это 3 человека плюс те, которые поддержали действия Президента или не явились на Съезд по каким-то причинам, лишаются своих мандатов.

Поднимают руки, голосуют. Друзья, так вообще нельзя, не было в Конституции положения, по которому можно взять и выкинуть, а я не сказал, еще 98 человек, кроме трех. Нет закона, по которому их можно выкинуть, тем не менее, их выкидывают, не выясняя даже, кто по уважительным причинам, с их точки зрения, а кто поддержал Президента. И тогда создается на короткое время большинство в две трети, но потом, и вы это отлично знаете, Съезд тает. К октябрю там было человек 200-250 максимум. **Съезд продолжает принимать решения. Т.е. перекрывать, допустим, нельзя, но принимать решения, определяющие судьбу страны, не имея конституционного большинства, это явление того же самого порядка, что и нарушение Конституции Президентом.**

Теперь был ли выход, было ли решение в то время? Указ 1400, кстати, при всей незаконности, я отмежевался от него, предполагал достаточно мягкий выход – идите на выборы, никто не запрещен, никакие газеты, никакие партии, Ельцин не контролирует избирательные комиссии, это мы знаем по итогам и местных выборов, и референдума апрельского и т.д. Идите, сражайтесь, отстаиваете свою позицию.

Что делает Верховный Совет, что делают те депутаты, которые назвали себя X Съездом? Они заявляют, нет, мы держим Бога за бороду, мы можем свергнуть Ельцина, зачем же нам идти на выборы? Этот выход представляется предпочтительным.

И дальше происходит то, о чем подробно рассказали Сергей Александрович [Филатов. – Ред.] и Сергей Николаевич [Красавченко. – Ред.], а именно – переговоры. Не буду повторять того, что они сказали, почему нужно было убрать оружие. Да, потому что в Белый дом пришли и хозяйничали там бандиты, потому что там не депутаты уже правили бал, а известные приднестровские бандиты, бандиты из рижского ОМОНа. Мы помним эту операцию, которую сотворили в январе 1991 года, это было подставой и для Горбачева и прочее, были баркашовцы. Почитайте книгу очень честную, взволнованную книгу молодой журналистки Вероники Куцылло, которая была в Белом доме. Она очень выразительно описывает ту атмосферу, которая складывалась в Белом доме. Она, в частности, была и в эту страшную ночь.

Теперь, о чем договорились в Свято-Даниловом монастыре? Мы снимаем ограждения, собственно, ограждение уже де-факто было снято самими осажденными, а вы передаете оружие. Но оружие передавать они не хотели, это не было еще решением конфликта, но это был очень важный шаг к решению конфликта, потому что следом за этим должны были пойти две вещи – выборы депутатов и выборы Президента. Между прочим, Ельцин назначил на 12 июня выборы Президента. Они, противники Ельцина, говорили: а как же так, нас переизберут, а он останется? В «Аргументах и фактах» было напечатано, что Ельцин готов пойти на одновременные выборы, но готов пойти – это свидетельство журналистов, можно этому верить, можно не верить, но я ссылаясь при Сатарове на их свидетельства. Мы выясняем ведь свидетельства, факты – кто что засвидетельствовал? Есть книга «Эпоха Ельцина», где советники написали, что, конечно, Ельцин неохотно на это шел, он только предложил: давайте так, эту позицию я сдам последней, т.е. Ельцин был готов на то, чтобы одновременно проводить выборы.

ФИЛАТОВ С.А.

Его старались убедить на полгода отсрочить это дело.

ШЕЙНИС В.Л.

Говорит о том, что штурм Белого дома был политической ошибкой, но абсолютно необходим.

Он готов был даже на одновременные выборы. Тем не менее, в Верховном Совете, на Съезде считают, что они все равно победили, и им этого ничего делать не надо. Я думаю, что, в сущности говоря, эти люди под их крылом, я лично Виктора Аксючица знаю с 1990-го года и в его личной добросовестности я не сомневаюсь. Но не Вы, и не подобные Вам, в общем, рассчитывали с помощью насилия свергнуть Ельцина. Пока Вы действовали политическими методами, с Вами можно было соглашаться и не соглашаться, но, во всяком случае, это можно понять. **Но, когда защитниками Конституции становились такие подонки, извините меня за непарламентское выражение, как генерал Макашов, заявивший себя достаточно откровенно, как подонок, как антисемит, как фашист, как оголтелый человек. Когда защитниками Конституции становятся назначенные, утвержденные этим собранием депутатов Ачалов, который был одним из гэкачепистов, между прочим, это вы тоже знаете.** Когда дальше все это переходит к насилию, когда эти банды несутся к Останкино. Когда банда под предводительством нашего бывшего товарища по ДемРоссии Ильи Константинова, который перешел на другую сторону, приходит в мэрию и творит там суды, расправы, это, между прочим, частично показали по телевизору, но нам об этом на первом заседании рассказал Музыкантский. Когда они кладут на пол людей, когда они избивают Брагинского, который вскоре после этого умирает, вследствие этого, это было установлено медицински, что это результат избиения, когда все это поднимается. То, что он умрет, это еще было неизвестно, но то, что к таким действиям перешли, здесь другого выхода не было, кроме как подавить мятеж, подавить опасность гражданской войны.

И поэтому, я думаю, что хотя события 4 октября, вообще обстрел здания собственного парламента, именно не расстрел парламента, а обстрел здания, тех этажей, про которые были достоверно известно, что там никого нет, это не лучшее начало, мягко говоря, для нового этапа нашего политического развития. Вообще ответственность Ельцина и его ближайшего окружения, его первого помощника, о котором сказал Сергей Александрович (Филатов. – Ред.) сегодня, к которому у меня тоже никаких добрых чувств нет, ответственность за то, что задумали такое серьезное дело и не подготовились. А дальше происходит абсолютная неспособность властей в этот момент овладеть положением, неспособность противостоять мятежу, об этом тоже, между прочим, на предыдущем заседании было подробно рассказано, что само то обстоятельство, что идут разные сигналы, которые зафиксированы собирателями документов, это доказательство того, что никакого заранее продуманного плана не было, были импульсивные действия, но данное действие, я считаю, было тяжелой необходимостью. Спасибо.

АКСЮЧИЦ В.В.

Аксючиц Виктор Владимирович, философ, богослов, публицист, российский политик, народный депутат России (1990—1993).

Ремарка. Прежде всего, хочу отметить, что Сергей Филатов, заявив, что я тут много лжи сказал, ни одного примера моей лжи не привел, чему я рад.

Дальше. Вы понимаете, ситуация сверхэкстремальная. Рассуждают примерно так: мы тут вам голову свернули, отменили Конституцию, высший орган управления страны, а вы тут соблюдайте регламент, пожалуйста. Или колючей проволокой обнесли. Меня лично ОМОН выкинул за колючую проволоку, когда я пытался войти в Дом Советов. Сергей Филатов говорит, что этого не может быть. Это я говорю о фактах, и никого не пускали, поэтому мы...

ИГРУНОВ В.В.

Формулировка была такая: всех выпускать, никого не впускать.

АКСЮЧИЦ В.В.

Конечно, так и было. Мы можем спорить. Я испытываю огромное уважение к Вашему профессионализму (Шейниса. – Ред), но я хотел бы обратить внимание на следующее. Мы тут занимаемся такой правовой казуистикой, это тоже важно и нужно, но обратите внимание, все-таки большинство Конституционного Суда проголосовало, признав, что Ельцин отрешен от власти. Большинство представителей регионов абсолютное тоже.

ФИЛАТОВ С.А.

Выражайтесь, точнее, главы и представители – это разные вещи.

АКСЮЧИЦ В.В.

А как иначе, не толпы же народа, главы выражали, да.

ФИЛАТОВ С.А.

Регионы можно говорить, когда Законодательное собрание проголосовало. А когда в единственном числе кто-то.

АКСЮЧИЦ В.В.

Уточняю, главы, согласен, все-таки большинство. Потом говорится: этот Съезд не выражал, не отражал никакой позиции общества и народа России, а прошли первые думские выборы, что было? Где оказалась партия власти «Выбор России»? Нас просто не допустили до выборов, растерзали силой, ложью и насилием. Так всегда узурпирующая власть правит ложью и насилием. Так же нас не допустили к выборам. Шла огромная информация в средствах массовой информации, я и все мои соратники именовались «коммуно-фашистами». На улицах элементарно шел террор, когда собирали подписи, и все остальное. Но это ладно, на это не жалуемся, политика есть политика. Но я обращаю ваше внимание на следующий факт. Была избрана Дума, партия власти – «Выбор России» потерпела сокрушительное поражение после этого. **Была коммунистическая Дума, причем несколько раз, в нескольких Думах большинство было коммунистическое, плюс еще подголосок партия Жириновского, которая всегда голосовала по указанию из Кремля. Так, извините, как вы можете после всего этого говорить, что Съезд народных депутатов не отражал настроения населения страны, а Ваша сторона отражала? На каком основании?**

ТРУСЕВИЧ О.Г.

Заранее извиняюсь, если я буду немножко резковата. У меня, к сожалению, вопросы-ремарки к нескольким выступающим. К президентской стороне, уважаемым Сергеем Красавченко и Филатову у меня такой вопрос. Скажите, пожалуйста, все-таки с какого момента в 1992, в 1993 гг. Ельцин стал больше склоняться к силовому произвольному разгону парламента. Какова роль Коржакова во всей этой истории? Пожалуйста, хотелось бы мне услышать о Коржакове и его роли при Ельцине.

Дальше. К уважаемому Виктору Леонидовичу Шейнису. Хоть профессор Добри нас уговаривал смотреть на суть событий, а не на терминологию, мне тоже хочется посмотреть на суть, но в связи с терминологией. Скажите, пожалуйста, **70 и больше даже по самым минимальным оценкам людей, погибших все-таки в Белом доме и на баррикадах около него от огня бэтээров из пулемета, это – расстрел или обстрел?** Считаю зевак, расстрелянных по комендантскому часу. Я говорю у Белого дома, 46 гражданских лиц, которых прекрасно видели стреляющие из СК-3 «Витязи», спецназ, прекрасно видели, их уговаривали, им кричали, макашовцы уже ушли к этому времени

оттуда. 46 невооруженных практических людей, это – расстрел или обстрел? Давайте все-таки видеть одни факты и видеть другие факты.

Уважаемый Виктор [Аксючиц – Ред.], скажите, пожалуйста, я – не военный человек, Вы приводили данные Генпрокуратуры, но Вы приводили не все данные Генпрокуратуры. Я очень критически отношусь к данным Генпрокуратуры, я в своем докладе это говорила, но простите, данные об изъятном оружии в Белом доме были Вами не полно приведены, там было найдено 153 стреляных гильзы, 122 запачканных ствола. Многие стволы там, конечно, были в смазке и не стреляли, но в Белом доме было и оружие, принесенное парамилитарными формированиями, и оттуда как-то ушедшее. В Белом доме было и оружие, отобранное у милиционеров 3-го числа, а там были и АКСУ, АКМ-545, и АКСУ-762 и т.д., ПК, пулемет Калашникова, он тоже 7,62, калибр такой же, как у снайперской винтовки. И все это было оружие и у обеих сторон конфликта. Генпрокуратуре не дали, и они сами это утверждали, как следует обследовать тела погибших военнослужащих. Да, там от дружественного огня, действительно, погибло две трети. Речь идет о единицах, не о десятках людей, о которых я говорила до этого, но единицы военнослужащих, возможно, получили пулю именно от сторонников Верховного Совета. Я берусь это утверждать. Поэтому, пожалуйста, давайте видеть все всё-таки факты в их совокупности. Спасибо. (Аплодисменты).

ДОБРИ. М.

Профессор Университета Париж-1 Пантеон-Сорбонны.

Несколько вопросов со стороны наблюдателя, который мало в курсе того, что происходило. Среди событий 1993 года некоторые меня очень удивили. Итак, был принят Указ 1400, Борис Николаевич Ельцин выступает по телевидению, чтобы об этом сообщить. То, что меня поражает, это – ритм и последовательность событий. Когда было принято после выступления Бориса Николаевича Ельцина решение Президиума Верховного Совета? Т.е. события как бы чередовались очень быстро. Создается такое впечатление, когда смотришь на это со стороны, что как будто все действующие лица, все участники этих событий с той и с другой стороны потеряли всякий контроль над событиями. Когда я за этим следил, это меня поразило и осталось для меня загадкой, как события цеплялись одно за другое.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Французская революция шла в таком же развитии.

ЖУРАВЛЕВ С.В.

Заместитель директора ИРИ РАН.

Здесь частично ответ заключается в том, что о подготовке Указа 1400 было известно заранее, причем и сторона Верховного Совета и будущего Съезда, естественно, т.е. депутаты были проинформированы и знали даже текст Указа и что в нем будет заложено и т.д. Т.е. это событие было ожидаемым, поскольку были люди, которые помогали в информационном порядке и той, и другой стороне, поэтому и сторона президентская знала, что происходит в стане депутатов, и сторона депутатская знала о готовящихся акциях со стороны Президентской Администрации. Поэтому динамика была такая насыщенная, что все было, в общем ожидаемо.

ФИЛАТОВ. С.А.

В 1993 году руководитель Администрации Президента.

Она была не насыщенная, она была очень вялая. На самом деле, в эти дни, начиная с 21-го числа, страна жила нормальной и спокойной жизнью, и в этот конфликт были втянуты депутаты, руководство страны, Правительство, политические деятели, журналисты. На самом деле, это не будоражило, вообще говоря, страну. Если помните, на Красной площади выступал Ростропович и дирижировал оркестром. Я, честно говоря, тогда себя даже упрекнул, сказал, что я тогда выступил против этого Указа, когда вроде страна живет нормальным путем.

Действительно, руководство Верховного Совета знало о том, что будет такой Указ подписан. Утечка пришла из Соединенных Штатов, как пришлось установить. И оно готовилось, готовилось еще и потому, мы были даже немножко не уверены потому, что перед этим трижды Борис Николаевич пытался выступить по телевизору, и трижды пытался подписать Указ об усилении роли исполнительной власти, если коротко так сказать, и трижды это не получалось. Получилось так, что дважды он выступил, а Указ подписанный так и не появился, в течение 1993 года это было зимой и весной. Ожидали, что после этого что-то еще будет, но я точно могу сказать, что в течение длительного времени было все спокойно, и я так понимаю, что та агрессивная часть, которая была в Белом доме, видимо, решила, что этот момент надо использовать для того, чтобы попробовать все-таки свергнуть Ельцина и захватить власть, потому что, об этом, кстати говоря, об этом говорят и переговоры в Свято-Даниловом монастыре, которые начались очень спокойно, очень разумно. Мы разумно подписали первый протокол, это было ночью 1 октября, по-моему, в 2 часа 40 минут мы подписали этот протокол в присутствии генералов ОМОНа, а наутро появился один Абдулатипов, Соколова уже не выпустили из Белого дома, и обстановка изменилась.

И этим можно как бы сказать, что ситуация начала меняться, т.е. агрессивные силы, которые были в Белом доме, видимо, начали действовать, потому что что бы ни говорили, 2-го числа мятеж, который был, или беспорядки, которые были на Смоленской площади, очень сильно напоминали то, что произошло 1 мая 1993 года, когда эти молодчики силовые пошли по Ленинскому проспекту и ввязались в драку с ОМОНОм на площади Гагарина. Это было очень похоже, но это было точно организованное движение, которое решило продемонстрировать свою силу.

То же самое произошло на Смоленской площади, и тогда, может быть, я еще раз повторюсь, то, что я сказал, может быть, ослепленные тем, что все-таки могут получиться переговоры в Свято-Даниловом монастыре, мы не особенно усилили свое внимание к тому, что меняется в положении в Москве вокруг Белого дома. Это была, конечно, ошибка. Но здесь уже говорили о том, что ошибок было много, как с одной стороны, так и с другой стороны.

Поэтому то, что сегодня явно проявилось, и об этом Виктор говорил, он говорил, что, действительно, в Белом доме были две силы. Одна сила была депутатская, которая стремилась решить свою какую-то задачу, а другая сила была та, в которую входил Баркашов и вся его банда и команда. Кстати говоря, никто еще не сказал, из их оружия стреляли или не стреляли и никто не сказал, когда ушли баркашовцы. Со стороны Кремля была дана команда, 15 колодцев, которые имеют выход из Белого дома, чтобы они охранялись и никого не выпускали через эти колодцы, но они все-таки вышли из Белого дома, и я думаю, что эти колодцы не охранялись. Кстати говоря, это тоже вопрос к следователям, которые должны были это исследовать. Или они ушли через метро, потому

что вниз у Белого дома есть глубокий выход на метро, и через метро могли уйти эти солдатики.

Понимаете, со всеми утверждениями, которые есть, надо быть очень осторожными, потому что мы с вами не все знаем, и я не все знаю, и вы не все знаете. И такие вещи, когда мы говорим, кто в кого стрелял и как стрелял и сколько убито, я бы был очень острожен. Мне Борис Николаевич 5-го числа утром позвонил по прямому (проводу? – Ред), и первое, что он сказал, поздоровался и сказал: Сергей Александрович, убито, погибло в эти дни, он подчеркнул, 165 человек. Я сказал: Борис Николаевич, давайте опубликуем фамилии этих людей. Он сказал: давайте. Мы опубликовали их в «Московской правде», все фамилии погибших в эти дни не только у Белого дома, и у Останкино, и на улицах Москвы, были опубликованы. Разные цифры ходят, Прошкин говорит: 147 человек, кто-то 157 человек. 165 человек, я вам докладываю ту цифру, которая была опубликована, и фамилии все опубликованы. Мы, конечно, не писали напротив того – гражданский он или военный этот человек, но все фамилии, и гражданские, и военные, были опубликованы. Спасибо.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

В октябре 1993 г. заместитель руководителя Администрации Президента.

Есть два вопроса, обращенные ко мне и к Сергею Александровичу (Филатову. – Ред.). Сергей Александрович ответил, можно я тоже отвечу? Во-первых, вопрос французской стороны относительно того, с какими посольствами работала Администрация Президента? Я в эти дни уже работал тоже в Администрации Президента. Сергей Александрович сказал, что он беседовал с послом Соединенных Штатов Америки. Я беседовал тоже и с послом Соединенных Штатов Америки, но по другому поводу, не связанному никак с этой ситуацией, потом скажу, по какому поводу. И далее, когда за пару дней, Сергей Александрович знает, мне было поручение, **пришли многие послы, человек 15, послы ведущих западных стран, включая французского посла, и задавали вопросы относительно стабильности. Ни одного вопроса со стороны посла относительно законности Указа 1400, ни от одного посла не было.** Были вопросы относительно того, будет ли обеспечен порядок в Москве, не будет ли то-то и то-то, и есть ли у Ельцина намерения жестко и в крови потопить то, что называлось вторым путем. На что я имел полномочия, и от Ельцина, от Администрации Президента сказать, что никаких намерений силовым путем, кровопусканием сделать это нет. И сегодня тоже об этом говорили, когда упрекали сторону Ельцина в том, что так эти силовики друг с другом нескоординировано действовали, по-моему, «Мемориал» убедительно это показал. Не было плана применять оружие, и войск не было. Это контакты с послами.

Я Вас хочу уверить, экономисты точнее бы сказали здесь, кто знает, что транш МВФ, который был представлен 30 сентября, это спросили бы в Правительстве, не знаю кто там. В фильме же НТВ сделали стык-монтаж, Вы понимаете, что МВФ не может за неделю дать транш миллиард, значит, это было плановое, за несколько месяцев до этого. Они приехали 30 сентября, подписали этот транш, и он никак не был связан с этими событиями.

Теперь относительно участия других каких-то. Кстати, в этом же фильме, на который сегодня ссылались, к сожалению, как на источник, там человек, который вообще не имел права появляться на экране, потому, что он преступник, пересекший границу, незаконно, еще получив здесь оружие, какой-то там майор Приднестровского батальона весь в наградах. Какие у него награды, за что. И он говорит, что они захватили ТАСС. Я принимал участие в том, чтобы оградить ТАСС, по звонку Игнатенко мы выручали их. Они из Приднестровья явились тут. К сожалению, Виктор не знал, видимо, кто там с

оружием ходит, и они говорят, и это же в фильме НТВ. Кстати, сказал этот майор Приднестровского батальона, мы там обнаружили интересный документ, который он не продемонстрировал. Это был документ – директива Госдепартамента США о том, что если Верховный Совет одержит победу, то США немедленно высаживаются в Российской Федерации, оккупация России со стороны Соединенных Штатов. Человек совершенно серьезно это говорит, и это пускают на миллионную аудиторию. Не было этого, точно, вы можете спросить. Нигде, ни на столе у Виталия Игнатенко, который тогда был, нигде такого документа не было. Госдепартамент – не ЦРУ, может быть, такие безумные планы были у кого-то там из кого-то, у кого-то из друзей Жириновского в США, но такого не было.

Что было? Действительно, из Соединенных Штатов Америки высадился организованный десант. Это было числа 24-го сентября, я сам в Шереметьево встречал этот десант вооруженный, организованный, сильный. Приехали, но не морские пехотинцы, это был Вашингтонский оркестр под управлением Ростроповича, в полном составе, за исключением Галины Павловны Вишневской. Она сказала: что у вас тут творится, кошмар. Я боялась, думала, что американцы испугаются, все приехали. И был, действительно, концерт на Красной площади, который тоже, кстати, о Коржакове и Илюшине, они хотели отменить этот концерт, но тогда мы с Ростроповичем развели руками, я тогда сказал Илюшину: передайте, хотите я позвоню Ельцину. Если вы не можете обеспечить порядок на Красной площади, то о чем Вы говорите. Это было 27 или 28 сентября. Это присутствие иностранного государства было.

А другое присутствие иностранного государства, я уже говорил, первый раз выступая здесь, было, когда 2 грузовика с приднестровцами, Виктор [Аксючиц - ред], к сожалению, говорит, что их там было несколько человек. Не несколько человек, иностранцы с флагами Приднестровской Республики неслись к Останкино с оружием. (*Шум в зале*).

Я не знаю, Витя, тебе виднее, кто сел в эту машину, но флаг был приднестровский, из машины торчало оружие. А ты говоришь: а зачем надо было выносить, требовать, чтобы это оружие было демилитаризовано и было складировано или вынесено из Белого дома. Вот для того, дорогой Витя, чтобы это оружие не появилось на улицах Москвы, поэтому Лужков вместе с Сергеем Александровичем [Филатов – ред] говорил: сдайте оружие. Это было как раз влияние иностранного государства Молдовы, которая не смогла повлиять на Приднестровье.

ИГРУНОВ В.В.

Директор Института гуманитарно-политических исследований.

Я хотел бы сказать, что, конечно же, мы не должны были обсуждать фильм НТВ, тем более с таким пафосом, потому что уровень нашей тележурналистики в настоящее время достаточно низок, а сумасшедших показывать можно с большим успехом. Я хотел сделать небольшие оговорки. Если Вы говорите о том, что машины, груженые приднестровцами с флагами ездили по Москве, то, действительно, надо было бы знать, кто сидел в этих машинах. Совершенно не исключено, что один человек из Приднестровья, поднявший флаг, был среди своих. **Но главное следующее. Нельзя говорить о том, я хотел, чтобы вы это имели в виду, о том, что незаконно пересекли границу. Граница открыта была для всех граждан СНГ, для всего постсоветского пространства. Пересечение границы из Приднестровья, из Молдовы, и из Украины, из Грузии совершенно законно, но не с оружием в руках.**

Я хочу вернуться к оружию. Когда Вы говорите об оружии, которое находится в Белом доме, чтобы оно не попало к приднестровцам, так надо сказать, что в Приднестровье

достаточно оружия для того, чтобы его привезти сюда с собой, в то время это было сделать достаточно легко, ему совершенно не нужно было попадать.

Последний акцент, последнее слово хочу сказать. Я услышал сегодня удивительную вещь от Сергея Александровича [Филатова. – Ред]. Сергей Александрович сказал, что, действительно, была утечка информации, и Верховный Совет узнал из Соединенных Штатов о готовящемся Указе 1400. Когда в Соединенных Штатах знают о готовящемся Указе 1400 раньше, чем это знает Верховный Совет, и Верховный Совет узнает это от Соединенных Штатов, в это я легко могу поверить, потому что я знаю, как часто Чубайс советовался с Соединенными Штатами прежде, чем принимать внутренние решения.

ФИЛАТОВ С.А.

Я Вас поправлю, я не сказал: узнает от Соединенных Штатов. Я сказал: узнает из Соединенных Штатов.

ИГРУНОВ В.В.

Да, из Соединенных Штатов, но как оно могло попасть в Соединенные Штаты из Кремля раньше, чем оно попало в Верховный Совет? Это удивительный вопрос. Я не комментирую его, просто удивляюсь.

ПИХОЯ Р.Г.

Буквально только одно слово по поводу утечки. На самом деле, я там не знаю, Сергей Александрович, как там насчет Соединенных Штатов Америки, **но я исследовал, я обнаружил просто выступление Руцкого, заранее заготовленное к будущему выступлению Ельцина и Указу 1400**, и я для себя провел такое с удовольствием архивное исследование. Утечка, скорее всего, произошла на совещании, где обсуждалась ситуация в Северной Осетии, и от одного из участников утечка стала известной Руцкому.

БЕРЕЛОВИЧ А., модератор

Я думаю, что на этой интересной подробности можно закончить наше заседание сегодняшнее. Я думаю, что завтра продолжится. Хочу сделать только одно замечание. Мне показалось, и надо благодарить выступающих, что как только в этом зале появились разные точки зрения, наши дебаты явно приняли более интересный поворот.

Эпизод конференции. Дискуссию ведут Филатов С.А. и Шейнис В.Л.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ**

С Т Е Н О Г Р А М М А

конференции на тему:

**«ПОЛИТИКО-КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС ОСЕНИ 1993 Г.: ИСТОЧНИКИ,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»**

Публикуется с небольшими сокращениями.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

«Переломные моменты октябрьских событий в глазах участников и очевидцев»

Москва, 18 октября 2013 г.

ДАМЬЕ В.В.

Дамье Вадим Валерьевич, историк, один из деятелей анархического и экологического движения конца 1980-х и начала 1990-х годов. Тема сообщения: непосредственное участие анархистов в событиях 1993 года и их оценка позиций противоборствующих сторон.

Дорогие друзья, я попытаюсь уложиться в отведенное мне время – 10 минут, если нет, значит «не судьба». Но мне бы хотелось выступить немного по контрасту с тем, о чем вам говорилось вчера. Вам вчера была представлена этакая история сверху, т.е. от людей, которые сидели наверху с той или с другой стороны и принимали решения. Я попытаюсь рассказать вам сегодня несколько фрагментов того, что можно назвать историей снизу, т.е. того, как общественность – то самое гражданское общество, которое у нас то ли есть, то ли нет, споры идут, не важно – как она реагировала на происходящие события. Точнее, конечно, не все гражданское общество, а, скажем так, некая его часть,

та часть, к которой я тогда был близок: это – леворадикальные и левосоциалистические круги. То есть, я подчеркиваю, так это называлось – некоторые еще называли их леводемократическими, хотя мы, например, это название ставили под сомнение – но речь идет о несталинистских левых, давайте сформулируем так.

Что хочу сразу сказать? Мы, то есть, в общем, практически все несталинистские левые, в той или иной степени, восприняли то, что произошло 21 сентября, как переворот Ельцина. Почему? Причин было много, и у разных групп эти причины могли носить несколько разных характер. Что касается нас... Я тогда был участником анархистской организации в Москве, но одновременно имел и контакты с другими леворадикальными группами, с левосоциалистическими группами и т.д. На что первое мы обращали внимание? Помните, вчера задавался вопрос о том совещании 1989 года: про экономические реформы, о том, в какой мере общество знало, в какой мере общество предполагало, что будет, и как общество на это реагировало – на кризис, не кризис, состояние, не состояние и т.д. Так вот, смотрите, мы в данном случае исходили не из какой-то цифири экономического роста или не-роста, мы исходили из реальной ситуации, из реального положения населения. Реальная ситуация была такая. После либерализации цен в начале 1992 года цены подскочили в несколько тысяч раз в среднем; заработная плата, по крайней мере, скажем так, тех кругов интеллигенции, с которой я был связан, увеличилась в лучшем случае раз в 150-200, т.е. на порядок ниже. Вот вам реальные цифры обнищания, на которые люди должны были как-то реагировать и пытались реагировать.

Момент № 2. Мы, конечно, не исходили ни из какой теории международного заговора, это смешно, но мы не могли не сопоставить несколько фактов. Мы, например, не могли не заметить, что буквально за очень короткое время до Указа 21 сентября в Правительство на высокопоставленную должность был возвращен Гайдар – человек, которого считали ответственным за проведение всех этих реформ. Мы не могли не обратить внимания на то, что в Москву приехала миссия Международного Валютного Фонда. Речь, конечно, не шла о том, что МВФ что-то диктует – речь шла не об этом. Речь шла о том, что Правительство,

что власть совершенно явно дала понять, в каком направлении она собирается дальше проводить экономические преобразования.

Мы к режиму Ельцина и лично к Ельцину относились весьма критически, вообще мы тогда очень любили неологизмы – придумывать новые слова. Если помните, у ельцинистов был тогда лозунг «Борис, ты прав» в ответ на «Борис, ты не прав»? Мы этот лозунг немножко преобразовали и ходили на митинги с лозунгами «Борис, ты ультраправ». Соответственно, тогда мы придумали еще один неологизм: мы называли реформы, которые проводились, не «реформы», а «деформы», потому что по нашему представлению, реформа – это путь к чему-то более социально справедливому, гармоничному, прогрессивному, а когда, наоборот, осуществляются мероприятия за счет основной массы населения, то, простите, это не реформы, это что-то совсем другое, контрреформа, деформа.

То есть, мы исходили из того, что в духе Пиночета совершается государственный переворот, устанавливается сильная исполнительная власть, которая отныне беспрепятственно будет проводить те мероприятия, которые она хотела проводить в интересах определенного социального слоя. Какого слоя? Необогачей, как мы тогда говорили, т.е. в основном криминала и некоторой части номенклатуры, связанной с ним, комсомольских бизнесменов и т.д., новых слоев, в противовес некой старой номенклатуре и директорскому корпусу, которые, как нам тогда казалось, стояли за Верховным Советом.

В этой ситуации, с одной стороны, мы осуждали этот переворот, с другой стороны, мы и не могли отождествить себя с позицией Верховного Совета по многим причинам. Во-первых, потому что, с нашей точки зрения, это была борьба между двумя кликами за то, в чью пользу будет проводиться приватизация, кто в свой карман положит выгоды от всех происходящих реформ. Мы помнили о том, что Верховный Совет одобрял сначала все реформы, что Ельцину были предоставлены, как вчера тоже об этом упоминалось, чрезвычайные полномочия и т.д., т.е. все это мы учитывали и из всего мы исходили.

С другой стороны, если говорить не о нас, левых радикалах, а о левосоциалистических кругах, левых социал-демократах и т.д., то там немножко другие еще моменты играли роль. Здесь **считалось, что необходимо защищать парламентскую республику в противовес президентской республике, в противовес сильной исполнительной власти.**

Вот на стыке этих вещей сформировалась некая позиция, не единая, а весьма разнообразная... Что еще следует отметить, что еще мешало левым кругам отождествить себя с позицией Верховного Совета? Прежде всего, конечно, то, что на стороне Верховного Совета выступили националисты, выступили фашисты, и Верховный Совет никак не хотел от них отмежеваться. Хотя надо сказать, что эти круги, о которых я сейчас говорю, неоднократно призывали Верховный Совет это сделать. Об этом я немножко расскажу просто по личным воспоминаниям.

Не то 21-го, не то 22-го люди стали собираться в Московский дом Социал-демократической партии, который тогда находился на Преображенке, недалеко от того дома, где я тогда жил. Там встретились самые разные люди, мы поговорили... Был там тогда такой молодой парень, имя которого потом узнала вся страна – я имею в виду Станислава Маркелова, будущего левого адвоката, которого потом убили в 2000-х годах; вы знаете, наверное, эту историю... Тогда он был одним из активных деятелей левых социал-демократов, их молодежной организации в том числе. И поговорив тогда, сверив часы, что называется, пришли к идее – он был, скорее, на стороне парламентской республики – что как бы сделать так, что если уж парламентская республика, то чтобы

все-таки без фашистов, по возможности. И возникла мысль предложить Верховному Совету – а у Стаса были тогда свои каналы, через Социал-демократическую партию в Верховном Совете – предложить следующий план, который Верховный Совет мог бы как-то обсудить, принять и т.д. Так сказать, план «снизу».

План этот состоял из двух основных пунктов. Пункт первый: отказаться демонстративно, официальным заявлением, от поддержки фашистов, прогнать оттуда баркашовцев и всю остальную подобную публику, поскольку это дискредитирует саму идею защиты парламентской республики. И вторая идея, немножко навеянная историей, идея Комуча¹¹ – чтобы Верховный Совет покинул Москву, где ситуация политически и в военном отношении для него неблагоприятна, уехал в регионы. Но это уже возникло чуточку позже, когда региональные власти стали одна за другой высказаться в поддержку Верховного Совета. И из регионов блокировать Москву, необязательно в военном отношении – это можно было сделать экономически, перекрыть поставки газа и т.д. То есть, идея была такая, насколько я знаю.

Поскольку я имел отношение к анархистам, но никакого отношения к Верховному Совету и парламентским кругам не имел, дальнейшее было не мое дело, в этом отношении. Как Стас мне потом рассказывал, эта идея была заброшена в Верховный Совет, и где-то эта идея обсуждалась, естественно, не на Пленуме, но идея не была принята. Надо вам сказать, что потом эту идею неоднократно повторяли на различных совещаниях левых кругов. В частности, я очень хорошо помню, в начале октября было собрание левой интеллигенции в Музее восковых фигур на Тверской улице, были там такие люди, как Бугалин, различные другие левые, левые социал-демократы некоторые, и обсуждалась та же самая тема. Правда, речь там уже не шла об эвакуации Верховного Совета, потому что уже была блокада.

Речь шла о том, чтобы все-таки добиться какого-то заявления с осуждением фашистов. Чтобы от фашистов отмежеваться, потому что они дискредитируют. Но опять ничего. Как нам вчера объяснил г-н Аксютин, у них были более важные проблемы.

Это была как бы одна линия, по которой шла работа в леворадикальных кругах. Естественно, как вы понимаете, фашизм, нацизм нас не устраивал. До нас доходили сведения, что, например, при раздаче оружия у Белого дома, левые радикалы, которые там тоже были, были обойдены. Надо сказать, что в первые дни туда пришло довольно стихийно достаточно большое количество леворадикальных людей – троцкистов, некоторые анархисты индивидуально, они принимали участие в строительстве первых баррикад, и они тоже хотели получить оружие. Им оружия не дали, тот самый Штаб обороны, о котором тоже вчера говорилось, принял решение, что оружие будет даваться только определенным группам.

Оружие получили баркашовцы, оружие получили казаки, оружие получили некоторые (даже не все) сторонники Анпилова, далеко не все, даже так. Оружие получили еще некоторые группы, но левые никакого оружия не получили. Более того, в последующие дни между левыми, которые находились около Белого дома, и фашистами возникли столкновения, хотя это тоже было не ново. Такие столкновения происходили эпизодически с лета 1993 года, в частности, вокруг Музея Ленина, там, где был центр распространения разного рода неформальной литературы; там периодически происходили стычки между фашистами, баркашовцами, с одной стороны, и различными левыми, с другой стороны. И надо вам сказать, что власть, как тогда казалось левым, покрывает

¹¹ КОМУЧ – Комитет Членов Учредительного собрания – правительство, созданное в Самаре 8 июня 1918 г., после захвата города чехами.

фашистов. Более того, был такой эпизод, о котором мне рассказывал один из участников событий. Кто-то из наблюдателей подошел к милиционеру и спросил: вам что нравится, что фашисты распространяют в центре Москвы свою информацию? В ответ на это милиционер показал на Кремль и сказал: туда все вопросы.

То есть, у нас было совершенно четкое ощущение. Мы знали, что баркашовцы тренируются на военных базах; мы знали, что московские власти поручили им охранять один из московских парков. Все это нас наводило на очень нехорошие мысли о том, что, возможно, баркашовцы используются обеими сторонами или, наоборот, пытаются использовать обе стороны. И потом история с уходом баркашовцев тоже заставляла о чем-то подумать, но это уже немножко другая история.

Так вот, интересно: когда произошли эти столкновения, один из анархистов, который принимал участие в этих столкновениях с баркашовцами, был просто ими схвачен, скручен (это происходило вокруг Белого дома) и сдан милиции, как провокатор. Более того, когда из Белоруссии приехало несколько анархистов посмотреть, что происходит, просто разобраться, они пришли на площадь перед Белым домом, начали разговаривать, дискутировать с окружающими, те же самые фашисты – «а вы анархисты!» – быстренько их скрутили и отдали милиции, т.е. произошло то же самое.

Еще одна, на мой взгляд, очень важная вещь. Уже, казалось, хотя бы потому что мы – антинационалисты, мы должны были бы сказать: раз там фашисты, мы против Верховного Совета, мы на стороне Президента. Но мы знали и другую часть истории. Например, я своими собственными глазами видел в районе, где я жил, листовки, изначально вроде бы антиельцинские: «Ельцину – нет», но они были перечеркнуты, и сторонниками Ельцина поверх было написано: ну, конечно, нет Ельцину, значит, да Чечне. Вы понимаете, о чем идет речь. Хасбулатов – чеченец по национальности, значит, часть националистов выступала на стороне Президента. Потому что были и такие, которые, соответственно, заявляли, что Верховный Совет – это чеченская агентура, чеченское дело. Хасбулатов никогда никаким чеченским сепаратистом в жизни не был, но это было им не важно. То есть, по нашему мнению, националисты были с обеих сторон.

Потом, уже 3-го числа, когда мы были в Санитарной дружине и шли за колонной демонстрантов, подбирая раненых со всех сторон – нам было все равно, кто это –, тогда мы нашли огромное количество антисемитских листовок, которые уже разбрасывали противники Ельцина, естественно.

Несколько слов об этой Санитарной дружине, потому что тема заслуживает того, чтобы об этом было сказано. Эта инициатива возникла параллельно. Тогда было много различных встреч левых кругов. Встречи происходили в одном из московских районных советов до того, как советы были закрыты. Потом встречи перенеслись еще в несколько разных мест. Короче говоря, в итоге этих встреч было решено создать некое подобие демонстративной третьей силы – той силы, которая должна была обозначить свою позицию, состоявшую в том, что мы ни за тех, ни за других, мы осуждаем то, что происходит, мы осуждаем кровопролитную борьбу за власть, которая разгорелась в городе, и мы, соответственно, хотим показать свою гуманистическую позицию в противовес тому, что происходит. Так возникла эта самая идея Санитарной дружины, в которую объединились различные левые, правозащитные активисты, кстати, далеко не только левые.

Ярослав Леонтьев, который был вчера, тоже принимал участие в этой дружине. Он попросил меня сегодня продемонстрировать историческую реликвию: вот оно – знамя этой дружины. Вы можете на него посмотреть. Под этим знаменем мы 3-го числа вышли, сначала шли сбоку основной массы демонстрантов, которые прорывались. Те шли на

мост, мы шли под мостом, помню, что пошел слух, что пустили слезоточивый газ – не знаю, пустили его на самом деле, или нет. Помню очень хорошо, что у меня тогда был палестинский платок, тогда редкость в Москве, привезенный мной из Германии – подарок немецких автономов. Я замотался этим платком, чтобы не дышать слезоточивым газом. Газа я особо не почувствовал, надо вам честно сказать. Мы идем и видим, как с моста бросают милиционеров – прорыв, мы идем вслед, подбираем раненых, уже видим – раненые есть. Раненые милиционеры, раненые демонстранты; мы их собираем, пытаемся оказывать первую помощь.

Естественно, мы идем сзади, не видим, что происходит впереди в самой головке, и, таким образом, по Ленинскому проспекту подходим к площади около Верховного совета как раз в тот момент, когда там начался штурм мэрии. Мы отходим к противоположному зданию – «сталинке» напротив. Около него поднимаем вот этот флаг и располагаем там Штаб медицинской помощи – первый пункт помощи. Соответственно, туда начинают притаскивать раненых. Очень хорошо помню, что пули над нами свистели очень даже не слабо. Кто эти пули выпускал – не имею ни малейшего представления, может быть, стреляли из мэрии, может быть, стреляли по мэрии и отлетало сюда, не знаю, но, в общем, так или иначе, было такое.

Как раз в это время, пока мы все это дело организуем, мэрия берется штурмом. Видим все эти картины, которые и вы многократно видели – кто на съемке, кто, может быть, даже живую – и тут смотрим: победители со стороны Верховного Совета. Последнее, что я наблюдал перед тем, как уйти домой – то, что меня некоторым образом и подвигло уйти домой: я увидел грузовики, едущие по городу, над которыми развивались, правда, не приднестровские флаги – это бы мне как раз было совершенно безразлично – а развивающиеся «имперки», и это мне очень сильно не понравилось. И я подумал, что кто бы, пожалуй, ни победил, а добра от этого в любом случае не будет.

Когда я шел в Санитарной дружине, в колонне, у меня было довольно интересное ощущение. С одной стороны, вот тот самый народный бунт, о котором мы читали, который наблюдали в других странах. С другой стороны, под очень странными лозунгами и с очень странной составляющей. С третьей стороны, да, прорыв, бунт, воодушевление и в то же время ощущение чего-то такого надвигающегося, нехорошего. Даже не в смысле подавления – я тогда не думал, что это будет подавлено; я думал, что, скорее всего, Верховный Совет победит. Но будет ли добро от этой победы, с учетом «имперок» и баркашовцев? Все эти смутные ощущения побудили меня просто пойти домой. Я думал: похоже, уже все закончилось, подождем, что будет, но, наверное, ничего хорошего.

Уже потом, придя домой, включив новости, CNN и т.д., я узнал продолжение истории: историю с Останкино. Часть Санитарной дружины поехала туда. Там произошли известные события, Санитарная дружина там попала очень крупно под раздачу. Так эта история, собственно говоря, и закончилась для нас.

Последнее. Могу еще сказать, что две анархистские московские группы попытались как-то вести свою собственную агитацию. Была сделана попытка выпустить листовки. Наша группа ничего сделать не смогла, т.е. мы листовку написали, но у нас как раз в это время сломался наш очень старый ротатор, который нам еще в 1991 году подарили польские пацифисты, бывшие в свое время в оппозиции против режима Ярузельского. Они нам подарили ротатор, этот ротатор какое-то время еще существовал, но как раз к 1993 году благополучно помер. Поэтому мы свою листовку так и не выпустили.

Другая организация в Москве, КАС (Конфедерация анархо-синдикалистов) все-таки выпустила листовку, но ее удалось напечатать уже после 4-го числа, и они ее умудрились как-то где-то раздавать. Листовка, с анархической точки зрения, была немножко

странноватая: там призывалось к одновременным перевыборам... В общем, это не дело анархистов – требовать выборов, но это уже другой вопрос. Избавлю вас от идеологических подробностей, скажу только, что с собственной агитацией люди запоздали. В остальном же, была попытка обозначить некую альтернативу. Естественно, мы прекрасно понимали, что это – чистая символика, потому что в тех условиях, которые были, вести какую-то реальную массовую агитацию, собирать людей подо что-то, на что-то уже не было ни времени, ни сил – ничего. Вот так. Спасибо. (Аплодисменты).

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Музыкантский Александр Ильич, в 1993 году префект Центрального административного округа г. Москвы.

Я вчера немножко говорил, сегодня поподробнее. В Москве, конечно, изменения в конце 80-х – в начале 90-х годов произошли радикального свойства, я не буду об этом говорить, но хотя бы 26 марта 1989 года состоялись выборы народных депутатов, и Ельцин Борис Николаевич был избран по первому московскому городскому округу в Совет Национальностей. Он получил примерно 89 с копейками процентов голосов москвичей, в абсолютных цифрах это было около 6 млн. голосов избирателей. Это – самый

большой избирательный округ в России и, конечно, это означало, что он возвращается в политическую жизнь после отставки, после этой должности зам. Председателя Госстроя.

Через год состоялись выборы в Верховный Совет Российской Федерации, в Московский городской совет и в районные советы. Эти выборы прошли в марте месяце, в Московский городской совет избиралось номинально 500 депутатов, но избрано было примерно 450, недобрали голосов, тогда избранным считался только тот, кто получил больше 50%. 450 с лишним было избрано, и большинство в Московском совете получил блок «Демократическая Россия», большинство, но не подавляющее, но, тем не менее, этого большинства хватило, чтобы в апреле 1990 года избрать Попова Гавриила Харитоновича Председателем Московского городского совета, а еще через пару недель в конце апреля, по его предложению, Председателем Исполкома Моссовета, тогда еще такие были должности, был избран Лужков Юрий Михайлович.

Что касается районных советов, Москва тогда делилась на 33 района, в каждом районе избирались свои депутаты от 150 до 200, 250 депутатов в каждом районном совете. Это был депутатский корпус порядка 5 тыс. депутатов. Пару слов только. Заседание Московского совета и заседания районных советов, на которых я бывал очень часто во

всех районах, показали полную беспомощность этих органов. Может быть, лет через 5, 6, 8 эти органы, если бы проработали такое время, как-то там что-то наладилось, но просто на депутатов было жалко смотреть. Они иногда понимали, что они должны принять решение, кроме них никто не может назначить, скажем, Председателя Арбитражного суда города Москвы, только Московский городской совет, но они не могли принять этого решения, они соглашались, говорили, наконец, голосование – не проходит, а давайте еще раз соберемся, опять не проходит. Это мне до боли напоминало то, что я прочитал у Александра Исаевича Солженицына в «Красном колесе» про заседание Петроградского совета, март – апрель 1917 года этот Петроградский городской совет на пленарных заседаниях, он стенограммы приводит из заседания, исключительно похоже было.

Но, тем не менее, начала работать городская власть. Экономическая ситуация была очень тяжелой. Все планерки в Моссовете начинались с доклада о том, сколько вагонов с продовольствием стоит, разгружается, сколько разгружено за истекшие сутки, сколько стоит на путях под разгрузкой, сколько стоит на подходе. Периодически сотрясали разные кризисы. Вы помните табачный, когда вдруг табак пропал везде, ни одной сигареты нельзя было нигде купить, водочный, выдавались талоны на все. В общем, экономика в городе, а, следовательно, и социальное положение были очень и очень сложные.

Одновременно в марте были избраны в депутаты Верховного Совета Российской Федерации, там ситуация была примерно так. Это, я помню, мы докладывали Ельцину Борису Николаевичу, вот анализ провели. Одна треть поддерживает Вас, одна треть поддерживает коммунистов и одна треть колеблется, т.е. можно работать. Но работа эта продолжалась очень долго. Там только с 8-го или с 9-го раза был избран Председателем Верховного Совета Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин, это было в мае.

Работаем таким образом. Районные советы разделились по отношению к городу на 2 группы. В одну из этих групп входили советы, которые заняли категорически конфронтационную позицию по отношению к городской власти. Здесь надо отметить в первую очередь Краснопресненский районный совет, а потом Арбатский, Черемушкинский, Дзержинский и некоторые другие. Краснопресненский отличился, там до сих пор в Музее современной истории хранится решение Краснопресненского районного совета, в котором объявлялся суверенитет населения района над территорией, водными и воздушными ресурсами и недрами на территории Краснопресненского района, немножко не хватило до введения своих таможен на границах района. Но, скажем, ничего хорошего из этого не было, потому что и практика, один и тот же ордер на одну и ту же квартиру выдает одновременно одному лицу Краснопресненский районный совет, а другому лицу выдает Исполком Московского совета. Можете себе представить, что из этого могло получаться.

Выходом из этого кризиса было полное переформатирование власти в Москве. В июне 1991 года состоялись первые выборы мэра и вице-мэра города Москвы, но одновременно состоялись выборы Президента Российской Федерации, это переформатирование власти не только в Москве, но и в России. Мэром уже тогда был избран Попов Гавриил Харитонович и вице-мэром был избран Лужков, и одновременно он стал руководителем Правительства. Но, тем не менее, конфронтация продолжалась, кризисы продолжались, и в августе 1991 года очередной кризис. Но после августа 1991 года, что важно для следующего, продолжилась конфронтация между уже мэрией города Москвы и эти районными советами. В городе было организовано 10 префектур, другое районирование города, одна префектура – Зеленоград, одна префектура Центрального округа, остальные 8 радиусами от нынешнего 3-го транспортного кольца до окружной дороги.

Нужно ли было делать такое переформатирование территориального деления? Нужно обязательно. Из чего исходило то, существовавшее при Советской власти деление? Оно исходило из очень хорошего принципа – в основу не было положено никакого экономического, ни градостроительного решения, в основу было положено единственное решение – во всех 33 районах на учете должно состоять примерно одинаковое количество членов партии. Всего членов партии было тогда в городе 1 млн. 200 тыс., но давно, я помню, в газетах писали еще в 70-х годах, надо бы сделать Центральный округ в границах Садового кольца, потому что проблемы там совсем другие, чем проблемы в новых спальных районах. Этого сделано не было, и сейчас абсолютно понятно почему, потому что если бы такой район был создан, центральный район в границах даже Садового кольца, то в нем на учете состояли бы работники всех министерств, ведомств, Генерального штаба, военных академий, это была бы половина городской партийной организации. Понятно, что секретарь такого райкома имел бы какие-то особенные полномочия по сравнению с другими.

Поэтому я, став префектом Центрального округа, обнаружил, что в пределах Центрального округа узенькими клинышками входили территории 13 районов из этих 33. Фрунзенский район – это Аэропорт, стадион Динамо, но узенько по 1-му дому с каждой стороны улицы Горького, он доходил до Манежной площади, именно из-за этого. Дзержинский район – это те территории, которые чуть ли не от Выставки достижений народного хозяйства, но узенько он доходил до одноименной площади Дзержинского. Итак, 13 районов, но что-то делать, **любой приличный проект надо было согласовывать с 13-ю райисполкомами и прочими, часть из которых занимала совершенно конфронтационную позицию в отношении мэрии.**

Ясно, что это каким-то образом должно было разрешиться, но это и совпало с кризисом на федеральном уровне, с кризисом между Президентом и Верховным Советом.

А теперь ближе к событиям, которые являются предметом, ситуация такая маленькая. Для меня эти события непосредственно начались не 3-го, не 4-го, а начались раньше. Мы решили в тот год отметить такой большой праздник, провести праздник «500 лет улицы Арбат». Я вчера уже говорил, что как раз в 1993 году 500 лет первому упоминанию улицы Арбат в летописях, и говорил вчера, что это первое упоминание было связано с тем, что улица Арбат сгорела полностью. Был оргкомитет создан, экономических возможностей было мало, но все-таки постарались сделать, во-первых, убрали палатки, там стояло 180 палаток на улице Арбат, отремонтировали немножко фасады, избрали оргкомитет. Одним из заместителей председателя Оргкомитета был Сигурд Оттович Шмидт, совершенно исключительный человек, к сожалению, несколько месяцев назад скончавшийся, и он тогда провел всю подготовку идеологическую.

30 сентября в зале Театра Вахтангова, прямо на Арбате состоялось большое собрание общественности, выступал там Булат Окуджава, и Шмидт Сигурд Оттович сделал совершенно блестящий доклад по истории Арбата. О чем я жалею очень здорово, что мы тогда тот доклад не записали, не опубликовали. Все главные торжества были назначены на субботу 2 октября. В субботу 2 октября на улице Арбат было развернуто театрализованное представление, там было 12 сценических площадок, там было «кафе поэтов», где прежде Маяковский выступал в желтой блузе, туда Пушкин привез свою молодую жену на Арбат, 53 и т.д.

И, конечно, ситуация была напряженная, уже был Указ 1400, уже вокруг Белого дома была и колючая проволока, и баррикады, но никто не был готов, что этот конфликт перекинется и на улицы. Поэтому на 2-е число ничего не отменяли, 2-го числа по программе все это началось, и практически одновременно началась буквально

рукопашная схватка в устье улицы Арбат, там, где она с Садовым кольцом пересекается, там начались настоящие рукопашные схватки между демонстрантами, внезапно появившимися, потому что никаких бумаг о том, что они собираются проводить митинг, не было, и милицией, которая там охраняла, была без оружия, как 2-го числа, так и в последующие дни.

Драки были жестокие, использовалась арматура, использовались там разломанные сценические конструкции, там тоже очень удобные легенькие длинные трубы, но потом вроде бы затихло, и получилась вообще фантазмагорическая картина. В ресторане «Прага», на одном конце Арбата такой прием по случаю праздника купеческого размаха, и опять сообщения о том, что вновь возобновились драки. Значит, на одном конце улицы торжественный прием, все сидят, провозглашают тосты за благополучие Арбата, на другом конце продолжаются драки с увечием людей.

Неразберихи было много. Одна из неразберих заключалась в том, что вдруг сказали: Ельцин приехал на Арбат, идет по Арбату навстречу Вам, а я тогда был в филиале Музее Пушкина, 53, пошел навстречу, думаю: потихонечку пойду, дошел до середины Арбата, мне говорят: нет, уехал. – А что уехал? – Не знают. Через полчаса появляются совершенно с ног сбившиеся люди, охрана Ельцина: где Президент? Мы не знаем, где Президент, потеряли Президента. Такая нервная обстановка была все это время. После окончания этого приема, я там еще много времени провел. Садовое кольцо в районе Смоленской площади было перегорожено баррикадами, там горели шины, деревяшки, все, что можно. Там, где сейчас большой торговый пассаж, торговый центр, там в то время был только забор, а за ним котлован. С этой стройки, из-за забора притащили все, что может гореть, костры горели посреди города, баррикады.

Я вернулся домой поздно вечером, ночью, скорее всего, и утром, честно говоря, проспал достаточно продолжительное время. Разбудила меня жена, сказала: в районе Белого дома что-то такое непонятное, машину я вызвала. Я запрыгнул в машину и поехал, это было часа в 3-4 через весь город из Черемушек в Моссовет. Что меня поразило прежде всего? – Никакой милиции на улицах, весь этот промежуток времени не было на улицах никаких признаков милиции. В Моссовете было порядка 6-8 милиционеров и пусто, все это огромное здание было абсолютно пусто, там было буквально 6 человек, я был вторым из членов правительства, которые начали туда съезжаться.

Я сейчас понимаю, почему такое произошло. Мне потом в руки попали записи милицейских радиопереговоров 3-го числа, начиная прямо с 12 часов, когда начался митинг около памятника Ленина на Калужской и до самого вечера, часов 5 это продолжалось, там было много эмоций по поводу того, почему эта толпа прорывает ваши милицейские ограждения, там стояли цепочки, на Садовом кольце 3 или 4, но толпа их легко прорывала, там был мат-перемат, почему, мол, вы не можете сдержать толпу? – Не можем, у них впереди КАМАЗ идет. – А вы что, не можете КАМАЗа найти?

В конце концов, все эти участники митинга оказались на этом пятачке перед Белым домом, между Белым домом и мэрией, и там самые драматические события, один из кульминационных – это крики в эфир, что говорит командир Софринской бригады внутренних войск, не помню фамилию, но назовем его Васильевым, «говорит командир Софринской бригады Васильев, бригада переходит на сторону Верховного Совета». Тут же в этих радиопереговорах – Васильев, дорогой, говорит Президент Руцкой, я тебя благодарю, поздравляю, целую и обнимаю, нужно мэрию взять штурмом и т.д.

Мэрия, действительно, была взята штурмом или не штурмом. Но я хочу рассказать историю, вчера упоминали Брагинского Александра Павловича, он – член правительства Москвы, в тот день был дежурным по городу. Кабинет его рабочий размещался там же, в

этом здании мэрии на 18-м, кажется, этаже, но он все это дело видел, слышал, часть событий происходило у него перед глазами. Он спустился вниз – узнать, что происходит. После он рассказывал: спустился вниз, встретил там начальника ГУВД города Москвы Панкратова, Панкратов сказал: Александр Павлович, мы уходим, идем с нами, нам приказ покинуть помещение. Он говорит: да, да, все хорошо, я сейчас, но у меня наверху сидит помощник, я только его предупрежу и уйду с вами. Он поднялся на лифте на 18-й этаж предупредить помощника, а когда спустился вниз, уже было поздно. Его сразу опознали, закричали, взяли в плен, начали кричать «правая рука Лужкова», всех называли правыми руками Лужкова, там было много рук правых. Его, действительно, взяли в плен, перевели в какие-то подвалы в здание Верховного Совета, он вышел оттуда утром 4-го числа. Обходились с ним, действительно, абсолютно беспощадно – и били, и лупили, и три раза выводили на расстрел, и каждый час прибегал какой-то оголтелый туда парень, щелкал затвором автомата и кричал: «Президент приказал кончать его, что вы до сих пор с ним еще?». Результат был печальный, через несколько месяцев он заболел, у него была опухоль головного мозга, в общем он через 3 или 4 года скончался. Это один из эпизодов. Светлая память. Видите, почему человек пострадал, потому что говорит: я должен подняться наверх, предупредить своего помощника, иначе он мог бы спокойно уйти вместе с милицией.

После этого чем кончалась запись этих переговоров? Один высокий начальник с позывным «Валдай», потом я узнал кто это, но это уже не имеет сейчас значения, передавал: подразделению, условно, 148, 149, 150 покинуть территорию, вернуться в места постоянной дислокации, организовать там крепкий надзор, оборону, разведку и оборону. И после этого крики буквально такие жалобные: «А 152-му тоже вернуться?». Он говорит – вернуться. – Валдай, Валдай, а 153-му? – 153-му тоже вернуться. Короче, это была команда милиции покинуть территорию.

Одновременно с этим прошла команда – единственному вооруженному подразделению, которое там было, «Витязю», так ему пришла команда – всем внутренним войскам погрузиться на машину и вернуться в расположение, в места постоянной дислокации. Но совсем недавно Куликов Анатолий Иванович говорил, что решение было такое, поскольку они были без оружия, а нападение было уже совершенно отчетливо, там потеряли они уже нескольких людей, терять больше не хотели, то они получили команду – вернуться, там вроде бы вооружиться и уже с полным вооружением вернуться обратно, а вооруженное подразделение «Витязь» получило команду – организовать, прикрывать их отход, они тоже ушли с площади и организовывали их отход в места постоянной дислокации. А в это время часть милицейских машин захватили сторонники Верховного Совета и поехали в Останкино. И когда они проехали уже полдороги, это подразделение «Витязь» получило переназначение, ту колонну оставляйте и выдвигайтесь к Останкино. И они наперегонки с этой колонной, успели всего на несколько минут раньше приехать в Останкино, чем туда приехал Макашов, но ненамного.

Отсюда и возникает вопрос: а почему их никто не перехватывал? А не было никакой команды перехватывать и некому было перехватывать. Вооруженное подразделение было одно, оно получило команду – сопровождать этих сотрудников, которые возвращаются в места постоянной дислокации, а потом получило команду двигаться в Останкино. Написано достаточно подробно, что случилось в Останкино 3-го числа.

А в Моссовете происходили следующие дела. В Моссовет стали постепенно прибывать члены правительства, в Моссовете появилось вооруженное подразделение, очень интересно, по поручению генерала-лейтенанта Барсукова прибыл капитан Барсуков и 20 человек с ним охранять здание Моссовета.

Но для меня самые тревожные трагические моменты, это 19 часов с небольшим, когда один за другим отключились все федеральные телеканалы, которые вещали из Останкино. Щелкаешь телевизор, этот пустой экран, этот пустой, этот пустой, ну раз центральное вещание прекращается, значит что-то чрезвычайное. Я установил связь со всеми 10-тью префектурами города Москвы. Я хочу сказать, что из всех 10 префектур доклады были достаточно спокойные, не было ни одной попытки штурмом взять какую-то префектуру, или появиться около префектуры, не было никаких заметно волнений, кроме Останкино, это северо-восток, но это далеко от префектуры. А других таких событий, которые говорили бы о том, что это приняло формы восстания или бунта общегородского, не было совершенно, ну, были какие-то события вокруг ИТАР-ТАСС, кто-то пришел его занимать, но это отдельные точечные вещи. Потом было обращение Гайдара и потом через какое-то время выглянул в окошко и увидел, что вся площадь перед памятником Юрию Долгорукому заполнена людьми. Я спустился туда вниз, люди были самые разные, пришли защищать, выступали, говорили: в город входят верные Президенту войска, некоторые ребята разливали какую-то горючку по бутылкам, готовые чего-то встретить, но народ там уже был в полном составе.

Примерно ночью часа в два Лужков сказал «оставайся», одел бронезилет, одел еще чего-то, еду на совещание. Куда он ехал? На то совещание, где было принято решение о штурме Белого дома, как потом выяснилось.

ПИХОЯ Р.Г.

Совещание было в Минобороны?

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Да, в Минобороны.

А теперь последствия, чуть-чуть только про последствия. Одно последствие. Вчера здесь был очень хороший доклад по поводу того, какое это отражение находит в исторической и прочей литературе. Но я хочу сказать, это находит отражение в художественной литературе. Я цитату приведу, это не сама книга. Есть такой Леонид Бородин, знаете такого писателя, скончался он недавно, к сожалению. У него есть книга «Трики, или Хроника злости дней», написанная в 2001 году. Что там происходит? Герой романа утром 4 октября 1993 года, понятно в какой день, оказывается на набережной Москвы-реки около Белого дома, я не буду весь сюжет рассказывать. Он видит на другом берегу реки выстроенные в ряд танки, слышит выстрелы башенных орудий, автоматные очереди, видит горящие окна, а дальше цитата из Бородина: «Но все равно это была не война, по крайней мере, для тысяч людей, толпившихся на набережной и на самой площади вокруг осажденного здания и на крышах соседних домов, там просто места пустого не было, отовсюду торчали людские головы. Для тысяч вокруг не было войны, было невиданное зрелище, почище горящего дома. Не нужно было быть специалистом, чтобы понять, что все глазающиеся находятся в секторе поражения, и в том, что никто не волновался по этому поводу, но многие напротив стремились подобраться как можно ближе, надо понимать, чтобы лучше видеть, в этом было нечто настолько противоестественное, что претендовало на роль сути и смысла всего происходящего больше, чем танки за рекой и дымящиеся окна российского парламента». Понимаете, людьми владели настроения, в крайнем случае, вариант русской рулетки – застрелят, не застрелят, но ощущение получили, чем какие-то политические и прочее.

Для меня большой загадкой остается следующий вопрос: куда делась вся толпа людей, огромное количество людей, которые были перед Белым домом, когда они пришли туда к 3-4 часам 3-го числа с этой демонстрацией по Садовому кольцу. Утром там уже не было никого. Когда начался обстрел здания из танков, там уже людей вокруг практически не

было. Куда они за ночь делись, почему они оттуда ушли? **Если бы они там оставались так же, как оставались в августе 1991 года, решение вроде бы было, наверное, другое.**

Долгосрочные итоги. Вчера говорили, что оказал он большое влияние. Какое это влияние оказало на Москву? На Москву оказало самое прямое влияние. **Во-первых, были распущены все районные советы, это был специальный Указ, через 2 дня Президент его подписал** – распустить все районные советы, потом была избрана Московская городская Дума в декабре. В Московской городской Думе было 35 человек, и сейчас до сих пор 35, после новых выборов будет 45. На такой огромный город, конечно, это смехотворное количество.

Далее, **был принят Устав города Москвы. Устав города Москвы определил Москву, как город, управляемый сильной властью мэра при заниженной, чуть ли не декоративной роли Московской городской Думы.** Мэр Москвы вносит законопроект, и он подписывает законопроект, он имеет право вето, он назначает всех городских чиновников. Когда новый мэр вступает в должность, он подписывает примерно 500 персональных назначений на высшие и не очень высшие должностные посты в городе, начиная от членов правительства и префектов и кончая заместителями.

Все это время после 1993 года шел ползучий процесс сокращения полномочий, как префектур, так и управ. И сейчас это дошло до абсурда. Сейчас префекты не имеют полномочий, даже десятой доли тех, которые имели, когда я был префектом. Главы управ не имеют абсолютно никаких полномочий. Все полномочия стянуты на Тверскую, 13 – это суперцентрализованное управление городом. Казалось бы, Лужков Юрий Михайлович к концу своей деятельности на посту мэра довел это дело уже до невозможности. Но пришел новый мэр и нашел новые резервы централизации, они были найдены, приведены в действие и сейчас работают.

Совершенно последнее. Вы все, конечно, слышали о Бирюлеве¹², что там произошло и прочее. Называется большое количество причин, называются способы, как мы с этими причинами будем бороться, но никто ни в причинах, ни в способах борьбы с причинами не упоминает про жителей ничего. Там есть ГУВД, которое должно что-то сделать. Если бы рядовые москвичи имели какие-то властные полномочия через своих представителей, если бы они выбирали глав управ, если бы они влияли на назначения начальников отделов внутренних дел и прочего, если бы они были самостоятельными гражданами, ничего подобного ни в одном районе города Москвы не было. Почему над ними оказалось возможным издеваться таким образом? Все эфиры были 3 дня назад заполнены пересказами этого. А потому, что те люди, которые издевались, видели, что над ними точно также издеваются и городские власти, что они и перед городскими и местными властями беспомощны абсолютно, что они не обладают никакими правами. Мне кажется, что из этого дела должен был сделан, прежде всего, вывод о том, что надо возвращать систему местного самоуправления в город, но об этом никто не говорит, кто описывает

¹² массовые выступления на межэтнической почве в московском районе Бирюлёво Западное (Южный административный округ), в том числе сопровождавшиеся погромами[2][3]. Поводом к событиям послужило произошедшее 10 октября 2013 года резонансное убийство местного жителя Егора Щербакова, в совершении которого подозревается мигрант-азербайджанец Орхан Зейналов. Считается, что беспорядки в Бирюлёве стали самыми массовыми в России за последние годы. В ходе их подавления полицией было задержано около 400 человек.

бирюлевские события, ни наверху, ни внизу, ни сбоку об этом деле не вспоминают. Это говорит о том, как глубоко зашел кризис. Спасибо. (Аплодисменты).

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА

Два коротких вопроса с просьбой короткого ответа. Можно уточнить, мне кажется, это существенно для характеристики тех событий, которые рассматривает конференция 2 дня. Александр Ильич, первый вопрос, Вы сказали – 2 октября Арбат и т.д., с другой стороны, подошли демонстранты, начались столкновения. Что такое демонстранты, какие лозунги были у демонстрантов? Какие флаги или это были все-таки не демонстранты?

Потом Вы сказали: куда-то они делись, те демонстранты, которые пришли к Белому дому? Их по-другому надо называть. Это была не демонстрация.

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Похоже, потому что я не видел лозунгов совершенно 2 числа на Арбате. Я прошелся утром по Арбату, дошел до Смоленской площади, там была какая-то эстрадная конструкция, и увидел, что от метро бодрым шагом идет плотный поток людей, у них нет ни лозунгов, ничего.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Это была не демонстрация.

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Может быть, с этим я согласен. На Смоленской я не видел.

ИЗ ЗАЛА

И второй вопрос. Скажите, пожалуйста, Вы привели пример замечательного председателя районного совета, его фамилия Краснов. Это был совершенно абсурдный путь – суверенитет над воздухом и т.д. Какова его судьба, что ему предложил и.о. Президента Руцкой и Верховный Совет, заседавший тогда в Белом доме. Кто был выбран новым мэром?

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Я сочинять не буду, не помню. Возможно, там было несколько депутатов.

ИЗ ЗАЛА

Краснов, этот человек был объявлен мэром Москвы.

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

Еще там было несколько человек из самых активных депутатов Московского совета, которые наиболее активно противостояли мэрии, из советов других районов, они все получили уже какие-то должности.

КУДЮКИН П.М.

Кудюкин Павел Михайлович — российский политик, историк, деятель российского социал-демократического движения. С 1991 до марта 1993 г. - заместитель Министра труда и занятости населения Российской Федерации. В своем выступлении сообщает о существовании некой «третьей позиции» в конфликте 1993 года и что формально ельцинская Конституция, принятая по результатам конфликта, незаконна.

Прежде всего, я бы хотел выразить некоторое сожаление, недоумение по поводу того, что спустя 20 лет мы имеем не столько попытку осмысления того, что происходило тогда, сколько продолжение махания кулаками участников с обеих сторон, каждая из которых упорно продолжает отстаивать свою правоту. Мне в этом отношении легче, **я как раз принадлежал к той части политически активных граждан, которая пыталась сформировать некоторую третью позицию.** Именно исходя из того, что мне, как человеку, на протяжении всего 1992 года наблюдавшему ситуацию внутри исполнительной власти значительное время изнутри, занимая пост заместителя министра труда, члена

Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, для меня очень рано стало понятно и то, что в исполнительной власти нарастают такие авторитарные пиночетистские тенденции. То, что значительная часть тех людей, которые пришли в политику на волне нашей демократической революции в 1989-1990-х годах, как-то начали понимать эту демократию очень примитивно, как власть главного демократа.

Уже в 1991 году, когда готовился референдум о введении поста Президента в Российской Федерации, еще более в ходе агитации и перед апрельским референдумом 1993 года становилось заметно, в какой, по сути дела, фашистской эстетике строилась агитация и пропаганда. Например, картинка – штурвал, за него цепляются много, много мелких людишек, это, соответственно, депутаты, и штурвал, который мощный мужчина крепкой рукой уверенно держит, это, конечно, Президент. Я думаю, что накануне 1923 года в Италии такие плакаты вполне могли быть и, насколько я помню, и было нечто похожее, или в Германии в 33-м году.

Напомню, что 21 сентября тоже не было чем-то совсем неожиданным, был и декабрь, когда в ходе Съезда нардепов демонстративный уход Президента Ельцина, попытка апеллировать к населению, был март с ОПУСом – особым порядком управления страной, который, собственно, и породил, как некоторый компромисс, апрельский референдум, было все более очевидно, что те надежды, которые были на демократическое развитие, тают буквально на глазах. Именно с этим связано было то, что в свое время я был направлен на работу в Минтруд по партийной рекомендации, и партия [Социал-демократическая партия России – Ред.] же в марте меня отозвала с этого поста, именно в связи с тем, что партийное руководство приняло решение об уходе в оппозицию, в связи с нарастанием прономенклатурных, авторитарных, антисоциальных тенденций в политике Правительства.

В последние дни августа Бюро фракции «Объединенные социал-демократии» в Социал-демократической партии России приняло обращение «Остановить Бориса Бонапарта», т.е. для нас надвигающийся переворот был очевиден. Мы, наверное, ошиблись в оценке. Конечно, события 1993 года – это не Брюмер, это – Термидор. Да, наша так и не развившаяся толком революция, не развившаяся в том отношении, что она так и не втянула в себя, действительно, достаточно широкие слои населения, упустила

возможность после августа 1991 года переучредить новое демократическое государство, пошла по пути формирования этого постноменклатурного, варварского, грабительского капитализма. Поэтому очевидно и ясно, что 21 сентября для нас не было проблемой, как оценить события. **Это был государственный переворот. И вообще это то, с чем, по моему, странно спорить, но очевидный факт, когда высшее должностное лицо страны нарушает Конституцию, как еще юридически и политически это оценить?**

И столь же очевидно было, что противоположная сторона не вызвала сколько-нибудь позитивных чувств. В этом отношении, действительно, мы попытались сформулировать подобие некой третьей позиции, прекрасно понимая, что при слабости леводемократических сил, при их раздробленности, это в лучшем случае будет некая абстрактная формула. Бюро фракции предложило Правлению партии проект заявления в связи с тем, что произошел государственный переворот, очевидно, что старая, крайне противоречивая конструкция власти нарушена и разрушена, и восстанавливать ее бессмысленно, хотя бы потому, что именно этой противоречивостью системы был вызван переворот, нужно искать выход не в признании переворота, не в возвращении назад, а в попытке выйти вперед. То есть, мы призывали признать утрату Президентом Ельциным своих полномочий, в соответствии с действовавшей с утра еще 21 сентября Конституцией России, призвать депутатский корпус самораспуститься, и дальше вариант – либо сформировать некоторую временную структуру из глав регионов, либо на Правительство возложить функции временного правительства для подготовки созыва Учредительного собрания, которое бы приняло новую Конституцию России. Ясно, что это был очень нереалистичный призыв, но попытка сформулировать эту третью позицию, с моей точки зрения, некоторое значение имела.

Далее. Мы должны рассматривать события 1993 года, как я говорю, начинать нужно не в сентябре и заканчивать не 4-м октября, потому что мы помним те безобразия, которые творились с введением цензуры после 4-го, как бы белые пятна и полосы на страницах газет. Мы помним грубое и хамское выступление назначенного Председателем Центризбиркома Владимира Федоровича Шумейко с окриком «не смей агитировать против проекта Конституции», «ЯБЛОКО» такое предупреждение получило, что раз вы участвуете в выборах, значит вы тем самым заранее признали и не можете агитировать, голосовать «против» на референдуме. Это, на самом деле, помогло слабо, потому что уважаемые господа, товарищи и коллеги, мы живем при непринятой Конституции.

В основе нашего политического строя такой косою фундамент, потому что по какой-то странной причине авторы Указа № 1400 забыли включить в список тех нормативно-правовых актов, которые приостановлены действием, союзный Закон «О референдуме», который, в соответствии с Постановлением съезда «О ратификации Беловежских соглашений», продолжал действовать в России. А по этому закону для того, чтобы, кстати говоря, и апрельский референдум по этому закону проходил, а в соответствии с этим законом для того, чтобы решение референдума имело юридическую силу, проголосовать должно было свыше половины зарегистрированных избирателей. При всех натяжках, при всех усилиях участковых территориально-избирательных комиссий и Центризбиркома половина избирателей за Конституцию ельцинскую не проголосовало, с чем я нас всех и поздравляю. Спасибо. (Аплодисменты).

ДОБРИ М.

Мой вопрос: хотел бы знать конкретно, какие шаги предприняла Ваша организации в эти дни?

КУДЮКИН П.М.

По-разному. В уже упоминавшейся Санитарной дружине Максимилиана Волошина как бы одним из ее организаторов был член фракции Станислав Маркелов. Некоторые члены фракции заседали в здании Краснопресненского совета, не у Краснова, в здании Краснопресненского совета собирались те общественные и политические организации, которые пытались предложить выход из этой ситуации, очень разные, не только сторонники Верховного Совета. Лично я, к сожалению, болел в эти дни.

Кстати, тоже еще интересный момент, поскольку защитников демократии 3-го числа вечером в том же здании Краснопресненского совета были задержаны мои товарищи, один из них Борис Кагарлицкий, другой Александр Сегал¹³, в милиции над ними жестоко издевались, избивали, приговаривали: покончим с жидами и демократами из Белого дома, и за вас примемся всерьез.

РЕПЛИКА В ЗАЛЕ

Незадолго до этого Кагарлицкого выгнали из Белого дома фашисты.

ПАВЛОВСКИЙ Г.О.

Павловский Глеб Олегович, политолог, журналист, издатель, соучредитель и президент «Фонда эффективной политики». Делает акцент на невротическом характере оценок событий 1993 года.

Какие у нас разные воспоминания. И я думаю, что если наши воспоминания не сблизились за 20 лет, они уже не сблизятся. Мы просто помним разное, и разные образы, разные гештальты, не надо пытаться их изменить, мы не сможем изменить, это не в силах человеческих. В том времени мы останемся теми, какими там были в своих воспоминаниях. Поэтому если мы сейчас будем пытаться их объединить, у нас начнется в голове нечто сложное, потому что структура невроза, нельзя жаловаться невроту на невроз, на то, что у него другой невроз, чем у тебя. Это, во-первых, глупо, во-вторых, вредно для здоровья обоих. Но глупо и принимать структуру невроза за структуру реальности.

Все-таки время это прошло. Поскольку это, действительно, был гражданский конфликт, то ничего постыдного в том, чтобы признаваться, что мы были на совершенно разных полюсах и тогда ненавидели друг друга, это не страшно, наоборот, это помогает выйти к способности обсуждать сегодня какие-то вещи. Допустим, я на празднике Арбата, о котором прекрасно говорил Музыкантский, оказался совершенно случайно. Я с детьми пошел гулять и

¹³ Александр Сегал, деятель левого движения, редактор газеты Социалистической партии «Обозреватель», стал со временем заместителем главного редактора «Солидарности».

вышел на старый Арбат, но когда я дошел почти до кольца, и как раз это начиналось, то я детей с женой отправил домой и с наслаждением принял участие в строительстве баррикад, таскал скамейки, участвовал в перекрытии этого дела, а потом шел домой.

Я тогда ненавидел людей в Кремле, ненавидел кремлевскую власть, ненавидел в особенности Бориса Николаевич Ельцина, он был в фокусе моей ненависти, это отдельный вопрос в моей интеллектуальной биографии. И, безусловно, я считал, что мне не был интересен Верховный Совет, просто я считал его неопасным, я считал, что ни при каких обстоятельствах представительная власть не может захватить столько полномочий, чтобы стать опаснее власти исполнительной. Собственно по этому поводу мы весь год спорили с моим учителем Михаилом Яковлевичем Гефтером. Я считал, что Верховный Совет просто не опасен, он был менее симпатичен. Я думаю, что это один из невротических симптомов, что мы 20 лет спустя продолжаем описывать ту ситуацию, как двоевластие. Но не было же там никакого двоевластия.

Вообще-то говоря, центральной власти в стране тогда единой не было, может быть к счастью, и было много властей, и все основные решения принимались не на центральном уровне, не на федеральном уровне, а двоевластие было определенным спектаклем, который был запущен одной стороной, с удовольствием принят другой, я имею в виду Верховный Совет, который не был способен быть реальной властью. Это все интересные вопросы, но интересней вопрос: почему 20 лет спустя у нас нет даже плохой истории 1993 года? Значит, есть какая-то проблема, что мы не можем ее написать. Почему мы не можем ее написать, что мешает ее написать? У нас масса воспоминаний, но если мы посмотрим на эти воспоминания, 90% из них будут воспроизводить один из тогдашних пропагандистских паттернов, тот или другой. То есть, люди вспоминают на самом деле не себя, это уже вторичная память, они вспоминают какие-то дискурсивные конструкции.

Это ложная память. У многих советских людей память, люди вспоминают прошлое по советскому кино, они очень ясно помнят, какая была советская жизнь, они помнят кино, и мы тоже вспоминаем кино, я думаю. Это большая проблема, что у нас нет истории с минимально консенсусным набором фактов, которые мы могли бы уже дальше обсуждать и спорить о фактах. Например, здесь упоминавшиеся коллегой Музыкантским впечатляющие радиопереговоры, стенограммы которых я читал, 3-го, за два дня. Это особенно история с мостом. Тут было сказано, что это были группы нанятых провокаторов. Я не был нанятым провокатором, честное слово. Я пошел на демонстрацию тогда, которая закончилась известными событиями прорыва на Крымском мосту, я пошел в качестве журналиста. Я был тогда директором информационного агентства. Для меня организовывать информационный поток тогда было, собственно говоря, главным моим занятием, т.е. главной формой участия в политике.

Это было в 1991 и в 1993 гг. Мне казалось, что этого практически достаточно, но опять-таки я не мог удержаться, состояние и атмосфера в городе была такой, что я пошел к этому омерзительному совершенно месту на площади Октябрьской, к памятнику Ленина, одно из самых плохих, некрасивых мест Москвы, и потом шел через этот мост. Это все-таки была, во-первых, демонстрация коммунистов, и я хорошо помню, что мне было немножко неудобно, потому что по мне видно, что я не коммунист. 3-го там были лозунги, я не помню эти лозунги, я имею в виду события на Крымском мосту.

Второго был Арбат, была вещь другая, и я не исключаю того, что там были тоже провокаторы. У нас вообще в каждом событии мы начинаем обсуждать с того, что, наверное, был какой-то секретный план. И это, по-моему, центральная проблема, что мы вообще не верим, что были какие-то события, которые осуществлялись не по указанию из того или иного центра. Мы потеряли вообще ощущение реальной истории, и видим ее как

набор разного рода интриг, провокаций с той или с другой стороны, сценарных постановок Кремля или ЦРУ, или еще кого-нибудь. Я думаю, что второго числа этого там не было, это был, действительно, результат атмосферы в Москве. Атмосферу в Москве тогда я помню, это была истерическая атмосфера. И в ней можно было ожидать худшего. Я, например, помню, 2-го числа, что был этот рефрен «не трогать ларьки». Ларьки не трогали, что интересно, в отличие от Бирюлева, торговые ларьки не трогали тогда. Громить торговые центры не кидались, а они стояли повсюду, мы помним огромное количество этих ларьков. Громили все, что угодно, ларьки не трогали, это интересно.

Сегодня, у нас главный дефицит описаний и воспоминаний – это, во-первых, люди на улицах, которые были реальными участниками событий. У нас они все время описываются, как массовка, которую кто-то куда-то приказом отправлял. Это не так. Главное в событиях 3-4 октября, что здесь как раз соединилось, были сценарии, несомненно, были политические сценарии, в том числе и действующей власти. Конечно, в первую очередь, сценарные силы были стянуты и там, которые натолкнулись на определенные неожиданные реакции населения самого разного свойства. Эта сторона не прописана, сегодня она описывается, исключительно как история генералов и полковников, которые вспоминают, кому они звонили и какие они приказы отдавали, людей нет в этой истории, а они там были.

И второй круг, пропущена история этого второго круга, которые не были генералами, но которые все время пытались на них повлиять, тут об этом тоже говорилось и Павлом Кудюкиным, и другими, потому что с разных сторон непрерывно выходили разные люди с какими-то инициативами, предложениями. Илюмжинов, о котором здесь говорилось, безусловно, интриган. Его последующая история достаточно раскрывает это. Но не все мы были 20 лет назад такими же, какими нас сделали последующие 20 лет. Илюмжинов, безусловно, был в центре одного из достаточно сложных, я бы сказал, сред тогдашних дебатов. Я помню, я бывал у него, бывал у его брата. Действительно, существовала определенная альтернатива, менее централистская, подхода к этой проблеме, потому что подход – Кремль или Верховный Совет, один центр или другой центр закрывал возможность решения, собственно говоря.

Я не буду вспоминать, тут уже вспоминали про, действительно, доброкачественную попытку Русской Православной Церкви тогда что-то сделать. В данном случае это не вполне ее вина.

После 4 октября у меня такой короткий период выйти самому на политическую сцену. Я инициировал создание движения «За демократию и права человека», но потом довольно быстро из него ушел, оставив это коллегам, которые потом более менее влили его в «ЯБЛОКО», насколько я понимаю. Моя проблема была в том, что когда возникло это движение, попытка создания третьей силы, я ожидал по диссидентским воспоминаниям, что новые политические заключенные в каком-то смысле будут центром кристаллизации гражданской сети, похожей на 70-е годы, т.е. что семьи будут общаться друг с другом, будут помогать заключенным. Очень быстро выяснилось, что это не так. **Никто не хотел общаться по горизонтали**, никто не хотел связываться друг с другом, наоборот, семьи замкнулись и очень подозрительно относились к любым горизонтальным отношениям. Я понял, что общество другое и отошел. Коллеги участвовали в этом дальше, они, наверное, могут рассказать про эту историю.

Но, я думаю, что главная проблема наша сегодня то, что мы из-за того, что мы все время оправдываемся или обвиняем, мы не решаемся просто вспоминать, у нас нет времени и сил анализировать какие-то вещи, которые не попадают в число наших травм, не описываются структурой нашей травмы. Например, какие были проекты внутри этого

противостояния. Я, например, помню, как я полз на пузе по Леонтьевскому переулку в редакцию, а сверху стреляли. Кто стрелял? **А это было уже, между прочим, не 4, это было уже 5 октября. А там существовали, стреляли реально снайперы. Они реально существовали, кто они были и зачем они стреляли и куда они делись? Это известная история, известная самая маловероятная гипотеза на этот счет, что они имели отношение к Верховному Совету, это понятно, но к кому они имели отношение, кто ими управлял и кто их спрятал потом, до сих пор неизвестно. В версию американского посольства, прямо скажу, я верю мало, потому что я помню тогдашнее американское посольство.**

Я бы сказал, 1993 год – это сфера искусственных тайн. Вроде бы никто не запрещает анализировать, никто не поможет, но никто не запрещает, но анализа нет, попыток расследования серьезных нет, и накопленные огромные массивы, на самом деле, документации за это время просто лежат в значительной степени, просто не привлекают нашего внимания. Спасибо. (Аплодисменты).

АКСЮЧИЦ В.В.

Аксючиц Виктор Владимирович, народный депутат России (1990—1993). В своем выступлении делает акцент на том, что события 1993 года были переворотом.

Я хотел бы представить предварительно, конечно, анализ двух сторон в этом конфликте – кто и почему там был. Прежде всего, сам переворот, **это был, конечно же, переворот**, и об этом вчера много говорилось. И вчера, кстати говоря, я не услышал никаких убедительных опровергающих аргументов. Должен сказать, что на доводы, что Конституция, по существу, была отменена, что решение Конституционного Суда об импичменте Президента не выполнено, что поддержка абсолютного большинства руководителей регионов Верховного Совета тоже совершенно

игнорировалась, в ответ я слышал такие вещи, что Конституционный Суд нарушил регламент, потому что у него не было документов, по которым он мог принять решение. Не давали документов, естественно, из Администрации президента, поэтому и не было. Или Съезд через несколько дней был уже не в полном составе, так потому что колючая проволока была и туда не пускали, и в ответ на это мне Сергей Филатов сказал: нет, пускали.

Понимаете, это национальная трагедия и невозможно изучать ее как муравейник отстраненно.

Какие силы были? Переворот этот организовывали и поддерживали, прежде всего, все президентское окружение. Понятно, что не все там соглашались с этим, но в основном. Далее, правящая столичная номенклатура, которая вокруг этого сплотилась. Поддерживали переворот структуры торгового, финансового капитала, которые были связаны коррупцией с номенклатурой (в простонародье их называют «компрадорская буржуазия»), и их охранные отряды. Понятно, на это отвечали, что среди депутатов тоже

были коррупционеры. Были, конечно, но **масштабы коррупции к тому времени исполнительной власти и законодательной несопоставимы**. Далее, конечно, поддержали криминальные структуры и их боевики, они не могли не поддержать, потому что **основным водоразделом этого конфликта была приватизация, сначала развал Союза, Союзного государства, а затем приватизация**.

И, как я рассказывал вчера (повторю, ибо сегодня на конференции много новых людей), Чубайс признался недавно, что да, эта приватизация была проведена в угоду жизненных и шкурных интересов, прежде всего, правящей номенклатуры и криминального капитала. Действительно, криминальный капитал к тому времени – к началу приватизации уже был огромен. И оправдывал это Чубайс тем, что, если бы этого не было бы сделано, то началась бы гражданская война. Вынужден опять повторить, этот очень смачно звучит, когда корреспондент спросила его: а где примеры такой войны, ведь во всех бывших странах советского блока приватизация была проведена примерно так, как предлагал наш Верховный Совет, вводя не безымянные ваучеры, а приватизационные счета в банках. Вчера, кстати говоря, звучал такой момент с Вашей стороны, что там не было нарушения закона в момент подмены того другим, Верховный Совет принял одно решение, Администрация Президента подковерно навязала другое решение. Конечно, было нарушение закона.

ИЗ ЗАЛА

Обман с процедурой.

АКСЮЧИЦ В.В.

Все там было, а это не нарушение закона – обман с процедурой со стороны исполнительной власти, это что, не нарушение закона?

ПИХОЯ Р.Г.

Коллеги, с Вашего позволения, по ведению. У нас сегодняшнее мероприятие называется так «Переломные моменты октябрьских событий глазами участников и очевидцев», т.е. у нас сегодня немножко другой жанр, не аналитика, она была вчера, а надо говорить о том, что было в тот момент и что вы видели своими глазами. Ничего больше.

АКСЮЧИЦ В.В.

Из того, что я слышал, звучало не только это. И уж позвольте, то, о чем я говорю, это то, что было.

Естественно, в расстреле принимали активное участие криминальные структуры и боевики. По телевизору мы видели, что на подползающих рано утром к Дому Советов бронетранспортерах сидели ухари в спортивной форме с автоматами Калашникова. Это кто? Далее, конечно, активнейшую поддержку Ельцину оказывала радикал-либеральная интеллигенция и их средства массовой информации, которые идеологически яростно обрабатывали все общество. Нас они иначе, как красно-коричневыми, коммунофашистами не величали. Естественно, вводили в заблуждение и отечественную, и зарубежную общественность, используя провокаторов вокруг Белого дома.

Конечно, поддержали этот переворот и западные политические лидеры, ибо политическая деятельность Ельцина их вполне устраивала. И была та сила, о которой все время говорят – снайперы. Но чьи они были? Куда они делись? Кто их спрятал? Ответ очень простой: тот, кто мог, тот и спрятал. Верховный Совет не мог их спрятать, их могла только спрятать исполнительная власть, значит, чьи они были тогда, понятно.

Внутри Дома Советов были представлены определенные социально-политические группы. Большинство депутатов выражало интересы директорского и управленческого корпуса, т.е. производственного капитала, который так или иначе по своей природе ориентирован государственно и не был согласен с той формулой приватизации, которая была навязана. Была часть номенклатуры, которая не сумела вписаться в распределительный бизнес, который организовывался вокруг исполнительной власти. Было небольшое количество патриотов-государственников. Мы были своего рода идеалистами, конечно же, но были носителями патриотической идеи, которая сегодня все больше и больше запускается в оборот. Тогда мы были первыми ее провозвестниками.

Да, мы были все разобщены, имели мало общественной поддержки, потому что национальная идеология в подлинном ее звучании, конечно, была недоступна широкой общественности. Я, скажем, был в оппозиции к руководству Верховного Совета, но я не мог уйти просто потому, что я был депутат, избранный народом, и был совершен переворот. Но, тем не менее, хотя мы были с разными взглядами, внутри спорили во многом, всех нас объединяло противостояние разгулу полного беззакония, развалу и расхищению страны, обнищанию населения.

Вокруг Дома Советов собрались абсолютно разные люди. Это – многочисленные патриотически настроенные граждане из регионов и из Москвы, большая часть молодежи, малочисленные патриотические организации и их представители, которые защищали российский парламент, как рубеж сопротивления курсу ельцинского режима, который они называли антинациональным. Были и представители бездомных деклассированных и обозленных слоев, но их было немного, их никакие интересы не объединяли, просто такого рода представители всегда участвуют в такого рода событиях.

Были представители коммунистических организаций различных оттенков, которые декларировали необходимость восстановления коммунистического Советского Союза. Должен сказать, что самый звучащий отряд этого – группа Анпилова. Наряду с фашистами Баркашова, они, конечно, играли абсолютно провокационную роль. Именно их снимали наши и зарубежные телевизионные каналы, а нас называли коммуно-фашистами.

Помимо этого вокруг Дома Советов собралось большое количество провокационных групп. Тот, кто их прятал после расстрела, я думаю, это спецслужбы, их туда и направили.

Все это вместе представляло пеструю толпу. Но должен обратить внимание на то, что я обращал внимание тогда там американскому журналисту, что эта толпа вела себя по сравнению с аналогичными обстоятельствами во всех других странах в любое другое время мирно до известных событий.

Надо сказать, что до самой кровавой развязки нейтральными оставались во многом региональные политические элиты, армия, силовые структуры, которые до самого последнего момента качались то в одну, то в другую сторону, давали обещания и тем, и другим. Поэтому с огромным трудом Грачеву удалось не отмобилизовать, а наскрести экипажи тех танков, которые стреляли по Дому Советов. А потом ОМОНовцев, привезенных из других городов, разгорячили спиртным и заклинаниями о том, что в Белом доме кавказцы и жида собрались, давайте ребята русские, вперед, все это мы слышали потом в записях радио переговоров. Переговорив так и по поводу всех нас и меня, и Константинова, за что и как надо всех нас вешать, они ринулись на Дом Советов, и известно, чем это закончилось.

Я должен сказать, что вся эта гвардия, которая организовала переворот, их никак нельзя назвать либералами, я их называл либерал-большевиками, потому что, называя себя

либералами, демократами, они, конечно же, действуют и мыслят абсолютно по-большевистски – обманом и насилием.

В качестве картинки того, что было, приведу один из эпизодов. Я пошел в какой-то день домой спать, утром вернулся к Дому Советов, – вокруг колючая проволока. Оставшись по эту сторону проволоки, я вел себя достаточно активно, и было несколько эпизодов интересных и познавательных. Например, подхожу к Краснопресненскому райсовету, там, где был наш штаб, рядом всегда с утра до вечера стоит уазик с милицией, охраняет. Вдруг к этому уазу подбегают из кустов парни в камуфляже с огромными «базуками», ставят милиционеров к стенке и бегут в Краснопресненский исполком. Иду за ними, они идут по этажам и всех ставят по стенке, обшаривают, идут в кабинет Председателя Краснопресненского исполкома Александра Краснова. Захожу вслед за ними. Саша стоит за столом с пультами, на него направлены «базуки» и автоматы, я представляюсь – депутат России Виктор Аксючиц, что происходит? Мне Александр говорит, что – это баркашовцы – требуют, чтобы я отдал приказ районной милиции выдать им оружие, т.е. открыть оружейный арсенал. Я им на это отвечаю, что, во-первых, милиция сейчас нейтральна, в данный момент она ушла с улиц, это как раз было перед расстрелом. Он говорит: я не имею на это прав, у меня нет полномочий отдавать такие приказы, во-вторых, милиция сейчас нейтральна. Если мы предпримем подобные действия, то это вызовет, естественно, активное противодействие милиции. Баркашовцы «почесали репу» и ушли, но сам по себе пример показателен: это были явно провокационные действия, которые не могли закончиться никакой победой нашей стороны.

Другой пример. Много раз приходилось слышать и от очень высокопоставленных людей, и в Верховном совете, что необходимо собрать народ и брать Кремль, и даже призывы такие мы видели по телевизору, выдавал Хасбулатов, это тоже провокационные призывы. Я вчера говорил, что руководством Верховного Совета было совершено много ошибок, но это не преступления, а ошибки, противоположная сторона совершила преступления. Вести большую толпу на Кремль, вы представляете, что это такое, там любая рота автоматчиков их останавливает, расстреливает всю эту толпу, т.е. это тоже, конечно, провокационное действие.

И последний эпизод, о котором я хотел бы сказать, это тоже буквально за два дня до расстрела. Собралась огромная толпа у метро Краснопресненская перед колючей проволокой и перед ОМОНОм, который все это дело окружал. Поскольку толпа огромная, начинается её самонагрев. Я наблюдаю, что вот-вот начнется конфликт и, естественно, в ответ на это тоже омоновцы начинают вести себя все более агрессивно. Я забираюсь на поливальную машину, которая там стоит, и организовываю митинг. Во-первых, я прокричал в толпу, чтобы мне принести громкоговоритель. Какой-то мальчишка (об этом Хасбулатов пишет в своих воспоминаниях) пробрался в Белый дом, доложил руководству, что Аксючиц требует громкоговоритель, ему дали, он опять прополз обратно, вручил мне. Так вот восемь часов под дождем я с группой депутатов вел постоянные разговоры и с окружающими людьми, которые собрались там, и с ОМОНОм, призывая, естественно, к умиротворению.

Обращаясь к народу, я говорил, что это наши дети, это наши братья, они одурманены, не надо вести себя агрессивно, только мирным стоянием мы сможем что-то доказать. Обращаясь к ОМОНу, я говорил то же самое – посмотрите, кто это, это – мирные люди, женщины, молодые люди, они не агрессивны и т.д. И это умиротворение стало приводить к тому, что ОМОН стал пропускать в этой точке в Дом Советов еду и лекарства. Была такая точка пробурена в этой блокаде, и как-то точка эта стала расширяться. Именно в этот момент появляются несколько машин с вооруженными до зубов уже не ОМОНОм, а это что-то другое, более brutальное, появляется мужчина в штатском, который отдает

через какую-то аппаратуру приказы и слышен приказ, потом это в радиопереговорах тоже было зафиксировано: быстрее окружайте эту поливальную машину и вздернете за ноги Аксючица и всю эту компанию.

Они, действительно, стали вытеснять людей, стали двигаться к нам, но нам удалось прыгнуть, и мы встали между этой толпой людей и ОМОНОм с огромными щитами, и старались умиротворить обе стороны. С одной стороны, из толпы выскакивали чрезмерно возбужденные молодые люди и провокаторы, пытались какими-то кольями бросаться в металлические щиты. С другой стороны, насакивали омовцы с какими-то дубьем. Каким-то образом удавалось все это умиротворять, и вся эта довольно многочисленная толпа постепенное вытеснялась массивом ОМОНа к метро 1905 года. Если бы в этот момент не удалось огромным напряжением удержать от агрессии обе стороны, то большая кровь бы начала литься в этот момент. Понятно, наш народ себя вел, как ведет всегда, то есть более мирно, чем в любое другое время в любом другом месте мира, а провоцирующей стороной к агрессии, которая, в конечном итоге, привела к кровопролитию, была, конечно, сторона, инициирующая этот переворот. Спасибо. (Аплодисменты).

ДОБРИ М.

Я так понимаю, что Вы сказали, что армия колебалась до последнего момента?

АКСЮЧИЦ В.В.

Да.

ДОБРИ М.

В тот момент, когда она колебалась, Вы об этом знали?

АКСЮЧИЦ В.В.

Мы знали о том, что руководство Верховного Совета ведет переговоры по радио и через депутатов, которые посылались в воинские части, с командирами воинских частей, которые были досягаемы. И большинство из них объявляло, что они занимают нейтральную позицию. Многие высказывались, кстати говоря, что они считают, что это переворот, и если нужно, то поддержим, т.е. ситуация долгое время была неопределенная. Надо сказать, что практически из армейских частей почти никого и не было при осаде и при расстреле Дома Советов, это были подразделения МВД, и дивизия Дзержинского – тоже структура МВД.

Кстати говоря, такой факт, не знаю, знают ли наши зарубежные коллеги, что около двадцати человек военных погибло в момент, когда эти два подразделения МВД, стали стрелять друг в друга, не разобравшись в этой суматохе. Армейские были танки, экипажи которых были набраны «с мира по нитке», потому что никто не соглашался. **Теперь уже известно, что были заплачены огромные деньги, были выданы дома тем, кто расстреливал.** У меня так получилось, что по жизненным обстоятельствам есть один знакомый, который как раз знаком с одним из участников расстрела, и видел всё то богатство, которое он поимел после расстрела. Вот таким образом.

РЕГАМЭ А.

У меня вопрос по поводу жизни внутри Белого дома. В уже упомянутом документальном фильме есть несколько интервью священников, которые находились внутри Белого дома. Они рассказывают о том, какова их роль там была, говорят, что была служба в воскресенье, и если я правильно помню, что именно перед штурмом Белого дома

некоторые люди решили креститься. Вы можете рассказать немножко о роли Церкви внутри Белого дома?

АКСЮЧИЦ В.В.

Внутри Белого дома остался один из депутатов – священник Алексей Злобин. Он был секретарем нашего Комитета по свободе вероисповеданий, где я был председателем подкомитета. Он был от начала до конца внутри Белого дома, и мне рассказывал, что у него постоянно исповедовалось много десятков людей каждый день, а перед расстрелом несколько десятков человек попросили крещения и крестились, в частности известный боец Светлана Горячева¹⁴.

ПИХОЯ Р.Г.

Так кого расстреляли-то из депутатов? Вы сказали перед расстрелом.

АКСЮЧИЦ В.В.

Перед расстрелом парламента.

ПИХОЯ Р.Г.

Понятно.

АКСЮЧИЦ В.В.

У Вас все время какое-то недопонимание, даже двадцать лет Вас ничто ничему не научило. Если даже по официальным цифрам было убито около ста человек во время этой акции, это что? Сколько должно быть убито, чтобы это называть расстрелом? Далее. Был священник Русской Православной Церкви Никон Белавенец, он не был депутатом, но очень активный человек до сегодняшнего дня. Он попросил у Патриарха благословения на то, чтобы быть в Белом доме и как-то окормлять, как священник, паству, и постоянно рассказывал руководству Патриархии о ситуации в Доме советов. Я думаю, это тоже послужило одной из причин активности со стороны руководства Русской Православной Церкви, чтобы переговоры наконец начались.

МУЗЫКАНТСКИЙ А.И.

У меня в продолжение вопроса нашего французского коллеги относительно взаимодействия руководства Верховного совета с воинскими частями. У нас это конференция историков в основном, то факты самые интересные, то, что обобщается, чтобы потом может служить в исторической картине. Вы сказали о том, что с рядом воинских частей велись переговоры, и они были на грани, кто-то за Верховный Совет. Ясно, что никаких санкций быть не может, никого Вы не подведете. Какие воинские части были готовы выступить на стороне Верховного Совета или хотя бы выражали сочувствие?

АКСЮЧИЦ В.В.

Я сам не принимал участие в этих переговорах. Естественно, знаю о них со слов своих коллег-депутатов. Естественно, подробности, которые Вас очень интересуют, я о них не слышал. Меня просто не интересовали эти подробности, какой номер воинской части и как фамилия командира. Не было у меня такого интереса, который присущ Вам сугубо, мне было интересно тогда другое. Но я Вам должен сказать в связи с этим вопросом такой эпизод, который может быть тоже интересен. Я возглавлял партию «Российское

¹⁴ Горячева Светлана Петровна. Являлась депутатом Государственной думы II, III, IV и V созывов. Член Парламентской ассамблеи Совета Европы. По её собственным словам, 4 октября 1993 года в Белом доме приняла православное крещение.

Христианское Демократическое движение». Одна из сильнейших организаций у нас была в Южной Осетии, потому что у нас оставались организации после развала Советского Союза и в Казахстане, и на Украине, и в Белоруссии, в Южной и Северной Осетии. Руководителем южноосетинской организации нашей партии был Председатель Верховного Совета Южной Осетии Торез Кулумбегов. Мы им помогали, я добился, чтобы Торез выступил на Съезде народных депутатов, устроил ему встречу два раза встречу с премьер-министром Черномырдиным.

ИЗ ЗАЛА

Вопрос-то по поводу воинских частей.

АКСЮЧИЦ В.В.

Я на этот вопрос отвечаю. И вот Торез, поскольку у нас были дружеские взаимоотношения, появляется передо мной в Доме Советов еще до того, когда колючей проволокой обнесли, и говорит: Виктор, 300 человек спецназа Южной Осетии на даче в Подмосковье. (Должен сказать, что все они были гражданами России. Вы ошибаетесь, тогда границы фактически не было, и был свободный въезд туда, обратно). Мы видим, что это переворот, мы знаем, чем это чревато для всей страны, для нас, командуй. Я говорю, что я не полномочен, пойдём к Ачалову, который тогда внутри Дома Советов назывался министром обороны. Пришли к Ачалову. Ачалов говорит: «Виктор, дай нам поговорить отдельно, они – военные люди», пусть поговорят отдельно, я вышел, после чего Торез вышел и сказал буквально следующее: «Ачалов заявил, что никаких воинских подразделений сейчас вообще мы не намерены привлекать к Дому Советов». (Это говорит о том, что переговоры с военными велись о том – на чьей они стороне и какую власть они поддерживают, а не в смысле – идите и стреляйте в кого-нибудь). Ачалов заявил, что мы отказываемся от воинской поддержки 300 суперпрофессионалов, прошедших уже все войны, которые к тому времени были на Северном Кавказе. Торез говорит: «Виктор, Вы проиграете, потому что все такого рода конфликты кончаются вооруженным столкновением. Если вы отказываетесь от охраны таких профессиональных бойцов, то Вас расстреляют».

Вот, пожалуйста, картинка поведения и позиции руководства штаба и министра обороны Дома Советов. Вчера тоже, кстати говоря, было много спекуляций на тему, что, якобы, какая-то третья сила там была. Решал все вопросы депутатский корпус голосованием и, соответственно, выполняло все вопросы руководство Верховного Совета. Никакая там сила, даже не Ачалов, тем более другие генералы, которые там были, не решали, они могли решать только за свое конкретное тело, т.е. выступать с определенными лозунгами и угрозами лично от себя.

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Константинов Илья Владиславович, народный депутат России (1990-1993), был членом Комитета по вопросам экономической реформы, а также Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности.

Добрый день! Позвольте представиться, Константинов Илья Владиславович, в прошлом

народный депутат Российской Федерации, член Верховного Совета России, сопредседатель Фронта национального спасения, один из узников Лефортово, и в те годы на страницах практически всей прессы – красно-коричневое чудовище. Посмотрите внимательно, не забудьте – именно так выглядит красно-коричневое чудовище.

Как я понял организаторов этой конференции, сегодня нас просят сосредоточиться на воспоминаниях о конкретных событиях тех дней, поэтому, учитывая пожелания организаторов, я не буду давать развернутые оценки событиям,

предшествовавшим 21 сентября 1993 года. Скажу только несколько вещей, представляющих, на мой взгляд, принципиальный интерес для тех, кто занимается или будет в дальнейшем заниматься исследованием тех событий.

О том, что будет переворот осенью 1993 года, мы знали. Меня об этом предупреждали неоднократно. Я должен сказать, что надо понимать, в то время не было непроходимой китайской стены между страной Верховного Совета и страной Президентской, мы все были выходцами из депутатского корпуса, мы все общались между собой. И, начиная с весны 1993 года, несколько моих знакомых, поддерживающих тесные контакты с окружением Президента, предупреждали меня о том, что в конце лета – начале осени будет распущен Съезд, Верховный Совет, и будет использована для этого вооруженная сила. Такие предупреждения я получал как от бывших депутатов, сотрудничающих с Президентом в то время, так и от работников спецслужб, которые по тем или иным причинам нам симпатизировали.

Я думаю, что для историков будет интересен такой эпизод. Весна 1993 года. Ко мне в кабинет в Верховном Совете входит мой коллега в прошлом Борис Ефимович Немцов, в то время занимавший должность губернатора Нижегородской области, вхожий в окружение Президента, сам он тогда по наивности считал себя будущим наследником Ельцина, но, видите, человек предполагает, а Бог располагает. Он попросил меня закрыть дверь и сказал примерно следующее: Илья, ты знаешь, что осенью все это закончится. Решение о роспуске Верховного Совета и Съезда Батя уже принял. Он так называл тогда Ельцина, потом они стали называть его Дед, а тогда, когда Ельцин был еще, так сказать, в силе, достаточно крепкий, они называли его Батя. Уже одно это для вдумчивого наблюдателя скажет очень многое. Криминальный душок всей этой кремлевской кампании был ощутим за версту, как говорят в России.

Но не будем о грустном. Так вот Борис Ефимович Немцов, можно, кстати, будет его спросить, он жив, думаю, помнит этот разговор, он в прекрасной физической форме находится. Мы, кстати, с ним общаемся в рамках Координационного совета оппозиции сейчас, где я представляю своего сына, политзаключенного Даниила Константинова. Ирония судьбы, как все прокручивается интересно и повторяется. Я ему сказал: Борис, российские депутаты – это не союзные депутаты. А для тех, кто не помнит, напомню, что

за некоторое время до этого после августовского путча так называемого 1991 года, был распущен Съезд народных депутатов Советского Союза, и сделано это было легко, изящно, непринужденно, одним щелчком. Ну, Виктор Алкснис немножко повозмущался, но подавляющее большинство старых номенклатурных бобров покорно сложило руки, склонило голову, собрало свои пожитки и разбрелось по необъятной нашей Родине, приватизировать государственное имущество. Я сказал Немцову: Борис, ты-то понимаешь, что мы не союзные депутаты, что здесь совсем другие люди, мы не подчинимся произволу и насилию, мы будем сопротивляться, будет кровь. Борис Ефимович сказал мне: мы знаем, мы раскатаем, Илья, вас танками, сказал мне Боря, мой старый товарищ, коллега, мы были с ним в одной партии долгое время. У нас, повторяю, и сейчас вполне приличные отношения, и, глядя в глаза, он мне сказал весной 1993 года, мы раскатаем вас танками.

А потом последовала серия уговоров: Илья, ну ты же умный человек, Батя тобой недоволен, а зачем тебе все это, зачем, надо ехать к Бате, надо договариваться, ведь от тебя никто ничего особенного не требует, когда все начнется. Эту фразу я запомнил на всю жизнь «когда все начнется», требуется только одно – ты можешь выступать, протестовать, писать статьи и возмущаться, не выводи людей на улицы, и все будет хорошо, и ты сможешь принять участие в следующих выборах. Твой Фронт национального спасения пойдет в Государственную Думу, и ты будешь лидером фракции. Мало тебе этого? Давай договоримся о каком-нибудь губернаторстве, ведь это же совершенно реально, убеждал меня Борис Ефимович. И все порывался отвести меня к Бате, Батя тобой недоволен.

Я, конечно, никуда не поехал. Но речь не об этом. Еще раз повторяю, переворот готовился задолго до 21 сентября 1993 года, именно силовой вариант предусматривался с самого начала. Понимали ли мы, представители депутатского корпуса, представители оппозиции, противники Ельцина? Да, я был противником Ельцина и остаюсь им по сию пору. Понимали ли мы неизбежность столкновения? Понимали. Какие у нас были ресурсы в этой борьбе? Очень незначительные и, прежде всего, общественные и политические. Мы, представители Фронта национального спасения, не обращались ни к каким воинским частям, не вели агитацию ни в армии, ни в спецслужбах, мы исключали для себя вооруженный вариант борьбы. Мы понимали, что борьба будет жесткая, рассчитывали на поддержку населения, но, честно говоря, до конца не могли поверить в то, что президентская сторона решится на широкомасштабное применение оружия против москвичей. До конца поверить, несмотря на все предупреждения, в это я, например, не мог.

Когда был издан Указ 1400, началось противостояние уличное. Я не буду говорить о политической стороне дела, о том, какие решения принимал Верховный Совет, как пытались собрать Съезд, как депутаты не могли попасть по ряду причин или кто-то в Москву не мог попасть, кто-то не мог попасть в здание Верховного Совета. Я буду говорить о другой стороне дела. Началось уличное противостояние. У здания Верховного Совета стали собираться сторонники оппозиции, сторонники Верховного Совета, противники Ельцина. Там были самые разные люди, и нужно понимать, что никакого фейсконтроля на подступах к Белому дому не было и быть не могло. Мы не могли отбирать людей и говорить: ты подходишь в качестве защитника Конституции, а ты, уважаемый, не подходишь; ты нам нравишься, а ты не нравишься. Кто приходил, тот и приходил, кто оставался, тот и оставался, и изменить эту ситуацию мы были не вольны. И то, что там появились сторонники Баркашова, сыгравшие, действительно, я согласен с Виктором Аксючицем, провокационную роль в тех событиях, это не наша вина, а наша беда. Удалить их мы не могли. Тем более, что многие из них пришли со своим оружием.

Противостояние уличное значительно усилилось после 27-го, если мне память не изменит, сентября 1993 года, когда была установлена окончательная блокада Верховного Совета, когда была протянута проволока колючая и так называемая спираль Бруно. Специалисты знают, что такое спираль Бруно. По периметру все здание было оцеплено ОМОНОм, никого не впускали, но желающих выпускали. **Можно ли было выйти в то время из здания Верховного Совета? Можно было, и я выходил и входил туда постоянно, используя подземные коммуникации. В моем окружении были диггеры, специалисты по подземной Москве, у нас были карты подземной Москвы.** И, действительно, я совершенно спокойно входил и выходил тогда и там, где считал нужным. Но, человек, не имеющий таких возможностей, не имеющий таких людей, не имеющий таких карт, думаю, попасть в то время в Верховный Совет не мог.

Как развивались события? Аксючиц правильно говорит, что по периметру здания Верховного Совета, оцепленного ОМОНОм, милицией и внутренними войсками, скапливались наши сторонники. С каждым днем их становилось все больше, и с каждым днем их разгоняли все жестче. Я хочу сказать, что, например, наш товарищ, бывший союзный депутат Виктор Алкснис, 28 или 29 сентября на подступах к Верховному Совету был избит жесточайшим образом, у него было сотрясение мозга и перелом ребра, поэтому это все были не шутки, не хихоньки и не хаханьки, били не по-детски, гораздо жестче, чем бьют сейчас. И когда я слышу сейчас всхлипы либеральной общественности о том, что сегодня оппозицию очень жестко разгоняют, например, 6 мая 2012 года, я мило и по-доброму улыбаюсь. Мальчики и девочки, знали бы вы, что такое «жестко разгоняют», при этом еще раз подчеркиваю, я сам 6 мая 2012 года был на Болотной площади, я знаю, о чем говорю.

Противостояние усиливалось, напряженность росла, озлобленность и той, и другой стороны, естественно, тоже нарастала. Серьезные уличные события стали происходить 2 октября 1993 года, когда произошли крупные столкновения на Смоленской площади. Я был там, был свидетелем и участником этих столкновений, когда митинг оппозиции разгонялся очень жестко ОМОНОм и спецподразделениями, в том числе с использованием резиновых пуль. Резиновыми пулями стреляли, стреляли ли боевыми пулями, не знаю, утверждать не буду, говорю только о том, что видел сам. Противники Ельцина отвечали жестко, в ход пошли камни, палки, арматура. Были раненые и с той, и с другой стороны, довольно много раненых. Становилось понятно, что дело может закончиться серьезным кровопролитием.

Тогда 2 октября мне удалось договориться с представителями МВД о разведении сторон, переговоры шли долго, примерно часа 2. В конечном счете, мне удалось договориться с одним из полковников, фамилию, к сожалению, не помню, прошло 20 лет, но мы с ним договорились о том, что они отводят своих людей, и мы убеждаем сторонников Верховного Совета оттянуться. После этого нам удалось построить колонну, и по Старому Арбату увести противников Ельцина, увести в сторону, увести от столкновения рокового, смертельного столкновения с силовыми структурами.

На 3 октября, как, наверное, знают специалисты, а, может быть, многие из участников этих событий, был назначен большой митинг – сход народный так называемый на Октябрьской площади, метро Октябрьская, или Калужской площади. Организаторами этого действия выступала Трудовая Россия во главе с Виктором Анпиловым, но мы поддержали этот митинг, в том числе и я, подписал обращение с призывом к населению – принять участие в этой акции в защиту Конституции и Верховного Совета. Акция была назначена на 14.00. В тот день с утра мне стало известно, что хотя Моссовет предварительно дал разрешение на проведение этого митинга, но мэрией он запрещен. Стало понятно, что возможны эксцессы и столкновения.

Приехал я туда в районе часа дня, там была уже довольно большая толпа людей – от 5 до 8 тыс. человек в этот момент там собралось. Организаторов митинга не было никого. И из депутатов Верховного Совета в первый момент я тоже никого не смог найти. Люди прибывали, и по периферии толпы, там, где стояло милицейское оцепление, начались первые задержания: людей выхватывали из толпы, не рассекали толпу, а именно выхватывали по периферии, и тащили в милицейские машины. Видя эту ситуацию, я принял решение личное, сам, ни с кем не советуясь, я принял решение попытаться увести людей с Калужской или Октябрьской площади по Ленинскому проспекту в сторону площади Гагарина, т.е. в противоположную от центра сторону, в противоположное от центра направление для того, чтобы не допустить бойни, потому что, помня события, произошедшие накануне, я боялся, что столкновения будут очень жестокими и кровавыми, как впоследствии и произошло.

У меня был мегафон с собой, и я начал выстраивать колонну демонстрантов, развернутую в сторону площади Гагарина, еще раз подчеркиваю, в противоположную от центра сторону. Это направление не было перекрыто ни милицией, ни ОМОНОм, и туда можно было двигаться спокойно. Я выстроил колонну из нескольких тысяч человек, и в это время увидел группу подошедших депутатов из числа сторонников Верховного Совета, в том числе там был покойный депутат Уражцев, возглавлявший тогда офицерское объединение «Щит». Я очень обрадовался, увидев Уражцева, тем более, что это был отставной офицер, военный, я был уверен, что он справится с массами, справится с колонной. И я договорился с ним о том, что он начинает движение колонны по Ленинскому проспекту в направлении площади Гагарина, а я в это время через подземный переход мог перейти на другую сторону площади, где за милицейским оцеплением скапливались люди, не попавшие по разным причинам на митинг, но желающие принять в нем участие.

Мы договорились об этом, я перешел через подземный переход на другую сторону и стал собирать людей, которые там находились, извещая их о принятом решении – митинг на площади Гагарина, все на площадь Гагарина. Затем через тот же подземный переход я вернулся обратно. И когда я вернулся обратно, я увидел картину, поразившую меня до глубины души. Я увидел, что эта колонна из нескольких тысяч человек, которую я перед этим долго и упорно выстраивал, что она развернулась на 180 градусов и двинулась прямо в противоположном направлении на милицейское оцепление. Впереди колонны было несколько человек, в том числе депутат Уражцев. Я бросился догонять их, крича на ходу: что вы делаете, куда вы ведете людей?! А колонна в это время набирала скорость. Когда я подбежал к голове колонны, Уражцев так отмахнулся от меня рукой и сказал по-русски несколько ругательств, а затем произнес следующие слова: теперь уже поздно, не остановишь.

И, действительно, нужно понимать психологию масс, для тех, кто участвовал, организовывал массовые акции, манифестации, шествия и прочее, надо понимать, что колонна, когда она набирает скорость, ее уже не остановишь. Я рассказываю это не для политиков, я рассказываю это для историков. И в этот момент первые ряды милицейского оцепления, которое стояло впритык к колонне, расступились. Еще раз повторяю, милицейское оцепление расступилось. Я очень сильно сомневаюсь, что это могло быть сделано без приказа, потому что расступались они на моих глазах, расходились они организованно, никто их не бил, никто их пальцем не тронул. А следующий ряд оцепления находился уже в середине Крымского моста, и там они не расступались, там они ждали колонну. Колонне дали двинуться, колонне дали разогнаться. Элемент провокации присутствовал в этом на 102%.

Я не знаю, кто был организатором этой провокации, и утверждать ничего не буду. Я не говорю, что эту команду отдал Ельцин, Филатов, Гайдар или кто-то иной из

высшего политического руководства страны. Еще раз повторяю, я не знаю, кто организовал эту бойню, но я знаю, что она была организована сознательно.

Колонна, разогнавшись, прорвала оцепление на Крымском мосту, покатила по Садовому кольцу, докатилась до Нового Арбата и двинулась по направлению к Белому дому, который был в то время оцеплен. Я догнал колонну, двигался во главе ее, и, подойдя к оцеплению, стоявшему у Белого дома и здания мэрии, так называемая книжка на Новом Арбате, все москвичи знают ее, одно из зданий мэрии. Я был свидетелем того момента, когда по демонстрантам впервые был открыт огонь. Впервые огонь по демонстрантам был открыт именно тогда, когда колонна прорывала оцепление у здания мэрии, огонь велся со стороны мэрии. Я лично видел людей, по-моему, это были или милиционеры, или сотрудники ОМОНа, или сотрудники внутренних войск, потому что форма была милицейская, я лично видел людей, которые на бегу стреляли из автоматов. Я лично видел раненых. Рядом со мной молодой человек получил ранение, я лично присутствовал при этих событиях.

Организаторы просили говорить о том, что ты лично видел. Я вам рассказываю только о том, что я видел лично. Я бы мог очень многое рассказать еще о том, что я видел лично и не из книжек узнал, но время мое, к сожалению, подходит в концу.

ПИХОЯ Р.Г.

С Вашего позволения у меня будет такой вопрос. Вы сказали, что к Вам подошел Немцов и попросил Вас весной, то есть накануне событий 1 мая не выводить людей на улицу, потому что это приведет к столкновениям. Это так?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Немцов говорил не о событиях 1 мая.

ПИХОЯ Р.Г.

Нет, он просил Вас не выводить людей на улицу, я цитирую Вас точно. Вы сказали, что разговор был весной. Значит, накануне 1 мая и кровавых столкновений?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Уважаемый Рудольф Германович, Вы у нас в кабинете присутствовали или под столом сидели?

ПИХОЯ Р.Г.

Нет, я только слушаю Вас.

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Слушая меня, извольте слушать внимательно. Разговор шел о подготовке переворота. Речь шла не о событиях 1 мая, а о подготовке переворота, время которого Борис Ефимович определял – конец лета – начало осени. Я ответил на Ваш вопрос?

ПИХОЯ Р.Г.

Ответили, я получил ту информацию, которую хотел.

ИЗ ЗАЛА

Вы очень верно определили начало более-менее жесткой блокады Белого дома 26-27 сентября. До этого можно было прийти к вам, в том числе и сторонникам с оружием. Скажите, пожалуйста, почему же в таком случае не могли туда вернуться или прийти новые депутаты Верховного Совета, когда принимались судьбоносные решения об отстранении Ельцина, о назначении новых министров и т.д.?

И второй вопрос. Вы, как голос улицы, как народный депутат, который вел митингующих и часто бывали в Белом доме, замечали ли Вы там несколько штабов, несколько центров силы, которыми каждый стремился командовать, это и окружение Руцкого, и штаб обороны Белого дома Ачалова, и казаки, но главное Хасбулатов и Президиум Верховного Совета. Скажите, пожалуйста, Вы поднимали свой голос в том, что должен быть порядок, единое командование в такой сложной ситуации?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Да, это сразу несколько вопросов ко мне. Да, политическую сторону событий октября 1993 года я сознательно опустил по просьбе организаторов. Проход до 26-27 числа, возможность пройти в Белый дом для депутатов была, это правда, то, что Вы говорите, я не буду лукавить здесь. Но правда и то, что с депутатами велась активная работа, и все прекрасно знают, как это происходило. С депутатами велась активная работа и в Москве, и на местах. Ряд моих коллег, которые покидали ряды сторонников Верховного Совета, объясняли мотивы своего поведения соображениями безопасности и карьеры. Вы же знаете, что было соответствующее Распоряжение, не помню точно его название.

ИЗ ЗАЛА

Вы хотите сказать, что всех подкупили?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Я хочу сказать, что кого-то напугали, кого-то подкупили, но я не буду отрицать, что среди депутатов, конечно же, были искренние и убежденные сторонники Ельцина. Зачем наводить тень на плетень? Ведь мы же знаем, что когда за несколько месяцев до этого проходил Съезд народных депутатов Российской Федерации, на котором ставился вопрос об импичменте, решение об импичменте не прошло, голосов не хватило. Это говорит о том, что **среди депутатов были сторонники Ельцина, были те, кто разделял его точку зрения на политические, экономические реформы в стране, я этого не отрицаю.** Точное число я сейчас сказать не могу, но то, что Верховный Совет, не Съезд, а Верховный Совет принимал все решения тогда в те дни при наличии кворума, несомненно.

Теперь по поводу нескольких штабов. Было ли несколько центров силы в Верховном Совете? Было, это мы отрицать не можем, потому что это правда.

ПИХОЯ Р.Г.

Простите, пожалуйста, это очень важно. Можно ли поподробнее?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Можно и поподробнее. Было несколько центров силы внутри Белого дома. На мой взгляд, конечно, наибольшие возможности были и до самого последнего момента оставались у Хасбулатова. Несмотря на то, что Руцкой был назначен исполняющим обязанности Президента, тем не менее, аппарат Верховного Совета, который все еще существовал, и разбежался буквально в последний день и то не весь, подчинился Хасбулатову. Соответственно, материальные ресурсы, находившиеся в распоряжении Верховного Совета, были подконтрольны Руслану Имрановичу Хасбулатову.

Но, кроме этого, надо понимать, что Руцкой, конечно, пытался создать собственный центр, собственный штаб, подбирали людей, подтягивал их к себе, рассчитывая после гипотетической победы, использовать их в дальнейшей борьбе за власть, это тоже правда. Многие сторонники Верховного Совета, в том числе вооруженные сторонники, которые

были в Верховном Совете, хотя их было маловато, прямо скажем, ориентировались на Руцкого.

Руцкой принимал многие решения, особенно в последние дни, особенно в критический момент 3-4 октября 1993 года. Руцкой проявил инициативу несколько раз, в том числе этот призыв организовать движение в Останкино исходил именно от Руцкого. По словам Хасбулатова, он не санкционировал это его решение. Проверить это я не могу, потому что они постоянно контактировали между собой, а я встречался с тем и с другим только эпизодически. Но Хасбулатов мне говорил, что он это решение Руцкого не санкционировал, что это решение было принято произвольно, без его участия.

Думаю, что и другие решения принимались лично Руцким именно в последний момент, когда началась уже военная фаза этой операции, потому что когда 3 октября после расстрела в Останкино я приехал в Белый дом, в Верховный Совет и пришел к Александру Владимировичу Руцкому для того, чтобы объяснить ему сложившуюся ситуацию и убедить его начать выводить людей из Белого дома, **он мне сказал, что ситуация под контролем, что воинские подразделения уже на подходе, что вот-вот армия перейдет на сторону Верховного Совета, ни в коем случае нельзя уходить из Белого дома.** Мы все должны оставаться здесь, сказал мне Руцкой, не волнуйся, Илья, все будет в порядке. Это к вопросу о воинских подразделениях. Я думаю, что в какой-то степени это было правдой. Я думаю, что, действительно, Руцкой вел такие переговоры, хотя сразу же оговорюсь, что лично я при этом не присутствовал.

Были и другие группировки внутри Верховного Совета. Группа Баркашова была достаточно независимой, и хотя формально она подчинялась Руцкому и Ачалову, назначенному тогда министром обороны, в действительности, группа Баркашова подчинялась только Баркашову. Это надо понимать, и это я говорю со всей ответственностью. Группа Баркашова подчинялась только Баркашову, выполняла, на мой взгляд, сугубо провокационные функции, и, не дожидаясь начала штурма Верховного Совета, в ночь с 3 на 4 октября в полном составе здание Верховного Совета покинула, они все ушли. Мы остались, а они ушли. При этом возможность уйти из Верховного Совета по подземным коммуникациям была, в том числе и утром 4-го числа. Я не помню, во сколько точно были перекрыты подземные коммуникации, но не с самого утра. С самого утра уйти еще можно было.

Я не могу сказать про то, что не знаю. Но то, что баркашовцы из Верховного Совета ушли, это абсолютно точно, и не только баркашовцы, с ними ушли ряд других групп бывших военных, спецназовцев, которые по разным причинам не считали для себя возможным попасть в руки сторонников Ельцина.

ПИХОЯ Р.Г.

Илья Владиславович, у меня еще такой вопрос. Ваш Фронт национального спасения, его система отношений с тем же РНЕ [Русское национальное единство – Ред.] и с другими такими вариантами уличной политики?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Фронт национального спасения практически никаких контактов с РНЕ не имел. У нас были с ними конфликтные отношения. С левыми, в том числе с «Трудовой Россией» Анпилова, не входившей, кстати говоря, во Фронт национального спасения, но тем не менее, с ними мы отношения поддерживали, мы проводили совместные акции, митинги, пикеты, манифестации и прочее. С РНЕ ни одной совместной акции у Фронта национального спасения не было. Я до октябрьских событий с Баркашовым даже не был знаком. Вот ответ на Ваш вопрос.

ИЗ ЗАЛА

Я была 2 октября в Москве. Фронт национального спасения и те организации и центры принятия решений, которые были в Верховном Совете, во время этих жестких дней рассматривали вопрос безопасности горожан? Я услышала сейчас, что если бы вокруг Белого дома оставалось, как и в августовских событиях 1991 года, большое количество горожан, то решение о выстрелах не было бы принято. С другой стороны, вопрос безопасности москвичей и всех, кто приехал в город, рассматривался на Вашем совещании?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Я могу сказать, что последнее официальное заседание Политсовета Фронта национального спасения датировано 21 сентября. После 21 сентября руководство Фронта национального спасения по разным причинам уже не собиралось.

Что касается безопасности москвичей, то еще раз говорю, единственная моя личная инициатива была 3-го числа, я просил Руцкого отвести людей из здания Верховного Совета. Больше никаких инициатив в этом направлении я не принимал.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

В 1993 председатель заместитель руководителя Администрации Президента.

Я постоянно, так же, как и Вы, сутками проводил в Верховном Совете и до июня 1993 года в Белом доме, и ни для меня, ни для многих других не было секретом, я думаю, для Вас тоже, что здание Верховного Совета, 5 или 6 этаж, где и Вы работали, был своеобразный такой с конца 1992 года, когда началось обострение с Ельциным и с Администрацией Президента. Был создан не Оргкомитет, не Штаб, но был такой центр, который активно готовился к противостоянию с Администрацией Ельцина, где тоже разрабатывались, так же как и Вам давали информацию, у нас общая была среда, в которой трудно было что-то скрыть, и там тоже шла работа, и по тем людям, которые приходили туда, это не просто были миролюбивые, это был Союз офицеров, Терехов тоже участвовал у Вас, известно его выступление в сентябрьские дни по поводу объединенного штаба СНГ, где первые жертвы появились. Скажите, пожалуйста, там, действительно, шла подготовка через связи с территориями, с зарубежными организациями – Приднестровье, Северная Осетия. Там шла подготовка к силовому конфликту?

КОНСТАНТИНОВ И.В.

Я понял Ваш вопрос. Сразу хочу сказать, что я говорю только то, что мне доподлинно известно, а о существовании этого центра я знал только по слухам, потому что сам в него не входил и никакого отношения к его деятельности не имел, а фантазировать не буду.

МИРОНЕНКО С.В.

Мироненко Сергей Владимирович, директор Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Делает сообщение о том, как возникал архив документов по событиям 1993 года.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Я не буду злоупотреблять вашим вниманием, но, поскольку все призывают поделиться своими личными впечатлениями, меня 3-го и 4-го не было в Москве, я был в городе Петербурге, и когда прекратилось это вещание на центральных каналах, я, конечно, сразу поехал в Москву, и, походя к работе, зданию Государственного архива, которое

расположено на Пироговке, услышал эти залпы, о которых здесь сегодня много говорилось. Такое уханье, что было совершенно не привычно для уха.

И буквально на следующий день Рудольф Германович Пихоя, который тогда руководил архивной службой страны, сразу приехал в Белый дом, и я очень хорошо помню, Рудольф Германович, наверное, и Вы это помните, как только мы вошли, а надо сказать, что зрелище было страшноватое. Там где-то на 14-15 этаже, куда попали снаряды, все еще немножко горело, чуть-чуть тлело, а первое, что мы увидели, это – разбросанные в фойе бумаги. И когда мы подняли, мы вдруг с ужасом увидели, что это бумаги из Секретариата Хасбулатова. А одновременно какие-то солдаты, которые тут же были мобилизованы для того, чтобы отремонтировать это здание, приводить его в порядок, они уже вытаскивали из кабинетов бумаги. И только благодаря неумной энергии Рудольфа Германовича удалось получить специальное Распоряжение, благодаря которому были созданы из архивистов, не только Государственно архива, но и из всех федеральных архивов, расположенных в городе Москве, такие экстренные бригады, которые должны были, по сути дела, спасать документы Верховного Совета. Политическое, не политическое противостояние, а это все наша история, и мы это хорошо понимали.

В результате было создано, я думаю, около 15 бригад, которые так механически поделили сохранившиеся этажи здания Верховного Совета, и обходили кабинет за кабинетом, где располагались комитеты, где были столы и просто в мешки, бумажные мешки, помечая, какой комитет или чей кабинет, номер комнаты, это все складывали. В отдельных случаях, как, например, кабинет Хасбулатова, это делалось в присутствии представителя Федеральной службы безопасности и Прокуратуры. Очень хорошо помню генерала Фролова, такого бравого из Федеральной службы безопасности, Алмазова из Прокуратуры. Мы заходили, открывали, доставали бумаги, тут же складывали это всё в большие мешки, печатали и, в конечном итоге, на большой Пироговской, в здание Государственного архива Российской Федерации перевезли 45 тонн бумаги. Это 9 огромных грузовиков. Надо сказать, что там же было все очень строго, чтобы каждый грузовик вывезти, надо было сотню инстанций пройти, но когда мы все это перевезли, где было это расположить – это расположили в Актовом зале, и на протяжении 5 лет Актовый зал не функционировал, потому что он был на полтора метра заложен этими мешками. Потом началась работа по разбору этих материалов.

На самом деле, это один из немногих случаев в истории России, когда одномоментно завершилась деятельность достаточно серьезного органа государственной власти.

ПИХОЯ Р.Г.

Как и КПСС тоже, кстати.

МИРОНЕНКО С.В.

Вот в 1917 году министерства прекратили функционировать, и нужно было их материалы куда-то перемещать, нашли здание Сената, Синода и все туда перенесли, и на протяжении десятилетий это все там хранилось. 1991 год, тоже эти пустынные кабинеты ЦК КПСС, и только, помните, эта бумага из бумагорезательных аппаратов. Когда я первый раз туда пришел, это было тоже необычное зрелище. Все ковры были забросаны какими-то обрезками этой бумаги. Я не знаю, зачем они уничтожали, это дублировалось. А в Верховном Совете России люди были заняты, как мы видели из предыдущих докладов, делом другим, а об уничтожении бумаг в общем даже и не задумывались.

ПИХОЯ Р.Г.

Электричество было отключено, поэтому бумагорезательные машины не работали.

МИРОНЕНКО С.В.

Можно было сжечь, но это сложная ситуация. В общем, мы привезли эти 45 тонн. Почему необычная ситуация? Потому, что нормальная архивная обработка, это 1 экземпляр основной без редакции, без подготовительных материалов, потому что всю бумагу хранить невозможно. Это понятно. А здесь была совершенно иная ситуация. И мы, конечно, по-другому подошли к обработке этих материалов. Естественно, выделялись оригиналы. Оригиналы стенограмм заседаний Съезда, оригиналы заседаний фракций, Комиссий, Комитетов. Но одновременно все-таки мы оставляли подготовительные материалы, что мне кажется, чрезвычайно важно для того, чтобы понять, в какой обстановке, как рождались те или иные документы, чего в обычном, традиционном архивном деле практически не остается.

Одним словом, через 5 лет упорной работы, мы тоже создавали бригады, мы полностью описали этот фонд. **В результате этого оказалось, что фонд Верховного Совета за 1990-1993 гг. составляет 14 720 дел**, за эти несколько лет получился, действительно, огромный фонд. 15 описей, я принес с собой показать, это опись первая, а таких описей 15.

ИЗ ЗАЛА

И они все доступны?

МИРОНЕНКО С.В.

Абсолютно. Тогда были демократические времена, тогда никто не спускал некоторых указаний о том, что надо засекречивать, наоборот, мы были в состоянии архивной революции, мы думали о том, как бы открыть историю и возможность заниматься собственной историей по документам, а не по известным Инструкциям ЦК КПСС. Да, эти все 14 тыс. с лишним абсолютно доступны. И что главное, что эти описи очень удобны. Здесь систематизировано, я назову разделы этих описей – съезды народных депутатов, все стенографические отчеты и материалы к съездам народных депутатов; комиссии съездов народных депутатов, Верховный Совет, в Верховном Совете первая сессия, вторая сессии, третья; Президиум Верховного Совета, постоянные комиссии Совета, Комитеты Верховного Совета.

Здесь надо сказать особо, что, **поскольку снаряды попали в два верхних этажа, которые выгорели, то вместе с ними выгорело и делопроизводство этих комитетов.** Скажем, Сергей Адамович Ковалев был очень расстроен, что материалы того Комитета, который он возглавлял, не сохранились, но вся сила нашего государства в том, что оно бюрократическое, и что все документы размножались во многих экземплярах. Я не могу сказать, что мы полностью восстановили делопроизводство тех комитетов, которые были, но в значительной своей части, не в оригиналах, но в копиях, которые авторитетные, которые рассылались для обсуждения, эти комитеты были восстановлены. Утрачено очень немного.

Секретариаты Председателя Верховного Совета, первого заместителя, смотрю на Сергея Николаевича, и его материалы здесь тоже есть. Сергей Николаевич, призыв, Ваш личный архив имеет большое историческое значение, сдать в архив. Депутатские объединения, г-н Аксютин, и те объединения, в которых Вы работали. Аппарат Верховного Совета, причем его все структурные подразделения, например, пресс-центр, юридический отдел, организационный отдел, отдел социально-экономического развития. Не буду больше утомлять вас перечислением.

ИЗ ЗАЛА

Какой период Вы захватили?

МИРОНЕНКО С.В.

1990-1993 гг. до 4 октября, последние документы мы просто брали в кабинете Руслана Имановича. Несколько, предположим, артефактов взяли, свечки оплывшие 2 или 3, чтобы все-таки как-то сохранить, что эта атмосфера, это знаменитое заседание при свечах. Некоторые книги, до сих пор наша беда – бюрократия («Бюрократия тоже наш враг»), Руслан Иманович написал эту книгу, я ее взял и в нашу библиотеку передал для того, чтобы это был какой-то мемориальный материал.

Теперь я должен сказать, тут звучали разные представления, но всех, кто вспоминает, я хочу призывать к тому, чтобы все-таки они вспоминали как бы всю гамму событий. **Добрый Верховный Совет, вполне, может быть, добрый, но проскрипционные списки, которые составлялись руководством этого, списки на аресты, они все лежат в архиве.** Кипа чистых бланков, подписанных Президентом Руцким, куда должны быть вписаны в случае удачи фамилии тех, кто не вошел в эти списки, которые были бы арестованы. Надо все-таки, чтобы была полная картина.

И теперь я призываю вообще всех, кто интересуется этим периодом нашей истории, больше работать в архивах. Мы делали сейчас выставку в Государственном архиве, посвященную 20-летию Конституции. Даже для меня, вроде бы все на твоих глазах, но когда мы стали смотреть хронику, вы можете прийти и посмотреть, ведь каждый из здесь сидящих на этих хроникальных кадрах немножко помоложе, чем сейчас, есть. И есть события 2 октября на Смоленской площади, есть события на Крымском мосту, все это видно. Жалко, ушел Илья Владиславович [Константинов. - Ред], его эмоциональное участие в этих событиях не только в его интересном и содержательном выступлении, но и запечатлены его жесты, и призывы, которые он, может быть, просто забыл. Я понимаю, что это память несовершенна, человек помнит так, как он хочет помнить. Но документы, к сожалению или к счастью, вещь очень упрямая.

Последнее, что я смотрел, готовя эту выставку, это материалы согласительной комиссии, которая проходила в Даниловом монастыре, и я уже Вите Аксютину говорил, что меня тогда просто поразило. Ведь есть стенограммы этих заседаний, есть стенограммы, не протокольные записи, а стенограммы. Приезжает Соколов с одним, вроде бы договорились, потом бах, через какое-то время возвращается и все по новой. Надо, мне кажется, больше внимания архивным материалам. Великолепно, что воспоминания есть, великолепно, что память сохранила, но если бы мы соединили этот личный взгляд с тем, что отложилось в архиве, а, повторяю, никаких ограничений в пользовании материалами этих 15-ти описей, этих почти 15 тыс. дел нет. Так что всех приглашаю в читальный зал Государственного архива, и призываю тех молодых людей, которых я вижу в зале, это, видимо, студенты, аспиранты, выбирайте темы. Все-таки 20 лет – это уже достаточный срок для того, чтобы без гнева и страха взглянуть на наше прошлое и постараться объективно нарисовать картину минувших дней.

БАЛАЗАР М.

Вопрос. Когда будет доступен архив исполнительной власти? *(Смех в зале).*

МИРОНЕНКО С.В.

Вопрос интересный. Мне тоже, например, хотелось бы знать, когда.

ПИХОЯ Р.Г.

Формально по закону в течение 30 лет срок. Это не только у нас.

МИРОНЕНКО С.В.

Во-первых, это зависит не от Федеральной архивной службы, не от руководства Государственного архива, это зависит от органов нашей исполнительной власти. Процесс этот идет, я должен вам сказать, мы получаем документы из президентского архива, получаем достаточно много, это не тысяча и не 2 тыс., это десятки тысяч дел, но материалов 1993 года, чтобы мы из Администрации Президента получили, такого нет. Материалы Правительства мы получаем регулярно, и 1993 год находится в Государственном архиве Российской Федерации, но значительная часть документов там по вполне понятным причинам имеет грифы, не столько, сколько в советское время. К открытой части, пожалуйста, приходите, занимайтесь, никто не возбраняет, но если нет процесса рассекречивания, то, к сожалению, мы не можем. Но эти документы мы храним.

ПИХОЯ Р.Г.

И, к сожалению, Сергей Николаевич Красавченко уже не Председатель Комиссии по рассекречиванию. С 1993 по 1995 гг. мы тогда много рассекретили.

МИРОНЕНКО С.В.

Это великую вещь вы сделали и великое дело.

АКСЮЧИЦ В.В.

У меня вопрос по поводу списка, который составлялся Верховным Советом. Списки на аресты.

МИРОНЕНКО С.В.

Да, пожалуйста, приходите, и никаких вопросов. Вы знаете, что они существуют.

АКСЮЧИЦ В.В.

Если бы я что-то знал, я бы не задал вопроса. Что-то подобное со стороны исполнительной власти у Вас есть в руках? Имеете ли Вы о них какие-то сведения, потому что то, что они были, я знаю потому, что Немцов позвонил мне после всего прошедшего, а поскольку Константинов и Немцов до этого всего выходили из партии, мы оставались и остаемся друзьями. Он мне позвонил и сказал: Виктор, ты в списках, если что приезжай срочно ко мне в губернию, я тебя там устрою.

МИРОНЕНКО С.В.

Что я могу сказать? В тех материалах, которые есть в Государственном архиве Российской Федерации я Вам абсолютно ответственно заявляю, таких списков нет. То, что они существуют, может быть, да, может быть, нет, я ни одного такого списка не видел.

СИГМАН К.

Кто стенографировал заседания в Даниловом монастыре?

МИРОНЕНКО С.В.

Это специальные сотрудники, был специальный Секретариат Верховного Совета, где стенографистки сидели и стенографировали. Почему в Даниловом монастыре все это было, потому что принимал участие Патриарх Алексей II, и было решено, что место заседания, эта согласительная комиссия будет у Патриарха. Надеялись, видимо, что его авторитет поможет в решении этой сложнейшей проблемы, но стенографировалось все Аппаратом Верховного Совета.

ПИХОЯ Р.Г.

Во всяком случае, я не знаю, чьим аппаратом стенографировалось, но, во всяком случае, оно оказалось в Верховном Совете. Возможно, стенографистки были и из Патриархата.

МИРОНЕНКО С.В.

Нет, Рудольф Германович, у них не было никаких стенографисток, что им там записывать. Каждая такая стенограмма имеет внизу подпись – кто ее составлял.

ПИХОЯ Р.Г.

Тогда нет вопросов.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Скажите, пожалуйста, среди тех документов, которые поступили в архив из Верховного Совета, по бухгалтерии и по экономической документации? Потому что есть вопрос, потому что большие денежные средства, Виктор¹⁵ говорил о том, что Союзу офицеров платили, но я знаю точно, могу свидетельствовать, что несколько человек из руководства Верховного Совета вышли из расстрелянного Белого дома с большими суммами денег, а Руслан Имранович недавно, выступая, правда, мы знаем, что его фантазия иногда заводит куда-то не туда, но, может быть, так и есть, он заявил о том, что в Белом доме до завершения этапа этого кризиса, были десятки миллионов долларов. Я так развел руками, потому что я долго там работал тоже: откуда миллионы долларов, наверное, это немножко фантазии Руслана Имрановича? А бухгалтерия может показать: сколько денег было и сколько осталось.

МИРОНЕНКО С.В.

Я могу Вам сказать совершенно определенно, что в Аппарате Верховного Совета существовало Финансово-хозяйственное управление, и материалы Финансово-хозяйственного управления есть. Не могу сказать, бухгалтерия ли, но Финансово-хозяйственное управление здесь описано, присутствует, никогда в жизни туда не заглядывал, потому что это невозможно.

Про доллары могу сказать, с удивлением, когда брали бумаги, кто-то, видимо, закладки какие-то делал, но не сотни тысяч и не тысячи, а 100, 200 долларов кто-то в книжечку засунул. Между прочим, мы составляли акты, и эти акты в архивном деле о деле Верховного Совета сохраняются, можно даже посмотреть. **Но это было, может быть, 400 долларов за все время нашли.**

АКСЮЧИЦ В.В.

По поводу долларов можно ремарку? Вообще по поводу денег. Дело в том, что мне руководство Верховного Совета дало деликатное поручение, сейчас об этом можно говорить. Я встретился с руководителем Центрального банка Геращенко по поводу как раз выплаты положенных финансовых ресурсов Верховному Совету. Виктор Владимирович вышел со мной на лестничную клетку в Центральном банке и сказал: «Вы же не хотите, чтобы меня тут же, как минимум, уволили? Поэтому я сейчас предлагаю совершенно законную акцию. Всему и Верховному Совету и его Аппарату набежала большая отпускная сумма, сейчас я эту всю сумму перечисляю». Это было еще в первые дни, когда колочей проволоки не было и когда Верховный Совет функционировал достаточно активно и в правовом поле. Так что такая операция была, абсолютно законная, кстати говоря.

¹⁵ Не было возможно установить, на кого ссылается С.Н. Красавченко.

Но затем средства информации, которые прознали про что-то такое, что были переданы средства, шельмовали Виктора Владимировича Геращенко тоже за то, что он поддержал путчистов, преступников, красно-коричневых, коммуно-фашистов и т.д., профинансировал их.

ИЗ ЗАЛА

Я хочу оттранслировать вопрос моей коллеги, которая задавала вопрос Рудольфу Германовичу. Был отсев, т.е. документы, не вошедшие в фонды архива из этого всего массива. Куда он делся?

МИРОНЕНКО С.В.

Что значит отсев? Если Вы представляете себе работу, то, конечно, дублетные экземпляры, а материалы Верховного Совета размножались в десятках, а иногда и в сотнях экземпляров, конечно, дублетные экземпляры – это одна из норм работы архивиста, когда он обрабатывает тот или иной архивный фонд, дублетные экземпляры не сохраняются. Конечно, если Вы имеете в виду под этим отсев, то это было. Отсев, как планомерное, злонамеренное уничтожение документов, конечно, нет.

ИЗ ЗАЛА

Я имею в виду документы, которые не имеют источником происхождения Верховный Совет, т.е. бумаги некоторых лиц.

МИРОНЕНКО С.В.

Объясняю – все личные бумаги каждый обратившийся в эту Комиссию человек получал. Например, Олег Румянцев, я его даже не узнал, он оброс такой бородой, он пришел и сказал: я хочу забрать свои документы. И мы сказали: да, Ваши личные документы – ради Бога, никаких вопросов.

ИЗ ЗАЛА

А невостребованные документы были?

МИРОНЕНКО С.В.

Конечно, были, их оставили, зачем их уничтожать, для чего? Я не могу за всех, кто обрабатывал этот архив, кто упорядочивал эти документы, говорить. Может быть, кто-то и счел это ненужным. Вы поставьте себя на место человека, который получает этот мешок, он начинает разбирать – это материалы этого Комитета, это важно, это нужно, дальше появляются какие-то записи, на клочках бумаги, человек что-то записывал, он это просто не уничтожил. Что бы Вы сделали? У Вас есть лимит времени, Вы должны все-таки понимать, что Вы не можете заниматься этим вечно. Человек посмотрел, и здесь многое зависит от квалификации этого человека. Если он увидел, что это важные наброски какого-то выступления, то, конечно, он это положил, а если он посмотрел, что это какие-то непонятные для него записи, конечно, он их выбросил, это ясно.

ПИХОЯ Р.Г.

Нужно отдать должное, у Вас там работали лучшие архивисты.

МИРОНЕНКО С.В.

Это, безусловно. Все, что было лучшее в архивной службе страны, работало в полном объеме для того, чтобы этот комплекс документов сохранить, и для того, чтобы он был доступен для исследователей.

Кстати, депутатов, которые приходили за своими личными бумагами, это еще до того, как их вывезли из Белого дома, было довольно много. Я думаю, что, во всяком случае, больше двух десятков было.

ШУБИН А.В.

Шубин Александр Владленович, в 1991-1999 гг. - сопредседатель Российской партии зеленых. Доктор исторических наук, общественный деятель левого направления. По его словам, 1993 год задал вектор, по которому в последующие двадцать лет двигалась страна.

Уважаемые коллеги!

Во мне борются сейчас две противонаправленные функции, функция свидетеля и функция историка, но, учитывая, что я выступаю ближе к завершению, Белый дом уже сгорел, выступили гораздо более важные свидетели. О роли третьей силы, к которой я тогда относился, тоже много сказали. Я, наверное, буду выступать больше, как историк, тем более, что и тогда, признаюсь, я тоже действовал подобным образом. Я составлял не один, конечно, очень слабую, но конкуренцию нашим уважаемым Сергею Владимировичу, нашим архивистам, т.е. бегал по Белому дому, который скоро, тогда не было ясно, сгорит или не сгорит, но понятно, что что-то плохое с ним все-таки сделают, и выносили разные бумаги.

МИРОНЕНКО С.В.

Это очень ценное признание, надеюсь, Вы их не уничтожили? (*Смех в зале*).

ШУБИН А.В.

Нет, они ждут, пока их изучу сначала я, а потом я их сдаю, наверное, по привычке в РГАСПИ, потому что мои бумаги уходят постепенно туда по мере моей обработки.

МИРОНЕНКО С.В.

Вы делаете незаконно. Поскольку материалы Верховного Совета.

ШУБИН А.В.

А я вступаю с Вами в дискуссию. Я был грамотный «расхититель общенародной собственности», я ее не трогал, потому что меня интересовала другая составляющая. Меня не интересовали документы, собственно, административно-государственного происхождения, потому что я, честно говоря, не думал, что сгорит несколько комитетов, тогда бы, может быть, похищал их. Меня интересовала роль общественных движений, собственно, к этому свое сообщение я начинаю склонять в некоторой степени. Дело в том, что во всю перестройку роль общественных движений была совершенно колоссальной, и действовали-то не бюрократы во многом, а действовали люди из неформального круга, у которых был свой бэкграунд, и когда шли какие-то переговоры, достигались договоренности, они возвращались в свою партию, им там говорили: нет, потому что у нас демократия, и у нас будет другое решение.

Что я делал? Я весь период перестройки коллекционировал документы общественных движений, у меня собралась довольно большая коллекция, которая все-таки тяготеет ни к ГАРФу в этом отношении, хотя, может быть, и к ГАРФу тоже. Я вынес очень большую пачку писем, пришедших в адрес «Радио парламент», по которому я тогда, собственно, выступал. Я посмел почитать эти письма с разрешения руководства «Радио парламент». Это очень интересный срез именно мнений сторонников и противников парламентской оппозиции, потому что есть и гневные письма, т.е. такой срез общества, впечатлений – что люди думали накануне 21 сентября и в первые дни самих этих событий.

Последний раз я был в Белом доме, наверное, 27 сентября, когда уже была плотная блокада, после этого я уже не был, но собирал документы вокруг. Поэтому могу говорить, как выражался Виктор Степанович Черномырдин, не просто как участник, но и как соучастник: существует такая огромная тема, параллельная. Когда вы нас призываете справедливо смотреть и туда, и сюда, а мы не можем оценить, что делалось в Администрации Президента документально, эти документы нам недоступны, документы гражданских движений доступны. И это очень важно.

Второе соображение, которое я хотел сделать, как историк, заключается все-таки в попытке некоторого обобщения. Тоже выйдет на некоторые собственные воспоминания. Все-таки что же это было-то? Мы сейчас обсуждаем – идет колонна туда или обратно, происходит столкновения или не происходит, сломали ребро или не сломали. И меня поразило, что Илья Константинов на этом основании оправдывает, по существу, действия властей 6 мая 2012 года, потому что там сломали ребро вождю движения, а здесь побили очень серьезно. Причем там тоже есть сломанные челюсти, если так это важно, и совершенно живого места на людях не оставалось, но вожди не пострадали в той же степени, и срок одному дали пока только условно. Но мы же должны понимать, что то, что началось тогда, эта тенденция развивалась дальше. **И очевидно, что события 1993 года вплоть до 2013 года имеют внутреннюю взаимосвязь.** В чем она заключается?

Она заключается в том, что тогда мы переживали революционный процесс. Революционный процесс или, проще говоря, революция – это не просто системный слом, системные изменения, это еще и битва за правила игры, которые наступят по завершению революции. **И точка 1993 года очень важна, потому что тогда решались уже правила игры, ведь люди, которые действительно были готовы стрелять друг в друга в октябре 1993 года и писали друг на друга проскрипционные списки, конечно, с обеих сторон это делали, потому что с той стороны эти аресты произошли, значит и списки были, что ж тут дискутировать.** Эти люди потом мило встречались в 1994 году, и Рущкой не пошел к Деду или к Бате, но, тем не менее, потом был избран губернатором Курской области, как мы все знаем. То есть, была установлена новая легитимность, и те, кто были готовы принять эту новую легитимность, вписались затем в те или иные социально-политические отношения, и установление новой легитимности. И суть событий 1993 года заключается не только в столкновениях, но и в принятии новой Конституции.

Многие считают, что 12 декабря прошел совершенно подложный референдум, я сейчас это не обсуждаю, правильно, неправильно, подтасовали, не подтасовали, но было сказано «Dixi»¹⁶, дальше начинается новая историческая эпоха, новый исторический период.

В этой связи те воспоминания, которыми я могу поделиться, но очень кратко сейчас. Полный текст моего доклада висит на сайте организаторов уже¹⁷, это «Конституционное совещание», которое было, на мой взгляд, последней реальной попыткой компромисса. Я думаю, что, когда Илья Константинов здесь говорил о диалоге с Немцовым, а с Немцовым я на эту тему общался очень подробно, и там немножко другая картина, но тут, конечно, лучше Бориса Ефимовича спрашивать напрямую, но, думаю, что все-таки сместились некоторые акценты в воспоминаниях. Речь, видимо, идет о событиях, конечно, не перед 1 мая, а марта 1993 года, когда была предпринята первая попытка переворота. Как мы знаем, в этот момент до логического конца дело не дошло. Опыт, видимо, как-то учитывался, и Конституционное совещание после референдума известного, это была

¹⁶ Используется в смысле: «Сказано, и все», обсуждение завершено.

¹⁷ <http://russie.hypotheses.org/1174>

попытка определенного нахождения какой-то общей позиции по Конституции, по правилам игры.

Говоря очень коротко, мы можем сказать, что динамика Конституционного совещания заключалась в том, что сначала президентская сторона избрала очень резкий конфронтационный стиль общения с парламентской стороной: известная обструкция Хасбулатову, уход пропарламентских участников Конституционного совещания, я был в их числе тогда. И тогда мы написали некие требования к президентской стороне, которая, я должен это признать, в данном случае, как свидетель событий, были полностью выполнены, и поэтому часть людей, которые выступали за сближение двух конституционных проектов, румянцевского и алексеевского, вернулись туда и продолжили эту работу. Дали возможность выступить Хасбулатову, он дипломатично заболел, но выступление Рябова было абсолютно беспрецедентным по нарушению регламента, т.е. говорите, сколько хотите. Была принята такая линия, изданы эти материалы, с ошибками, правда, но изданы. Мы можем посмотреть, какое это было развернутое изложение коллективной позиции Верховного Совета. Мы знаем последующую судьбу этого персонажа, но тогда он выражал коллективное мнение.

Далее. Можно сказать, что была еще одна очень важная третья сила. К числу третьих сил, как свидетель, я бы еще отнес достаточно тогда влиятельную организацию – Московскую федерацию профсоюзов, ФНПР в значительной степени, но я больше знаю о роли МФП, они тоже очень активно пытались играть роль, подобную роли Церкви в этом отношении. К ним относились достаточно серьезно, наверняка, в профсоюзных архивах, может быть, отложилась эта переписка, потом Клочкову мстили за его пропарламентскую позицию, но можно сказать, что МФП пыталась занимать некую третью позицию, это любопытно.

Огромная роль субъектов Федерации, мы не должны о них забывать, потому что они гнули свою линию, мы в коридоре говорили сейчас об этом. Конечно, нельзя ее ни идеализировать, ни обличать. Но применительно к противостоянию двух сил, и все-таки наша тогда позиция в Конституционном совещании была сугубо демократической. То есть можно говорить, что за этим стояли страшные Макашovy и Ачалovy, но я к ним никакого отношения не имел, так же, как Константинов не участвовал в этой работе.

Константинов сказал: я не участвовал и не состоял, я тоже не участвовал, не состоял, я повторяю то же самое, даже рядом не ходил. Но позиция в Конституционном совещании, которая отразилась в стенограммах, заключалась в том, чтобы продавить как можно больше гражданских прав, в моем положении, как представителя экологической общественности, там целая статья была у нас ударная, которая не соблюдалась потом никакими последующими режимами, но она есть до сих пор. Многие статьи не соблюдаются.

Рост все-таки роли местного самоуправления, конечно, парламентаризм и т.д. И я должен сказать, что, скорее всего, не благодаря нам, но благодаря позиции – третьей позиции субъектов Федерации, которые, повторяю, играли свою игру, здесь были достигнуты очень существенные подвижки, и очень многие статьи Конституции, которые сейчас грубо нарушаются уже в нынешний период правления, назовем это так, они были тогда с большим трудом пробиты в эту Конституцию. Это было, конечно, восстановление того, что мы делали с Румянцевым, против того, что потом нагородили Шахрай с Алексеевым, но это было сделано, два проекта были сближены в сторону Румянцевского, это можно просто сравнить по текстам.

И я считаю это большим достижением, если не говорить о том, что мы проиграли в главном, мы не смогли переломить ситуацию, видимо, не могли, в силу того, что очень авторитарно была организована вся работа, этот очевидный перекося в сторону

президентской власти, из которого и вытекают последующие политические тренды нашего государства, включая и нынешний период его развития. Поэтому, когда наши либеральные коллеги говорят сейчас очень критические слова в адрес нынешних репрессий, нынешнего авторитаризма, мы должны понимать, что революция кончилась в 1993 году, правила игры были тогда определенным образом намечены, и они сейчас приводят к тем результатам, которые имеются.

Однако, суть этой революции, конечно, не сводилась только к политической игре, к политической верхушке, к политической надстройке. И здесь, конечно, очень бы хотелось хотя бы кратко проникнуть в социальную суть явлений, что за этим стояло, что в этом видели простые люди, которые писали эти письма, может быть, в «Радио парламент», другие инстанции, что отложилось в многочисленных архивах.

На мой взгляд, революционный процесс, который мы тогда переживали, имеет как минимум 2 или 3 этапа в своем развитии, здесь мы говорим только о финале. Началось это все в перестройку, первоначально ставились очень высокие задачи революции, которые можно называть постиндустриальными, посткапиталистическими, различные модели демократического социализма, что потом теми же людьми, которые это тогда провозглашали, воспринималось, как утопия. Но населением это как утопия не воспринималось, потому что население после отказа от этого общего движения к новому социализму раскололось. Мы помним 1988 год, какие были во многом общие ощущения. Одна Нина Андреева против, все остальные за. И раскол-то, даже не раскол, а разногласия были по поводу того, что надо двигаться быстро или надо двигаться медленно. Разумеется, была и Новодворская с другой стороны, были люди, выступавшие за либеральные, консервативные и прочие ценности, но, если мы говорим о мейнстриме, он двигался в сторону «Вся власть Советам, фабрики тем, кто на них работает», лозунги такого идеализированного 1917 года.

К 1993 году, конечно, мы можем сказать, что это направление в революции потерпело поражение, связанное со многими причинами, о которых я сейчас не имею возможности говорить. Наступил другой этап, который, очень условно, все мы выросли из марксистской «шинели», некоторые в ней выросли, но остаются в этой «шинели», все-таки мы можем охарактеризовать, как буржуазный в том смысле, что, действительно, выиграла буржуазия, выигрывали новые капиталистические слои, которые формировались на наших глазах.

Я только хочу обратить внимание, что, если для классических буржуазных революций, о которых мы знаем, это был процесс, условно говоря, прогрессивный, т.е. движение от некой более архаической фазы к индустриальному обществу, то к Советскому Союзу такая модель не подходит, потому что движение шло в прямо обратном направлении, индустриальный комплекс был уже создан, современное городское общество было уже создано, и такая буржуазная революция была путем в третий мир, т.е. общество, которое является переходным от аграрного к индустриальному, т.е. движением назад. И в этом движении назад поменялись все вектора, это очень любопытно.

Недавно у меня было развернутое интервью о событиях 1993 года, у нас состоялась в Интернете блиц-дискуссия с еще одним героем вчерашних дней, все мы к ним немножко относимся, с Сергеем Станкевичем, который, как историк, в данном случае сравнил эти события с Французской буржуазной революцией, и сказал: Белый дом – это якобинцы, они хотели отстаивать социальные ценности, а Ельцин – это, соответственно, термидор, этот термидор должен был завершить революцию, все естественно и нормально. Все было, на мой взгляд, с точностью до наоборот, потому что именно ельцинская сторона, я

сейчас не оцениваю ее позитивно или негативно, выступала за радикализацию и углубление процесса перемен.

А если говорить о Белом доме, то он сформировал очень важную и, на мой взгляд, очень актуальную для нашего времени социал-консервативную коалицию, т.е. сохранить хотя бы то, что осталось, на чем-то остановить этот процесс, создать все-таки, если мы посмотрим речь того же Хасбулатова, социал-либеральное государство, а все-таки не неолиберальное, сохранить определенные формы советской культуры политической, советской демократии, завоеванной в период перестройки, хотя бы эти формы. И то, что было сделано в данном случае Ельциным, его сторонниками – это соединение такого термидорианства в социальной политике с радикализмом, если хотите, якобинством в политическом курсе. И именно поэтому не получилось такого веселого 18 брюмера, как это планировалось, или 3 июня 1907 года, потому что революции выдохлись, приходит наследник и просто берет свое.

А здесь, чтобы завершить революцию, нужно было доделать ломку, что потом мы и наблюдали, а это противоречило, действительно, интересам широких социальных слоев, это провоцировало углубление раскола, и в этом отношении такое жесткое сопротивление было неизбежным.

Какой урок мы из этого можем извлечь? Он очень прост. Поскольку, с моей точки зрения, мы довольно далеко ушли от советского общества назад, а не вперед, если Россия хочет двигаться дальше вперед, не обязательно по той же дороге, по любой другой, мы неизбежно придем к новому прочтению тех проблем, которые тогда не были решены страной, т.е. страна не решила тогда проблемы демократии. Если мы хотим иметь в будущем современное, не архаичное, модерное или постмодерное общество, мы должны будем вернуться к этой проблеме демократии, к проблеме парламентаризма, дискредитированного тогда сознательно, и это приводит сейчас к тяжелейшим последствиям. Мы переживем еще один 1993 год, но хочется, чтобы мы пережили его умнее, гуманнее и с учетом невыученных уроков этого времени. Спасибо. (Аплодисменты).

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

В 1993 заместитель руководителя Администрации Президента. «Конституция – это выход из конституционного кризиса».

Я, как участник. Слово здесь не монополизируется, поэтому здесь другие люди тоже захотят выступить.

Во-первых, несколько слов коротко тоже по первой задаче нашего сегодняшнего заседания, очевидец, т.е. своими очами. Мы здесь слышали Илью Владиславовича [Константинова. - Ред] . Жалко, что он ушел, я думаю, что мы с ним могли бы подробнее поговорить на эту тему, может быть, он бы со мной не согласился. Глеб Олегович Павловский тоже, оказывается, участвовал в событиях 2-го октября на Смоленской площади. Илья Владиславович, оказывается, когда я его спросил: а что? У меня были совершенно другие впечатления от 2 октября на Смоленской, когда, как рассказывал сегодня тоже Музыкантский, мирное веселье на Арбате, 500 лет Арбата, а в это время на углу Арбата с Садовым кольцом в конце Смоленской площади разгорается просто шабаш, мародерство. Я скажу, почему я там оказался, ни в том, и ни в другом случае.

В это время, когда покойный Саша Брагинский, о котором несколько раз упоминали, он был дежурный по мэрии 2-го и 3-го, почему-то два дня дежурил, я дежурил в это время по Администрации, и мы встретились, там какие-то происходят события, подъехали совершенно открыто, вышли, там уже машины не могли проехать, мы с ним подошли к

этому почти перекрестку, напротив МИДа. Там собиралась, действительно, толпа людей, часть были зеваки и проходящие, но остальные люди, это были, честно говоря, внушавшие, мягко говоря, тревогу и озабоченность. Явно спортивного вида, стройные такие, один из них просто подошел к нам с Брагинским сзади и говорит: Сергей Николаевич, мы Вас знаем, Вы наш депутат от Университетского округа, сегодня Вы на площади, но завтра будете на фонаре болтаться, учтите, и Вы, говорит, Брагинский тоже. Я говорю: откуда, как Вы можете знать? Он говорит: я – офицер, мы имеем задание, мы будем выполнять.

Естественно, мы не стали звать охрану, там было 500-600 человек. Потом в это время, когда Музыкантский искал Ельцина на Арбате, как он сказал, и охрана искала Ельцина, в это же время на конце почти на перекрестке, где сейчас магазин «7-ой континент», был Арбатский гастроном, там была большая концертная площадка, концерт для москвичей, которые пришли на праздник своей любимой улицы. Там началось то, что сегодня Илья Владиславович назвал митингом. И те демонстранты, которых Музыкантский называл демонстрантами, но которые не имели никаких лозунгов, эта толпа мародеров и погромщиков пошла просто на наших глазах на эту музыкальную площадку, эстраду с палками, дубинами, кто-то с ножами. Естественно, какая там милиция, смели, и просто разгромили, расшвыряли, раскидали барабаны, музыканты побежали и т.д. Это был просто жуткий погром.

Я звоню в соответствующие органы, Брагинский звонит, но, на самом деле, ситуация была такая, что милиция не владела. Говорят, что им был дан такой приказ, но я об этом точно так же, как здесь звучало, не слышал, чтобы милиции сказали, чтобы допускать такое, такого не было. Было такое настроение, действительно, у милиции. Не знаю, московская она была, скорее всего, московская. Вот такая ситуация была, а Илья, наш старый товарищ, мы начинали с ним вместе работать. Он был в моем Комитете по экономической реформе и собственности до 1992 года. Кстати, до поездки в Южную Осетию. После поездки из Южной Осетии, которая никакого отношения к работе нашего Комитета не имела, это было после августа 1991 года, Илья Владиславович вернулся и сказал: Сергей, извини, я выхожу из Комитета, у меня другие задачи, я буду решать другие задачи, меня ваши экономические реформы уже не интересуют. Что дальше было, я хотел бы с ним говорить.

Причем Вы тоже сказали: Южная Осетия, я просто сопоставляю. Дальше он говорил о том, что митинг был, и он увел людей по Старому Арбату. В это время то, что мы видели, никаких митингов не было. Я спросил здесь уже: Илья, как ты мог увести людей, когда там праздник, как ты мог их по старому Арбату провести, куда? К «Художественному» кинотеатру, на Арбатскую площадь? Он сказал: это было вечером, это потом уже было. Я к тому, что надо оценивать факты, как они были и есть на самом деле. Возможно, какую-то группу он провел потом. Я спросил: что за митинг, чему посвящен? Он сказал: те люди, которые возмущены, не разошлись после того, что было днем, а днем было то, что я вам сказал, причем во главе там опять же появился наш московский депутат Уражцев. Прежде мы с Уражцевым вместе шли на выборы – я по Университетскому, а он по Гагаринскому округам, друг друга поддерживали. Сейчас же, 2 октября, он мне сказал: уходи отсюда, не одобровать.

Второго мирная демонстрация, митинг, и то, что мы видим на самом деле. Сергей Владимирович [Миронко – Ред.] сказал, что есть хроника. Илья Владиславович, вдогонку Вам говорю, посмотрите хронику, что это была за мирная демонстрация и митинг в защиту Белого дома, и вы все поймете своими глазами.

Теперь по поводу того, что Илья Владиславович не ответил, он сказал: я не знаю, что там было на 5 или 6-м этаже этого корпуса, который выходит на Красную Пресню. Почти ежедневно, это тоже как бы очевидец и свидетель, начиная с декабря 1992 года, там проходили напряженные оперативные совещания с участием Союза офицеров, я не знаю, почему Илья сказал, что ФНС к этому отношения не имел. Возможно, я не хочу бросить камень, может быть он и не участвовал, может быть его не допускали, не знаю. Но все время шло это. Я, честно говоря, тоже далекий тогда от всяких спецслужб, как и сейчас. Мы, Комитет по экономической реформе, занимались своими законами до мая, и с Администрацией не было контактов по таким вопросам. Я не знаю, спецслужбы отслеживали, не отслеживали, но там явно происходило такое, причем можно было посмотреть, я как-то поинтересовался в книге гостей, приглашенных, кстати, это тоже может быть есть в архивах.

Пропускная система – кто приходит в Верховный Совет. Я знаю, что я подписывал в Комитет по экономической реформе, и там будут специалисты по экономике, юристы, известные общественные деятели, артисты или писатели, которые в чем-то хотели принять участие, все. Там – военные из Приднестровья, представители казаков, какие-то профсоюзы, которых никто не знал, Независимый профсоюз горняков, еще что-то, т.е. явно собирались. Что, какое имело это отношение к законодательной деятельности того, что мы называли парламентом?

Это не парламентская работа, это была работа по подготовке некоего силового варианта. Допускаю, что, имея информацию, я, например, не имел, честно вам скажу, хотя потом пришел работать в Администрацию, что знали, что готовятся, как сегодня Илья сказал, такие действия силовые со стороны Ельцина по захвату власти. Возможно, но там точно шла работа такая, которая потом реализовалась в том, кто скопился в Белом доме, откуда появились эти отряды, откуда эти, откуда эти.

И поэтому вполне понятно, тот же Юрий Михайлович Воронин, который приехал, еще там один зампред мне сказал, который со мной раньше работал, тоже воспитанник нашего Комитета. Он говорит: нам еще пару дней не хватает. Еще приедут, еще придут сторонники Верховного Совета. Поэтому и срывают переговоры и договоренности у Патриарха. Кто подъедет? Я уверен, и Виктор сказал, что на самом деле, конечно, это не должны были быть и не были к этому готовы, не намеревались воинские части. Это был расчет на нерегулярные, на тех людей, которых можно вооружить, или кто может вооружиться сам.

Очень странно, по-моему, сегодня Илья сказал, или Виктор, что, оказывается, я даже не знал этого, в Белый дом пропускали с оружием. Это замечательно было, им не только раздали оружие, которое было в Белом доме, но и в Белый дом приходили люди со своими оружием, включая баркашовцев.

Один вопрос здесь поднимался. Как же так, куда делись, 3-го числа столько москвичей пришли возмущенные, прорвались с Октябрьской площади к Белому дому, скопились, вот оно живое кольцо и победа близка, как будто это август 1991 года. И вдруг – а куда делись, кто-то задавал вопрос, эти возмущенные москвичи? Ответ: это не только москвичи. Илья говорил, что он хотел их отвратить, это отряды, подтянувшиеся из других районов, регионов и т.д., на кого рассчитывали. Мы знаем прекрасно, что москвичи, к их беде, и, к нашему общему огромному сожалению, может быть, в результате нашей общей вины, москвичи там погибли, молодые москвичи, это ужасно. Они не ушли, потому что это были те, кто были собраны, я думаю, тем Оргкомитетом национального спасения или какого-то, который организовывал это.

Видную роль в этом играл, кстати, Геннадий Андреевич Зюганов. Не знаю, Виктор, ты видел его на 5-м, 6-м этаже. Регулярно? Геннадий Андреевич Зюганов, который тоже, как очевидец, могу сказать, он предупреждал о том, что мы готовим ситуацию, как он сказал «Ч». Калининград, дискуссия по референдуму, я тоже, как очевидец, докладываю, приехал туда с группой. Там писатель Анатолий Приставкин, мы выступаем на телевидении, агитируем за «Да, да, нет, да», одновременно приезжает группа по главе с Зюгановым от журнала «Наш современник». Такая встреча с ними в кинотеатре Калининграда, я туда пошел, хотя меня предупреждали: не надо. Что ж бояться своих людей! И Зюганов выступает под крики, шум, призывы собравшихся: Зюганов, Зюганов! Он выступил, взгляд такой был и образ такого человека, облеченного суровыми полномочиями, такой поступью, вчера упоминался, как бы командор, вышел и сказал: «Время Ч близится». Это начало апреля 1993 года, а я, говорит, поверьте мне, он вообще работал в отделе пропаганды, по-моему, ЦК КПСС, но он сказал: я – специалист по этим делам, по ситуации Ч, я и в ЦК этим занимался, у меня связи с армией и т.д. Может быть, он, конечно, преувеличивал свою роль, и не случайно, что как бы исчез до 4-го на некоторое время.

Я хочу предложить, если вы хотите, в Резолюцию, в Постановление. Надо поблагодарить организаторов конференции. Эта тема – одна из важнейших тем, как и ряд других тоже. Но самое главное – задача историков, и здесь настоящие историки присутствуют, истинность источников и истинность факта. Трактовки могут быть, но главное – это истинность, поэтому, когда отдельные мы видели и вчера, и сегодня слышали, когда – «а это я знаю оттуда, это могло быть, могло не быть, а я этого не знаю», значит, это не факт, значит, это нельзя класть в основу, ни версии, ни концепции и т.д.

И еще одно. Вчера Виктор Леонидович Шейнис, это тоже как бы к итогам нашей дискуссии, уважаемый наш коллега сказал, что история все-таки имеет сослагательное наклонение. А что если бы? Поэтому, если это этим его советом воспользоваться к тому, что было бы, если бы, то тогда что произошло, мы уже знаем. Выходом из конституционно-политического кризиса 93-года, я как бы возвращаюсь к теме нашей конференции, стала Конституция, произошедшие на основе Конституции выборы. Мы можем критиковать, у меня самого масса претензий к этой Конституции, но **Конституция – это выход из конституционного кризиса**. Выборы, которые дали возможность всем силам, участвовавшим в конфликте, проявить себя, кроме тех, кто был арестован, но они через некоторое время получили возможность быть и депутатами.

АКСЮЧИЦ В.В.

Народный депутат России (1990-1993).

Я открою секрет, дело в том, что я только сейчас понял: все происходило в моем кабинете на шестом этаже. (Смех в зале). Я не понимал сразу, потому, что рассказы о происходящем там не имеет никакого отношения к тому, что там происходило. Дело в том, что у меня был большой кабинет, и в мою партию перешел моим заместителем Константинов Илья, перешел и в наш Комитет, получил кабинет поменьше напротив. Мы с Ильей поселились в его кабинете, а большой кабинет отдали под офис нашей партии и разного рода общественных инициатив. И это, господа, нормально, потому что это был период становления многопартийности, по-другому невозможно было. Депутаты были лидерами партий, и, естественно, вся их партийная деятельность во многом проходила в Верховном Совете.

Затем мы с Ильей несколько разошлись. Он организовал Фронт национального спасения, я и наша Христианская Демократическая партия – не вошли во Фронт, но активисты Фронта продолжали заседать в этом кабинете. Более того, открою секрет, ЦК партии

коммунистов собирался в моем кабинете. Почему? Да, потому что я демократ, был им и остаюсь. Когда-то я вместе с Зюгановым выступал в популярной телевизионной программе «Красный квадрат», Мигранян у меня спросил: «Виктор Владимирович, а почему Вы, антикоммунист, соглашаетесь с коммунистом?». Я на это ответил: «Я антикоммунист, когда слышу, что коммунисты на черное говорят черное, я вынужден согласиться, ибо меня интересует истина. И я, как демократ, считал возможным и нужным предоставить возможность создания Коммунистической партии России в моем кабинете, хотя я – антикоммунист, и это я тоже считаю нормальным».

Другое дело, что это не мешало мне во многом не соглашаться с коммунистами, в частности, я не согласился с тем, что Зюганов за день до расстрела парламента выступил по телевидению и призвал коммунистов уйти из Дома Советов и не выходить на улицы. Так что на самом деле в моем кабинете все эти организации, зная о готовящемся перевороте, занимались нормальной политической, общественной деятельностью, они не занимались военной организацией какого-то сопротивления, там вообще об этом речи не шло. Если там был Терехов, Союз офицеров, почему нет? То, что Терехов потом совершил провокационную акцию во время этих событий, так это вина Терехова, а не тех, кто с ним рядом сидел. Баркашова там никогда не было, поскольку к нему мы изначально относились, как к провокатору. И обсуждались там только разного рода мирные инициативы.

Я приводил пример, почему с Торезом Кулумбековым этим легендарным президентом Южной Осетии, который сидел в Грузии в тюрьме, потом его выпустили, он – человек-легенда, эти 300 спартанцев, которых он привез, руководство Верховного Совета отказалось выставить в охрану Дома Советов. Почему? Представьте себе, если бы спецназ стоял вокруг Дома Советов, вообще история могла пойти по-другому. Почему? **Да, потому что депутаты рассчитывали совершенно на другое, на мирное противостояние, рассчитывали на то, что соберется народ, который власть не посмеет расстрелять, и тогда те воинские части, к которым мы обращались, депутаты, и регионы, и руководители регионов поддержат законную власть, вот на что был расчет.** Поэтому наводить тень на плетень, что, якобы, в какой-то комнате на 6-м этаже был заговор вооруженного сопротивления, это вообще никакого отношения к никакой реальности не имеет.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Виктор Владимирович, только один вопрос: что на Вашем этаже был только один Ваш кабинет?

АКСЮЧИЦ В.В.

А Вы можете назвать другой кабинет, где это было, где заседал Фронт национального спасения? Все это было в этом кабинете.

ЖУРАВЛЕВ С.В.

Заместитель директора ИРИ РАН.

Я хочу не выступать, я хочу еще одну тему затронуть. Здесь есть много о чем говорить. Но мне бы хотелось с учетом того, что времени очень мало, поднять еще одну тему. Сергей Николаевич Красавченко, действительно, уникальный источник информации, но почему-то все-таки об одной, наверное, принципиально важной стороне своей деятельности в это время ничего пока еще не сказал. Я бы хотел призвать его рассказать об этом. Дело в том, что он был одним из руководителей Администрации Президента в условиях кризиса. И, когда мы поднимали вопрос о том, сохранились ли документы, что осталось от документации президентской стороны, когда эта документация будет

доступна, будет ли вообще когда-нибудь доступна, то, конечно, в какой-то степени Сергей Николаевич своим рассказом об этой ситуации мог бы восполнить полное отсутствие информации президентской стороны.

Меня, в частности интересует, какие оперативные структуры существовали в Администрации Президента в условиях кризиса, я имею в виду оперативный штаб, который действовал, в который Вы входили, совещание, которое в почти ежедневном режиме в это время, какие решения принимались, в том числе я читал, откровенно говоря, некоторые стенограммы этого штаба, там в достаточно императивном порядке давались указания средствам массовой информации, помощникам Президента, министрам, военным и т.д. и т.п. Эта сторона деятельности, т.е. как в условиях кризиса действовала президентская сторона? Были ли созданы чрезвычайные органы, которые в ежедневном порядке отслеживали ситуацию, выработывали решения, механизм решения и т.д. Я считаю, что если уж мы здесь собираемся для того, чтобы некоторые вещи прояснить, то Сергей Николаевич здесь уникальный источник информации. Я бы попросил его именно об этом рассказать.

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Я подробно не буду, потому что времени мало, я сразу отвечу, что оперативного штаба, о котором Вы говорите, такой орган был в силовых структурах, где-то, но судя по тому, что происходило, вряд ли он существовал, потому что никаких активных следов деятельности оперативного штаба в Администрации Президента 3-4-го октября незаметно. К сожалению, был бы оперативный штаб, было бы меньше противоречий, суеты, не было бы, как говорили, погибших в результате перестрелки между разными силовиками, видами.

Второе. Я совершенно понимаю, ничего секретного в этом нет, и, наверняка архив Президента может заинтересованным... Я не знаю, там есть какие-то определенные правила передачи документов из ведомственного архива в архив Сергея Владимировича Мироненко, но, действительно, после того, как вокруг Белого дома завязались эти события, где-то числа 27-го – 28-го, я недавно пришел в Администрацию работать, курировал деятельность аналитических центров, их там было 3, было принято решение, чтобы проводить мозговые. Я видел в книжке, которую вы сделали вместе с Рудольфом Германовичем, там неточность немножко есть, о том, что собирался Экспертно-аналитический совет. Никакой не оперативный штаб, и это не был экспертно-аналитический совет, который был создан потом в 1994 или в 1995 гг. значительно в другом составе, чем тот, который перечислен у Вас.

Действительно, была создана группа, я возглавил ее и собирал людей, не работников Администрации, и там вы могли заметить – ни одного силовика нет, и ни одного министра или вице-премьера, ни руководителя отделов Администрации. Это были представители думающей интеллигенции, мы собрали часть президентского Совета, потом канувшего в бездну, к сожалению. Там были в разный период журналисты, ученые, был один отставной политик Геннадий Эдуардович Бурбулис, который руководил Фондом «Стратегия» в это время, там был Сатаров, как член Президентского Совета, Саша Лившиц покойный, к сожалению, Царство ему Небесное, были социальные психологи, короче говоря, специалисты по тому, чтобы выработать какие-то рекомендации для решения этого кризиса.

Здесь звучал вопрос о том, что президентская сторона сделала для защиты граждан-москвичей? В том числе, одна из задач – что сделать, чтобы минимизировать потери, как политические, нравственные, материальные и, самое главное, не дай Бог, еще и людские потери. Тогда не виделось нам, что такое произойдет – 158 человек. Поэтому мы,

действительно, заседали каждый день. Смешно было, вздрагивали члены нашей аналитической группы, это был кабинет, где Сталин сидел. Но ничего такого, что продиктовал бы дух товарища Сталина, не было. Вы сказали, что были жесткие поручения. Я понимаю, что Вы воспользовались не оригиналами протоколов, поскольку, к сожалению, надо пойти в архив и попросить. Если надо, я могу попросить, я бы к ним обратился. Вы воспользовались публикацией одного канадского журналиста, который, я догадываюсь каким образом, у нас были сотрудники моего Аппарата, которые фиксировали, там велась стенограмма, а потом мы выделяли основные идеи, которые были высказаны, и потом я сидел и говорил: это мы отправляем Ельцину, это мы отправляем кому-то, пусть думают, что, как, какие решения принимать и т.д., какие меры принимать для того, чтобы мирным путем урегулировать этот конфликт.

То, что Вы сказали, что там были жесткие указания силовикам, не могли быть. Скажите, пожалуйста, жесткие указания Президенту. Если там было лаконично – Президенту выступить и сказать: давайте жить дружно. (*Реплика в зале*). Значит, он умный человек, значит, он согласился с группой интеллектуалов, мы не могли ему приказать. Теперь Вы говорите – указания средствам массовой информации. Как могла аналитическая группа людей, я даже забыл, какое в аппарате было решение о создании этой группы для того, чтобы можно было заказать чай и бутерброды, если люди проголодались, для этого надо было оформлять какое-то решение. Она называлась группа по анализу ситуации и что-то такое.

Теперь Вы знаете, что в это время и после, о чем могла быть речь, чтобы какая-то группа, даже Ельцин не мог дать указания «Независимой газете» сделать то-то, Гусинскому на НТВ сделать то-то, я не помню, было уже НТВ или не было. Было. Уверяю Вас, никаких таких поручений, могла быть рекомендация: обратиться к средствам массовой информации, чтобы изложить, что-то донести до общественного мнения. Я понимаю Вашу озабоченность тем, что был создан какой-то надконституционный орган, ГКЧП какое-то, которое могло вообще и Президенту дать указания, и Черномырдину, и Третьякову в «Независимой газете», обязать сделать то-то и т.д., или «Аргументы и факты» подключить. Это было чисто аналитическое.

А то, что попало к канадскому журналисту, это были протоколы, которые вели эти сотрудники, я даже знаю кто, потом я выяснил, и за сколько он продал, бутылку или за что, не знаю, может быть, чуть больше. И там, возможно, были какие-то черновики.

ПИХОЯ Р.Г.

В 1993 г. Главный государственный архивист России.

Спасибо, коллеги, но тут важный очень вопрос поднял Сергей Владимирович. Я думаю, что его надо реализовать, т.е. я думаю, что одно из реальных результатов нашего обсуждения должно стать обращение в Администрацию Президента с просьбой о проведении рассекречивания документов, связанных с обстоятельством принятия Конституции, а конституционно-политический кризис этого времени – это составная часть процедуры принятия Конституции. И я полагаю, что, действительно, мы можем попросить, есть расчет на то, что эти документы...

КРАСАВЧЕНКО С.Н.

Я думаю, что какая-то часть не может быть засекречена.

ПИХОЯ Р.Г.

Вопрос в другом. Архив Президента в его оперативной части практически не доступен для исследователя, это мы с вами точно знаем. Поэтому лучше, если будет проведено

рассекречивание этих документов, и они будут нормальным образом переданы в этот Фонд 100026, о котором рассказывал Сергей Владимирович [Мироненко. – Ред]. Я думаю, что это будет правильное решение вопроса.

Пожалуйста, кто хочет выступить? Простите, коллега, мы уходим в дурную бесконечность. Я просто вынужден это делать, иначе мы заходим в дурную бесконечность. Новый выступающий, иначе это неправильно. Каждый из нас абсолютно прав, и в этом мы правы. Пожалуйста.

ТРУСЕВИЧ О.Г.

В 1993 году член «Бригады медпомощи имени Максимилиана Волошина».

Я понимаю, что нет времени на рассказ очевидца, и немного участников событий, очень важно оценить свою роль тогда в тех событиях. Абсолютно рядовой участник, абсолютно рядовой библиотекарь Исторической библиотеки. Какие бы вопросы я, с точки зрения уже сейчас человека, знакомого с историческими документами, задала бы тогда себе?

Первый же вопрос, который я бы задала, это каким образом человек, который полностью 100%-но поддерживал курс Ельцина в 1991 году, у которого масса знакомых стояло в живом кольце, которым я сильно завидовала, каким образом, в 1993 году я оказалась в первые моменты события на стороне Верховного Совета?

Это долго отвечать, но если коротко, то, прежде всего, на меня влияло окружение, разговоры, которые велись в моей семье, у меня на работе, по телевизору. Когда Яковлева сменил Полторанин, телевизор, Гостелерадио смотреть стало невозможно, т.е. эта апология президентства, просто видно, как журналисты стали заниматься самоцензурой, как начались специально подготовленные передачи, стал нарушаться баланс новостей. Над референдумом смеялись на всех знакомых мне кухнях именно потому, что приходили агитаторы, которые очень топорно агитировали именно за «ДА, ДА, НЕТ, ДА». Я голосовала «ДА, ДА, НЕТ, НЕТ», это, конечно же, ошибка, потому что это нестабильность какая-то. Что значит не надо переизбирать ни того, ни другого, но я и была возмущена как обычный гражданин, что мне так ставят вопрос: давайте одобряйте экономическую политику, но экономическая политика многообразна, что-то одобряю, что-то категорически не одобряю, в частности упоминавшиеся здесь начатки приватизации, и это 1993 год – это год МММ, всяких пирамид, всяких истерий, безумия.

И вопрос: нужно ли избирать? Для меня это была нестабильность, как можно переизбрать обоих. Сейчас мне говорят: почему бы, нулевой вариант хороший. **Не очень мне верилось, что правильно подсчитали референдум.** Меня тут в кулуарах почти убедили, что да, подсчитали правильно, все верно. Тогда не было культуры вбросов, но культура правильного подсчета мне почему-то не очень кажется, что была, особенно в декабре выборы были совмещены с выборами в Совет Федерации, и тогда тогдашние главы регионов должны были продвинуть своих людей в Совет Федерации. Ну и что, они очень легко добрасывали на явке, чтобы продвинуть своих людей во втором бюллетене в Совет Федерации, они добрасывали эти бюллетени или считали «правильно», а чтобы явка сошлась, приходилось увеличивать, соответственно, и Жириновскому добрасывали, коммунистам добрасывали голосов. То есть, эта культура к декабрю, без танков, правда, очень сильно проявилась. И поэтому я считаю, что нынешние выборы тоже откуда-то оттуда идут.

И это состояние несправедливости, понимание того, что справедливость нарушена, что люди из исполнительной власти уже позволяют себе гораздо больше, чем то, что они провозглашали в 1991 году, оно начинало превалировать, поэтому я довольно быстро переориентировалась.

Вопрос второй, который я бы задала этому библиотекарю.

Скажите, пожалуйста, а в этот период недели с 21 по 2-е число до начала серьезных кровавых событий участвовали ли Вы в массовых беспорядках? Я сказала бы: да, участвовала, и такие беспорядки были, потому что, конечно, были и праздники, как нам тут рассказали, но по той литературной шутке о том, что сначала намечались торжества, потом казни, потом решили совместить, к сожалению, и до 2-го числа, 28-го, тут Илья Владиславович Константинов рассказывал, и до этого народ собирался по улицам. Народ собирался не только в рамках Закона «О митингах», не только подавая заявки и соблюдая время и место проведения митингов, но и просто собирался, в том числе, когда началась жесткая блокада Белого дома, улицы начали перегораживать.

Я лично просто, может быть, ища компанию, ища людей, которые, может быть, скажут что-то умное, то, что прояснит в моей голове ситуацию, я ходила с такими толпами и лично волокла какой-то мусорный бак, помогала перегородить Дорогомиловскую улицу. Это потом я узнала, что нами руководил такой Маляров. И Константинова я там довольно часто видела среди этих людей.

И ОМОН тоже, что меня отвратило от президентской стороны, то, что митинги 80-90-х годов при идеально вежливой милиции проходили, правда, очень многочисленные митинги, а потом космонавты, да, невооруженные, но дубинка для простого человека в руках милиционера – это не слабое оружие. И 1 мая, когда, действительно, достаточно разгоряченная толпа с уже неприятными лозунгами и призывами, я согласна, прежде всего, 1 мая пошла в сторону моего дома, я живу на Ленинском проспекте. И, когда они шли в сторону Ленинского проспекта и гипотетически Лужников, по-моему, они сами не знали, куда шли, их встретили, зачем-то им перегородили дорогу, очень жестко начали наступать и возникла драка, они положили рядом 5 своих людей всех в крови, правда, даже скорую им не стали вызывать, и 1 мая, история – вещь очень мстительная, был случайно задавлен сотрудник милиции между автобусом и грузовиком. Когда я видела репортаж об этом по телевизору, он был абсолютно извращенный, хотя тогда тоже уже милиционеров били и камни в них кидали из Нескучного сада, там была куча камней рядышком, оказалось, рядом с этим проспектом был парк. Это события 1 мая. Потом «Мемориал» об этом выпустит доклад. Но я еще не член «Мемориала».

Я бегу, и 28 у Краснопресненской попадаю в месилово, и в этой атмосфере возникает праздник на Арбате 2-го. Поймите состояние. 30-го числа, как я сказала, я пробирюсь в Белый дом, тоже в надежде понять, почему, что происходит, кто нам находится, **но вижу у баррикад, конечно, не 1991 года людей, не веселых, легких, молодых, среднего класса, а сложных со сложной судьбой, очень много одиноких, неустроенных людей, пенсионеров, приверженцев Анпилова и т.д., коммунистов, тех, кто не любит евреев и т.д.** Я все-таки пробралась к ним через оцепление, я говорила, что там мой муж, пустите меня, я его остановлю. Таким образом, я прошла, меня пропустили, думали, что я их уговорю, а я не собиралась их уговаривать, а просто отдала сумку, взяла их письма, потому, что опять-таки чувство справедливости, чувство слабой стороны, которую окружили колючей проволокой, и взяла их письма родственникам. Но ушла, поняла, что это не моя война, что это не моя компания.

Когда я потом присоединилась к бригаде имени Волошина, это были близкие мои знакомые тоже по институту некоторые люди и т.д., но тоже у меня не было каких-то колебаний, потому что я считала, что я иду защищать тоже в своем роде Верховный Совет, именно когда их будет бить милиция дубинками, буду лечить царапины, бинтовать, в крайнем случае, шину наложу. Я понятие не имела, что будут стрелять. Это было настолько неожиданно. То есть, я видела людей с оружием, да, у Верховного Совета

иногда появлялись очень редкие товарищи, вооруженные автоматами, но я не представляла, я думала, что это все просто угрозы. Увы.

И не буду историю нашего шествия к Белому дому рассказывать, Вадим [Дамье – Ред.] ее осветил. Тоже вопрос я бы задала: а, действительно, вас было довольно много, вас было больше десятка тысяч людей, которые прорвали кольцо оцепления у Белого дома. Какой социальный состав людей, куда они потом делись? Социальный состав самый разный. Если у баррикад у Белого дома был тот социальный состав, который я уже описала, то люди, которые тогда со мной бежали, с Маляровым и т.д., которые были и частично и на Смоленке, и на Калужской площади, были самыми разными, как и пожилые пенсионеры, анпиловцы, коммунисты и т.д., так и обычные москвичи. Знакомых и наблюдателей, и журналистов среди них тоже было очень немало. То есть, самых разных возрастов, так же, как пострадавшие, которых мы потом лечили, были самых разных возрастов и социального положения, так же, как и погибшие. Но это я отвлеклась, как не библиотекарь, а как человек, который узнал об этом позже.

Тогда уже начали поступать первые пострадавшие, и с ними мы сели в эти машины. Это я без приднестровского флага, без имперок, не видела ни приднестровского флага, ни имперок, видела пару красных знамен, повесила наше беленькое знамя, другое, просто на марле написала красный крестик и повесила и поехали мы в Останкино. Когда мы сели в эту машину, с нами забралась Вторая отдельная казачья бригада. Казачья бригада состояла человек из 8-ми, она была вооружена палками и щитами, отобранными у ОМОНа. Они всю дорогу настолько были увлечены поношением ельцинской стороны и почему-то тоже считали, что чеченская мафия командует и ельцинской стороной, т.е. с одной стороны, президентская сторона говорила, что Хасбулатов – чеченец, а казаки считали, что чеченская мафия командует президентской стороной, или еврейская, что мы чуть не вступили с ними в дискуссию и чуть было не вылетели из этой машины, но наша задача была уже оказывать помощь пострадавшим, и мы доехали дотуда.

И когда мы уже стояли у дверей телецентра, сгущалась темнота, я не буду много слезовыжимательных подробностей, но это был второй шок и стресс, конечно, потому что чудом мне спас жизнь человек, который стоял со мной, имел какой-то минимальный опыт конфликтов. Он сказал: давай отойдем чуть-чуть подальше. Да, стреляли из гранатомета, да, это была вспышка очень характерная, двойная со светом. Совсем первого выстрела в Останкино я не видела, там снайпер с противоположного дома выцеплял гранатометчика, но, поскольку толпа все время перемещалась, он промазал, попал в другого человека, в ноги попал. Его вынесли. Но этого выстрела я не видела, а выстрел из гранатомета я видела очень, очень отчетливо.

Дальше, конечно, началась просто жуть. И она продолжалась не 15 минут, не 20, она продолжалась с 19.30 до примерно 12 часов ночи. А тем временем в 9-м часу Гайдар призвал еще массы народа выйти на улицу. Я не осуждаю Гайдара, я понимаю, что у него была тоже своя очень извращенная, может быть, информация, но мы-то что видели. Мы видели и красный флаг на БТРах «Витязя», который сопровождал нас. Им некогда было снимать красный флаг, который случайно кто-то воткнул на БТР. Мы видели, что в 20.00 подоспел еще один отряд БТРов, это был уже шестой отряд спецназа, как я потом уже выяснила. С КПВТ на БТРе был прожектор и крупнокалиберный пулемет, и куда прожектор светил, туда бил пулемет.

Поджигали ли Останкино? Да, поджигали, но это уже после практически ухода Макашова и его охраны. Они там немножко в дубовой роще покрутились, покрутились люди с автоматами, которых было, я не считала, но я их видела, да, там были люди с автоматами, но поджигать, штурмовать никто не планировал. Это потом уже, когда на площади легли

десятки раненых и убитые, тогда люди стали сливать бензин из машин, останавливать машины, сливать бензин, наливать в раздобытые бутылки и кидать их. И, таким образом, загорелся угол телецентра.

Но этот ужас я помню, что такие небольшие деревья, за которыми не спрячешься, и тебя, как в концлагере освещают прожектором и вокруг убитые и раненые, и бинты кончаются и все такое. А сзади я наткнулась на длинную вереницу машин того самого Васильева, но он стоял и просто, как говорится, держал периметр. Видимо, оправдывался перед Голубцом и прочими командующими-силовиками.

А Белый дом на следующий день, когда я с трудом добралась домой, вся в грязи т.д. и стала рассказывать родителям, то понятно, что они тут же стали перезванивать знакомым и, конечно, на следующий день к Белому дому дураков пойти не было в больших количествах. Все уже понимали, что дело решено и дело проиграно, а в Останкино пошла большая толпа людей, конечно, не такая огромная, как стояла на площади Свободной России, когда выступали с безумными речами Руцкой и Хасбулатов, но большая толпа, потом кто-то влез в автобусы, потом целая колонна пошла в Останкино. Поэтому там было много людей, присоединилось еще много гуляющих в окрестностях, это все-таки парк. Там было много людей, и то, что они увидели, и тот опыт и тот стресс, который они получили, конечно, предопределил следующий день, уже и участники сопротивления в Белом доме, и зеваки, и прочие понимали, что дело идет к полной и кровавой развязке.

И «баркаши» частично вернулись в Белый дом, частично ушли, но притока поддерживающих Белый дом уже ночью 3-4-го, кроме тех казаков, которые привезли раненых, уже не было. И людей там катастрофически уменьшалось количество. Но я подошла туда из дома где-то в районе 11-ти у Белого дома, тоже выносили раненых, не буду подробно впечатления от выстрелов, от обстрелов рассказывать. Но я видела избитых людей, не только раненых, а озверелые, испуганные сотрудники ОМОНа, сотрудники внутренних войск, не скажу за армию, они сидели на броне, но я видела просто избитых людей, я слышала о расстрелянном человеке, тоже своеобразный стресс, поэтому этот день помню не очень хорошо. Да и не все время я там была.

Но я вернулась туда и 5-го числа, и 5-го числа я стояла с медбригадой под эстакадой мэрии, не совсем под эстакадой, а ближе там был магазин «автозапчасти» и туда выносили остатки погибших из Белого дома, не собранных за предыдущую ночь. И 33 трупа. Я спросила: а сколько вы ночью вытащили? Мне сказали: 33 трупа, да еще там 27 лежит с другой стороны. И мы шли прямо за наступающими войсками, сказали мне врачи Медакадемии Сеченова, и к ним присоединившиеся добровольцы. Скорые не могли подъезжать так близко, поэтому очень много добровольцев участвовало в событиях.

И при мне принесли еще с этажей, и я видела парня, который предпочел, видимо, так, после того, как женщинам и детям предложили выйти, и потом выводила «Альфу», все-таки потом там пошла такая жесткая зачистка, что мальчик 17 лет предпочел пустить пулю в лоб, чем сдаваться. И видела казака убитого очень жестоко в упор в тельняшке. И также пыталась дозвониться в скорую помощь, чтобы эти тела забрали. Но мне говорили, что это не дело скорой помощи.

Потом, оценивая события, пришла в «Мемориал» как раз. Меня «Мемориал» привлек к тому, чтобы я рассказала, что я видела. Я понимала, что у меня не было никакой сложившейся позиции, концепции, понятия о том, что происходит, что нужно делать, я поддавалась каким-то импульсивным реакциям, что в данный момент я делаю то, то и то. Конечно, я не знала тот большой массив документов, тех решений Верховного Совета совершенно безумных, но как-то интуитивно я уже понимала, что очень многое не

оценено теми, кто руководил, или пытался руководить, или думал, что он контролирует ситуацию.

И, таким образом, мне бы хотелось, чтобы на протяжении 20 лет, чтобы такой конфликт такого характера, гражданский конфликт, пусть локальный, пусть только в столице, может *назреть* тоже по политическим причинам, чтобы люди, которые решают гораздо больше, чем те, кто ходят по улицам, они оценивали свои возможности, пореальней немножко смотрели на вещи.

Но это такое пожелание тогдашнего испуганного библиотекаря, очень испуганного. А сейчас я очень хочу поблагодарить участников и организаторов, в первую голову, это конференции за крайне ясную, ключевую тему, которая имеет большое значение для оценки и сегодняшней ситуации, и для истории, конечно, прежде всего. (Аплодисменты).

ДАМЬЕ В.В.

Историк, один из деятелей анархического и экологического движения конца 1980-х и начала 1990-х годов. «Я просто вспоминаю, что у нас тогда ключевое слово, которое у нас было в головах, это было слово «Чили»».

У меня просто несколько замечаний, не какой-то большой доклад. Просто интересно, может быть, такое методическое замечание, с точки зрения того, как воспринимается история современниками. Очень часто бывает так, что когда люди переживают какие-то события, участвуют в них, то они судят об этих событиях по каким-то моделям событий в других странах, в других местах, как, скажем, во время Французской революции, ссылались на Римскую Империю и т.д.

Я просто вспоминаю, что у нас тогда ключевое слово, которое у нас было в головах, это было слово «Чили», т.е. мы ассоциировали происходящее именно с чилийскими событиями, и мыслили в этом смысле немножко образами, т.е. горящий Белый дом – горящая Ла Монета; стадион около Белого дома – стадион в Чили, т.е. слово Пиночет у нас все время было на языке. То есть, мы воспринимали это, правильно сейчас, неправильно, оправдала история это, не оправдала эту позицию, это уже другой вопрос, но, может быть, просто небезынтересно будет упомянуть о том, что так воспринималось.

Второй момент. Мне кажется, что если подводить итог того, что это было, то, мне кажется, что наиболее точно охарактеризовала это женщина, мать одного из погибших молодых людей, была некая телевизионная передача какое-то время лет назад, очевидно, к какой-то очередной годовщине этих событий. Молодой человек, сын этой женщины пошел туда к Белому дому, там погиб в ходе всех этих событий. И мать эта сказала: я ему говорила – сынок, не ходи туда, там делят власть. На мой взгляд, наиболее правильное, точное определение того, что происходило в эти дни именно такое – там делили власть. И получилось то, что получилось в 1994 году. Конечно, все хорошо, людей отпустили, тихо, мирно, все закончилось замечательно. Но понимаете, для обычных людей, которые во всем этом участвовали, для обычных людей, которые сражались там, проливали кровь, гибли с той и с другой стороны, для них то, что в 1994 году элиты, которые до этого вроде бы смертельно дрались друг с другом, договорились между собой ко взаимной выгоде, для простых людей, для тех, кто погиб, это – оскорбление и плевков в лицо. Это второй момент.

И третий момент, мне кажется очень важный, который тянется оттуда сейчас. Как исследователя, как политолога меня всегда интересовал вопрос, на который до конца не могу ответить: почему, несмотря на все те социальные трудности, проблемы, политические кризисы, которые с тех пор были с 1993 года и по настоящий день, почему,

тем не менее, какого-то широкого социального движения, широкого социального сопротивления нет, почему?

И очень часто я слышал от людей, которых я просил объяснить мне это, или высказать какую-то свою точку зрения, я очень часто слышал слово «страх». Я спрашивал: помилуйте, какой страх, почему в 1962 году, всего через 9 лет после смерти Сталина, люди в Новочеркасске совершенно стихийно могли выйти на улицу, хотя уж, казалось, такое имели за плечами, такой режим, такой ужас, после которого всякое желание что бы то ни было делать должно было пропасть раз и навсегда, почему тогда они вышли на улицы, а почему, скажем, в период кризиса конца 90-х или 2000-х народ на улицы в таком количестве не выходит, что произошло, откуда эта пассивность нараставшая?

И мне сказали: может быть, причину надо искать все-таки в 1993 г., т.е. может быть даже дело не в масштабах того, что произошло и не в количестве погибших, пусть их было не так уж много, но **это был такой шок для общества, от которого мы, на самом деле, страдаем до сих пор**. Но, на самом деле, мне кажется, что если это и так, то это в каком-то смысле по контрасту, может быть, с 1991 годом. Такое ощущение, что в обществе в 1993-м существовал некий комплекс 1991-го, т.е. людям казалось, что точно так же, как в 1991 году не посмели открыть огонь, может быть, точно так же будет и сейчас, не посмеет эта власть, черт возьми, после перестройки стрелять в людей. И вдруг выяснилось, что осмелились, стали стрелять. И, очевидно, это и было для общества настолько диким шоком, что мы с тех пор, как общество, как социум оправиться от этого не можем. И от этого мы страдаем до сих пор. Спасибо. (Аплодисменты).

БЕРЕЛОВИЧ А.

Французский русист, социолог, историк, переводчик, специалист по истории общественной мысли в России. «Идея, чтобы перейти через авторитаризм в демократию, мне казалась немножко странной».

Я попробую в звании идеолога не слишком выступать. Рудольф Германович сказал – надо подвести итоги, и я попробую сказать несколько слов. И, пользуясь случаем, все-таки высказать несколько собственных соображений, с вашего разрешения.

Первое замечание, что, несмотря на отсутствие нескольких акторов, как теперь говорят, участников этих событий, те, кто пришли, позволили нам иметь очень интересную конференцию. И, мне кажется, это очень важно, и спасибо Рудольфу Германовичу, Сергею Владимировичу Журавлеву, спасибо Амандин Регамэ, Кароль Сигман за их работу и за то, что они смогли, в общем-то, без кровопролития собрать людей, которые были по разным сторонам баррикады. Это нам позволило уточнить немало фактов, которые я лично не знал, во всяком случае, и продвинуться немножко в знании, в понимании того, что произошло.

Второе мое замечание, что даже, если мы продвинулись, совершенно очевидно, что еще немножко рано, к сожалению, для того, чтобы подойти к такому бесстрастному, кто-то говорил: говорить без гнева и пристрастия.

Конечно, страсти еще бушуют, и какого-то общего отстраненно исторического взгляда еще, по-моему, некоторое время не будет. Но, тем не менее, какие-то предпосылки к этому, по-моему, были и это обнадеживает. И призыв работать в архивах, конечно, тут немаловажен.

Во Франции было в 1968 году некие явления, которые до сих пор называют событием. Почему их называют событием? Потому, что никто не знает, как это назвать. И, несмотря на то, что профессор Добри говорил, что не важно, как называешь, мне кажется, очень важно, как называешь. И здесь прозвучало несколько названий «политико-

конституционный кризис», «переворот», «буржуазная революция» и мельком, но все-таки прозвучало «путч». Я могу сказать, что я лично думаю, я думаю, что это был государственный переворот, но не в этом дело, что я думаю. Дело в том, что, конечно, в зависимости от слова, которое будет выбрано, за ним стоит некое видение истории России последних десятилетий, и это немаловажная дискуссия.

На мой взгляд, что произошло? Говорили о борьбе между ветвями власти, но некоторые говорили, что нельзя говорить о парламенте, потому что это не был парламент, это был Верховный Совет. Но также, по-моему, нельзя говорить совсем о Президенте, потому что это Президент унаследовал свои, как это произошло исторически, кто стал Президентом СССР – Генеральный Секретарь КПСС. И, мне кажется, что функция Президента очень много, не говоря о здании, которое оно напрямую унаследовала, на Старой площади, но и все другое унаследовала. Поэтому я бы говорил не о борьбе между двумя ветвями власти, а, скорее всего, о невозможности некоего разъединения одной власти, т.е. то, что Советская власть была не разделена, намечалось какое-то разделение, она, по-моему, не смогла разъединиться, и 1993 год был окончательным поражением этой эволюции, и поэтому вернулась система одновластия.

Меня очень поразило, с каким страхом все время говорят о двоевластии, а вообще-то в демократических странах три власти, и как-то это никого не пугает. Именно здесь две власти пугали. И тут, мне кажется, конечно, что советское наследие, если не говорить о том, что было раньше, очень важно. Эта идея как раз единоначалия, что должен быть один человек, поэтому была идея, что президентская власть самая подходящая, что в отсутствии верхней палаты и сената, в отсутствии работающего парламента, идея, что для такой страны, как Россия, в таких размерах лучшая система – это когда вся власть у одного человека, конечно, бредовая, извините меня. И, конечно, иметь места, где разные регионы, разные акторы, разные политические местные элиты могут между собой договариваться, все-таки было достаточно необходимо.

Но здесь, мне кажется, очень интересно, что люди, которые принимали решение, конечно, исходили из своей идеологии, а в этой идеологии была идея, я не хочу говорить о коммунизме, а именно идея единоначалия, что нужна сильная власть. Как будто парламент – не сильная власть. Конечно, английский парламент более сильная власть, чем какой-нибудь диктатор в Южной Америке.

Говорили о Чили, о Пиночете. Я помню, эта идея, что переход к демократии от тоталитаризма должен пройти через авторитарный период, и главный герой в этом был Пиночет. Мы помним дискуссию вокруг железной руки. **Идея, конечно, о том, чтобы перейти через авторитаризм в демократию, мне казалась немножко странной**, но положим. Ведь вопрос в том, что никто никогда не давал гарантии, что из авторитарного можно перейти в демократическое, а что можно вполне остановиться на одном из этих этапов. Мне кажется, что то, что произошло в 1993 году, сильно зависело от этого видения истории, от этого видения хода страны, которая должна была обязательно пройти через, в общем-то, власть, которая не зависела бы от населения. И здесь, по-моему, сошлись и советские представления, где, конечно, то, что думал народ, и то, что думало общество, мало волновало правителей, так же как и технократические настроения, когда технократы совершенно не думают, что нужно учитывать умонастроения и желания или требования общества, а надо, наоборот, технически правильно принимать технически правильные решения. То, что имело место.

Еще два замечания. Очень четко, по-моему, просматривается в нашей дискуссии, что конфликт 1993 года очень часто читался так: или возврат к прошлому, к коммунистам, или идти вперед к демократии. И это тоже был один из очень сильных штампов того

времени. Как будто идти вперед можно было идти обязательно к демократии с заходом через авторитарное, но как будто демократия нам обещана как светлый горизонт человечества. И это привело к тому, что было мало сил, и это тоже здесь, по-моему, просматривалось, которые задумались, как добиться того, чтобы будущее было бы демократично, и, в общем, то, что несмотря на всю симпатию, которую можно иметь к этим силам, они все-таки выглядели как маргинальные в то время.

И в заключение. Мне кажется, очень интересно, что здесь много говорили об уроках, и в общем проглядывалось постоянно соотношение тех событий с нынешним временем. Мне кажется, что это не совсем случайно, т.е. подспудно, а для некоторых выступающих не подспудно, а совершенно открыто, вопрос стоял: насколько нынешний режим исходит из 1993 года? И поэтому, мне кажется, страсти далеко не улеглись, потому что 1993 год, таким образом, еще жив.

Чтобы продолжить как раз последнего выступающего, какой был урок 1993 года для населения? Мне кажется, очень хорошо, что последняя выступающая напомнила нам, как люди с улицы это пережили, какое они имели впечатление от этого, и кажется, Шубин говорил о том, что важно подумать о социальной составляющей этих событий. Но урок был, мне кажется, если подумать о том, что было потом, то, что проблемы решаются силой. И то, что власть имеет право употреблять силу, чтобы решать те проблемы, которые стоят перед ней.

И побочно, что парламент, конечно, не там, где находится власть, это говорильня, в этом его убеждали достаточно постоянно, и до 1993 года и после 1993 года. Поэтому, действительно, мне кажется, сегодняшняя и вчерашняя дискуссия позволила нам нащупать, почувствовать, а для французов окунуться в такие события, за которыми мы следили, но, в общем, не были действующими лицами тех лет. Это кажется очень важно. Поэтому мое пожелание, чтобы выступления были бы, во всяком случае, расшифрованы, чтобы, может быть, в электронном виде или в каком-то другом виде были бы зафиксированы. Все-таки это была очень, по-моему, важная встреча разных свидетельств, разных точек зрения. Историки знают, что свидетельства вещь хрупкая, что люди помнят не все, что они перестраивают то, что они помнят. Но, тем не менее, устная история позволяет в то же время услышать, как сказал бы Мандельштам, шум времени лучше, чем многие документы. Спасибо. (Аплодисменты).

ЖУРАВЛЕВ С.В.

Заместитель директора ИРИ РАН.

Уважаемые коллеги!

Уважаемые участники конференции!

Дорогие студенты!

Я хотел бы сказать, что мы, действительно, присутствовали вчера и сегодня на очень важном, знаковом событии, потому что подобного рода научных конференций по событиям 1993 года пока еще не было. И мне жаль, что слишком мало студентов было на этой конференции, потому что те мысли, те рассказы о прошлом, очень важны не только для реконструкции нашего прошлого, но и, на мой взгляд, для того, чтобы мы лучше понимали настоящее. Для студента, мне кажется, такого рода конференции очень важны.

Вторая мысль, о которой мне бы хотелось сказать, заключается в том, что у нас первый этап конференции завершается. Второй этап конференции будет в Париже, и мы, конечно, будем его тщательно готовить. Я думаю, что организаторы этой конференции должны провести очень тщательный анализ того, что было в первом этапе сделано, продумать с

учетом первого этапа программу, подобрать, возможно, специально пригласив кого-то, участников второго этапа конференции для того, чтобы мы в итоге получили более объемное видение кризисной ситуации 1993 года, и могли лучше разобраться в характере тех процессов, которые происходили в 1993 году.

Мне показалось, в частности, что еще есть сюжеты, на которые мы могли бы обратить особое внимание и, возможно, целенаправленно подобрать спикеров для второго этапа конференции. Я имею в виду, в частности, то, что мы совершенно почти не затрагивали тему средств массовой информации, а ведь, на самом деле, октябрь 1993 года вошел особым образом в историю нашей страны по той причине, что тот характер информационной войны, как в октябре 1993 года, не был никогда до этого. И важно именно информационного обеспечения деятельности той или иной стороны и подавление другой стороны, эффективность этой политики очень характерно проявилась именно в октябре 1993 года. Об особенностях этого, об информационной войне, какую роль она сыграла в этих событиях, настроениях населения, в преподнесении одностороннем во многом того, что происходило, об этом мы пока еще не говорили. Я бы очень хотел, чтобы и рядовые журналисты, и руководители средств массовой информации, в том числе и зарубежных, потому что они тоже несут ответственность за то, как они транслировали мировому сообществу то, что происходило в России в это время, об этом мы должны поговорить обязательно.

Второй вопрос. Я ведь не случайно задавал вопрос об Администрации Президента. Когда мы писали книгу о 90-х годах, конечно, мы не могли обойти вниманием вопрос о таком крайне важном сейчас органе, который действует в России, как Администрация Президента. Он упомянут в Конституции, но его функции там не определены. И, конечно, нужно понимать, когда произошло возвышение этого органа, какие этапы он прошел в своем развитии. На мой взгляд, он сыграл исключительно важную роль в событиях октября 1993 года.

Мы пока еще эту роль толком не знаем, но то, что нам сегодня сказал Сергей Николаевич, и то, что я видел по документам, говорит о том, что, действительно, в самый напряженный период кризиса в сентябре – начале октября в Администрации Президента существовал, действительно, мозговой центр, который во многом определил результат этого кризиса. Действительно, наряду с руководителями Администрации Президента, в лице в частности Сергея Николаевича, были привлечены для аналитики, для выработки оперативных решений, для рекомендаций властным структурам наиболее интеллектуально подготовленные люди из числа демократов, из числа либералов, которые были близки Ельцину и его команде. И этот аспект, что не только формальные структуры, но и были созданы неформальные мозговые центры, которые сыграли очень важную роль, пока еще малоизвестную в истории, работали в это время. И какую роль они сыграли?

Если вы посмотрите, допустим, материалы и затем сравните – идет рекомендация конкретному СМИ, как освещать то или иное событие и сравните с тем, как это освещалось – выполнялась ли эта рекомендация, или нет, и как она выполнялась. Идет рекомендация в адрес помощников Президента, что он должен там-то выступить и сказать то-то, конкретно что сказать, и дальше посмотрите речь Ельцина и увидите, что абсолютно то же самое, что ему было рекомендовано, он говорит. Вы поймете, насколько важную роль в это время играла эта структура, а о ней мы пока еще мало что знаем. На мой взгляд, Администрация Президента была, действительно, очень важным фактором, о котором еще мало что известно.

Следующий вопрос, о котором мы пока мало что знаем. Силловые структуры, какова была их позиция. Много разных мнений по этому поводу, кто-то говорит, что на определенном

этапе едва ли все силовые структуры отказались подчиняться Ельцину, перешли на сторону Белого дома. Известны, в частности, мнения руководителей московского ФСБ того времени. Известны другие мемуарные источники и т.д., но все-таки этот вопрос на этой конференции поднимался очень мало, на мой взгляд, а надо бы поподробнее об этом поговорить – о позиции представителей разных силовых структур.

То есть, я бы хотел сказать о том, что поле для дальнейшего исследования этой темы очень обширное, и мы только подняли малую толику проблем, связанных с этим сюжетом.

И разрешите, наконец, перейти уже к совсем конкретным идеям, возникшим по поводу наших заседаний двух этих дней. Как вы понимаете, на сегодняшний день собраны, по крайней мере, несколько уникальных коллекций, документальных коллекций. Во-первых, наиболее крупная из них – это коллекция, находящаяся в «Мемориале», по истории 1993 года. Эта коллекция, как нам правильно говорили вчера, очень слабо, к сожалению, используется исследователями, хотя она в достаточной степени описана, и доступ к ней вполне гарантирован. Но существует другая коллекция, которая находится в Государственной публичной исторической библиотеке, эта коллекция вообще не описана, и она, хоть документы существуют, но реально пользоваться – не каталогизирована, не описана – невозможно. Дальше, существуют материалы, листовки, плакаты и такого рода документы в Государственном Архиве Российской Федерации, коллекция есть, и есть коллекция в бывшем Мосгорархиве, сейчас называется Главархив города Москвы.

Наконец, как сегодня говорил Сергей Владимирович Мироненко, есть архивные документы, в частности целый фонд Верховного Совета, который хранится в ГАРФе и который отражает, в том числе материалы, относящиеся к кризису 1993 года, т.е. мы имеем, с одной стороны, немалое количество источников, но мы не имеем никакой единой систематизированной базы данных. Мне представляется, что в качестве первого шага мы должны были бы соединить вместе хотя бы информацию, т.е. опись, описание, перечень документов, источников из разных хранилищ и коллекций для того, чтобы выстроить их в единый ряд и посмотреть – что у нас есть, а чего у нас нет.

А на втором этапе приступить, возможно, к интенсивному интервьюированию по тем сюжетам, которые у нас пока отсутствуют. **Я бы выступил за то, чтобы инициировать несколько проектов по итогам нашей конференции, и сделать это совместно российской стороне и французской стороне, возможно, привлекая и других представителей международных исследовательских организаций.**

Спасибо за внимание. Я хотел бы поблагодарить всех участников за заинтересованность, за искренность, это очень важно для нас и, думаю, что мы благодаря вам очень сильно продвинулись в направлении реконструкции того, что происходило в 1993 году. Спасибо. (Аплодисменты).

ПИХОЯ Р.Г.

Заключительное слово. «Советская власть у нас начиналась под залпы Авроры и пушек Петропавловки по Зимнему дворцу. Советская власть закончилась в 1993 году в октябре месяце».

Уважаемые коллеги!

Я хочу, прежде всего, поблагодарить всех участников этой конференции. Произошла вещь достаточно симпатичная и довольно редкая, у нас почти все докладчики были, за исключением Руслана Имрановича, но он и тут несколько на особицу.

Я полагаю, что конференция удалась и хочу очень поблагодарить людей, которые обеспечили проведение этой конференции. Я имею в виду и наших французских коллег, и Институт российской истории, и мою помощницу Анну Валерьевну Корнееву, которая чрезвычайно много сделала для этой конференции.

Но переходя к содержанию, я полагаю, что события 1993 года надо вписать, прежде всего, в общеисторический контекст. Советская власть у нас начиналась под залпы Авроры и пушек Петропавловки по Зимнему дворцу. Советская власть закончилась в 1993 году в октябре месяце, закончился огромный период истории, очень важный, советский период закончился принятием новой Конституции и событиями, предшествующими этому обстоятельству. Можно по-разному оценивать, но задача историка видеть, в конце концов, то, что остается. И мы прекрасно с вами понимаем, что такие разрывы исторические – это, к сожалению, та плата, которую человечество платит, переходя от одного этапа истории к другому.

Второе обстоятельство чрезвычайно важное, если мы говорим об общеисторическом контексте. Мы имеем дело с событиями, которые я лично оцениваю, как революцию, которая начинается, проходит ряд стадий, она начинается в конце 80-х годов, вторая ее фаза начинается с 1991 года и она завершается 1993 годом. Это тоже очевидная вещь. То есть, в этом смысле эти события неотделимы от такого огромного эволюционного процесса, который переживает страна.

Второе обстоятельство. Наша конференция посвящена анализу политико-конституционного кризиса, источники, интерпретации, перспективы изучения. Я хочу сказать, что в нашей конференции очень важное место заняло то, что называется устная история. Устная история – это не только и не столько факты, сколько отношения и оценки, что очень важно и, может быть, не менее важно постольку, поскольку это создает ту социально-психологическую характеристику, чрезвычайно важную для понимания происходящего.

Вместе с тем, будучи историком, воспитанным в традициях жесткого позитивизма, и в этом смысле историка-традиционалиста, понимая всю важность устной истории, я хочу сказать, что перед нами лежат гигантские массивы неосвоенной документальной информации. Сегодня мы слышали, что там происходило на Крымском мосту. Да есть покадровая съемка, сделанная ТАСС, там сразу видно, что никто никого не пропускал, там посекундно все это сделано посекундная съемка. Я не буду говорить о богатстве этого фонда 100026 постольку, поскольку он дает с точностью до минуты, как через 15 минут было принято решение Юридического отдела, объявившего Указ Ельцина нелегитимным, как через 2 часа появляется решение Конституционного Суда, как в ночь между 21 и 22-м, путаясь в датировке протокола, потому что дело происходит ночью, начинают писать, один день заканчивается, другой день, принимается там целый ряд решений, документальный объем этой информации абсолютно бесценен для понимания и для корректировки наших субъективных оценок.

Третье важное обстоятельство, на которое я хочу обратить внимание. Конечно, абсолютно ясно выявились лакуны в нашей информации. Я бы хотел обратить внимание на одну принципиально важную лакуну информационную, документационную, и на одну проблемную. Сегодня говорил Сергей Владимирович о некоторых пропусках, в частности, об информационной войне. У нас был Слава Костилов, но как-то не получилось его послушать, это было бы интересно. Но говоря о лакунах, конечно, я думаю, Сергей Николаевич, надо, действительно, обращаться в Администрацию Президента и надо рассекречивать эти документы. Рассекречивать, не рассекречивать, но в любом случае надо передавать. Не надо сохранять неприличие. Да мы вместе с Вами будем обращаться,

и вместе с Институтом российской истории. Конечно, надо закрывать эту лауну, надо эти документы элементарно передавать в Государственный архив Российской Федерации. Не надо, неприлично, что эти документы не в обороте.

Содержательный очень важный вопрос, содержательная лауна, которая, на мой взгляд, имеет огромное значение и не только не утратила актуальность, а становится только более актуальной, это – роль регионов и национальных республик в конфликте. Это – огромной важности проблема постольку, поскольку Совет Федерации, который сидел в это время в здании Конституционного Суда, выступал в значительной степени отдельной политической силой, влиявшей на все происходящие процессы. Но не это главное. Главное, что в условиях политико-конституционного кризиса у нас 4 раза провозглашает свое существование Донская Республика. Я сбился со счета, сколько там республик насоздавали на Кавказе. У нас появляется Уральская Республика, которая печатает свои франки и принимает свою Конституцию. У нас появляется Сибирское Соглашение, которые стремительно эволюционирует в Республику. Дальнейшее развитие этого политико-конституционного кризиса с неизбежностью, на мой взгляд, привело бы к катастрофическим последствиям. Впрочем, это моя точка зрения, ее можно обсуждать, но ее в любом случае надо изучить.

Следующее обстоятельство, которое, на мой взгляд, чрезвычайно важно. События 1993 года ставят колоссальной важности проблему, проблему ответственности за людей, проблему политической ответственности за людей. Тут нет слов, одни выражения, потому что отсутствие политической ответственности за людей – это дрянная национальная традиция не считать людей в России. Тот же Макашов, он-то как военный понимал, что ведет практически безоружных людей под пули, под огонь. Девочки из санитарной дружины не понимали, куда они едут, а он, военный, понимал. Я слушаю его теперешние мемуары по телевизору, где он изображает полную невинность. Я не только о Макашове говорю. Вы понимаете прекрасно, что я говорю не только о Макашове. Проблема ответственности и политической ответственности за людей – вот одна из центральных тем, которая, на мой взгляд, должна изучаться, анализироваться и, может быть, в этом состоит одна из социальных функций нашей теперешней конференции.

Конференция, прямо скажем, жаркая, интересная. Я убежден в одном и могу повторить то, что мне говорил мой старый учитель: не опубликовано, значит, не сделано, т.е. задача состоит в том, что материалы должны быть опубликованы. Не опубликовано, значит, не сделано.

Я хочу пожелать нашим коллегам успехов, удачи, здоровья и благополучия. (Аплодисменты).

Direction de la publication : Carole Sigman.

Редакторская правка и иллюстративное оформление текста - С.Митрофанов.

В оформлении стенограммы использованы фотографии ©Сергей Митрофанов и журнала «Гэфтер» с разрешения правообладателей.

© ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

© РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ